

ПРЕСТУПНЫЙ МИР
БОСТОНА, КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Святюша

А. ЗАВАРЕЛЛИ

Скарлетт

Отправляясь на войну, нужно соблюдать три очень простых правила:

1. Знай своего врага
2. Будь готов пожертвовать собой.
3. Всегда надевай качественную обувь

В конце концов, месть — это блюдо, которое лучше всего подавать, будучи обутой в туфли на шпильках.

У меня глаз наметан, и ничто не встанет у меня на пути.

Даже Рори «Святоша» Бродрик.

Он полный дурак, если думает, что в состоянии изменить меня. Когда я закончу с ним, я превращу его мафиозные игры в детскую забаву по сравнению с моей изощренной игрой.

Готов встать у меня на пути, мистер Бродрик?

Тебе стоит постараться обмануть свое сердце и надеяться на быструю смерть.

Рори

Я — боец. Жулик. Бандит.

Я повидал немало на своем веку.

Но я никогда не встречал на своем пути никого подобного ей.

Она — красавица, у которой сердце чудовища. Она — отравленное яблоко, вкус которого так и манит меня. И ей в след увязываются те, кто жаждет пасть пред ней ниц.

Но чего она точно не знает, так это то, что мне дикарки по душе.

Приручать их для меня намного интереснее.

Перевод: *Лена*

Редактор: *Alteplaza*

Вычитка: *Ms.Lucifer & Ведьмочка*

Рори

Ботинок в третий раз толкает меня в бок, и раздается стон. Я верю, что это исходит от меня, но об этом можно только догадываться.

— Отвали.

— Ты сказал мне разбудить тебя.

Голос Конора сейчас для моих ушей, как будто кошки скребут когтями холщовый мешок, пытаясь его тщетно разорвать.

— Я ничего подобного не говорил. А теперь отвали и дай мне поспать.

Раздается вздох. Удаляющиеся шаги. На минуту мне кажется, что парень действительно собирается сделать, как ему велели. Пока ледяная вода не ударяет мне в лицо, и я не

стряхиваю остатки сна, раскачиваясь.

Мне не удастся согреть его, так как Конор защищен от моих ударов спинкой дивана. А рядом эта женщина, которую я привел домой прошлой ночью, так как она вдобавок ко всему еще и отрубилась.

— Ты настоящий джентльмен, — говорю я парню. — В том, как прячешься за леди.

Он корчит гримасу, когда его взгляд блуждает по обмякшей фигуре блондинки с глазами как у енота и приоткрытым ртом, пока она храпит. Ее зовут Айви, так она сказала.

— Ага, настоящая леди, — усмехается Конор.

Голос парня при этом жесткий, лишенный всякой сладости. Конор никогда не бывает жестким и озлобленным, на самом деле, большую часть времени он ведет себя как клинический тупица. Вот откуда я знаю наверняка, что мои подозрения насчет этой девушки были верны.

— Я привел ее домой для тебя, ты, гребаный идиотина, — говорю я ему. — Я видел, как ты строил ей глазки всю ночь напролет. Но потом ты исчез и не потрудился вернуться сюда, чтобы уладить все с ней.

Он отводит взгляд, и вот он снова становится самим собой. Неуклюжим, неловким парнишкой, которого я впервые встретил, когда он решил отправиться на Дикий Запад в составе команды «Ленокс Хилл». Думал, что он уйдет в сиянии славы, но вместо этого он стал работать на нас. Он уже должен был знать меня достаточно хорошо, чтобы понять, что такой поворот событий совсем не в моем вкусе.

— Приготовь ей завтрак, а потом подбрось ее домой, — ору я, идя по коридору.

— Тебе нужно быть в церкви через сорок минут, — говорит он. — Не опаздывай, или Кроу подарит нам обоим яйца.

Прямо сейчас я испытываю приступ ненависти к этому парню. Но парень прав.

Единственный раз, когда вы увидите целую толпу мафиози в церкви, — это либо что-то грандиозное, либо что-то очень плохое.

Свадьбы, похороны, покаяние.

Сегодня мы все собрались здесь на крещение Кивы.

Младшая дочь Кроу, которая только что вступила в жизнь, защита которой получше, чем у самого президента.

Кива — милая маленькая девочка с внешностью, доставшейся ей от ее матери Мак. И это причина, по которой мы все здесь, в церкви, в воскресенье, вместо того, чтобы страдать от похмелья в «Слейнте», как обычно.

Поскольку Кроу теперь босс ирландского синдиката, в нашей команде нет ни одного парня, который не был бы здесь сегодня. Мы все пришли, чтобы выразить свое уважение и поддержку.

Семья — это очень важно. Семья — это все.

А, не считая моей мамы, эти ребята — единственная семья, которая у меня есть. Мои братья. Нет ничего такого, чего бы я не сделал для них. Это кодекс, по которому мы живем. Мы будем вместе до конца, и ничто этого не изменит.

Но я вбил себе в голову, что когда-нибудь хотел бы обзавестись собственной семьей. Эта мысль приходит мне в голову только тогда, когда я вижу Кроу и Мак вместе. Даже Ронана и Сашу. Все ребята достигли того возраста, когда они остепеняются и меняют свой привычный образ жизни. По крайней мере, в том, что касается жизни за пределами синдиката.

У меня хорошая жизнь. Я делаю то, что у меня получается лучше всего. Суета и драки. Я провожу свои дни с парнями, разгребаю дерьмо, а ночи провожу с любой горячей штучкой, что приглянется мне.

Но прямо сейчас, сидя на этой скамье, с бодуна и жутко голодный, я вдруг получаю озарение. Этот голод внутри меня — эта пустота — они жаждут нечто большего.

Я представляю, как когда-нибудь буду стоять во так же. Как сейчас Кроу, держащий на руках свою дочь. И когда я представляю свою жену рядом со мной, на ум приходит только одно лицо. Это могла быть только она.

Женщина, которая всегда в моих мыслях.

Женщина, которую я не видел несколько месяцев.

Женщина в таких чертовски прочных доспехах, что мне нужно брать с собой весь свой арсенал, чтобы просто поговорить с ней несколько минут. Кроу нравится дразнить меня из-за этого. Говорит мне, что я хочу только того, чего не могу получить. Но дело не в этом.

Когда я встретил Скарлетт, я похищал ее и держал под прицелом... только непродолжительное время. По крайней мере, до тех пор, пока не была улажена вся эта ситуация с Мак. У меня не было никаких дурных намерений в отношении нее, но я знал, что это не имеет значения. Это было не первое мое родео. Большинство женщин в такой ситуации сдались бы. Сломались и впали бы в истерику. Но только не она.

Мало того, что она, блядь, ударила меня ножом — боевой шрам, который я до сих пор ношу на руке, — но она не проронила ни единой слезинки. Она была холодной, как камень, и чертовски твердой. И вот тогда я понял, что она была цыпочкой а-ля «Прокатись или умри».

Лети к моему Дому.

Я жестко набросился на нее, и она не съежилась в моем присутствии. Она бросила мне вызов.

Я принял решение прямо там о том, что это была та женщина, которая была мне нужна рядом со мной.

Единственная проблема в том, что Скарлетт смотрит на это иначе. Она играет роль одной женщины, и она не собирается уступать место кому-то еще ни на своей сцене, ни в своей жизни.

Мне ли этого не знать.

Но когда я слышу мягкий стук каблуков позади себя, я остро осознаю все, что происходит в комнате. Тяжесть чьего-то присутствия рядом со мной на церковной скамейке. Мягкое облако меда, карамели и мышьяка.

Энергия грубая и темная, сила, с которой нельзя не считаться. И у меня нет никаких сомнений в том, что сатана только что вошел в святую землю.

В висках стучит, а кулаки сжимают деревянную скамью подо мной.

Я хочу взглянуть, но я знаю лучше. Она — Медуза, и если я посмотрю в ее карие глаза, со мной будет покончено раз и навсегда.

Она ядовитая. Она яд.

Но я никогда не хотел ощутить вкус собственной смерти так сильно, как хочу ее.

Она — звезда моих самых мрачных фантазий. Центральная обложка на каждой странице моей любимой книги. Даже сейчас, когда я сижу здесь, в церкви, я думаю о том, чтобы бросить ее на пол и съесть. Наклоняю ее над скамьей и избавляюсь от симптомов своего безумия раз и навсегда.

Подозреваю, что Скарлетт понравилась бы эта порочность. Потому что она реально сумасшедшая. Как и чертовски сексуальная.

Господи Иисусе. Я не хочу смотреть. Потому что я не смогу перестать пялиться на нее. Это последнее, что ей нужно от меня. И именно этого она от меня хочет.

Ей нравятся эти игры.

И какое-то время это было весело.

Пока ее не забрал мясник. Именно тот факт, что она связана с нами, стал причиной того, что она оказалась в лапах мясника. Это снова причинило ей боль.

Он прикоснулся к ней. Разрезал ее грудь, словно тыкву.

Я не могу выкинуть этот гребаный образ из головы. И теперь я одновременно думаю о том, чтобы трахнуть ее и убить каждого парня, который когда-либо прикасался к ней.

Я виню себя в том, что произошло, даже если она ведет себя так, как будто этого никогда не происходило. Ее поступок, достойный Оскара, легко забыть.

Она пробуждает во мне все плохое.

Но у меня такое чувство, что она высвечивает плохие стороны большинства парней.

Сначала мой взгляд опускается на туфли. Красная замша на широкой платформе с крошечными ремешками, которые обхватывают ее изящную лодыжку. Все это уравнивается изящной шпилькой. Я понятия не имею, как она в них ходит, но она знает, что я равнодушен к ее туфлям на каблуках.

Если бы я когда-нибудь допустил возможность трахнуть ее, я бы заставил ее не снимать их.

Осторожно, насколько я могу справиться с приливом крови, который сейчас направляется строго на юг моего тела, я перевожу взгляд вверх по ее подтянутым ногам на подол ее платья. Взгляд скользит вверх по ее бедру, когда она скрещивает ноги, открывая легчайший намек на кружево в верхней части чулок.

Настоящая гребаная пытка — вот кто она такая.

Я убежден, что эта женщина действительно сатана в юбке. Я знаю, что не могу быть единственным мужчиной, который добровольно собрал бы вещички и отправился прямиком в ад, если бы она стояла на коленях и поклонялась мне во время моего нисхождения.

Я слегка поворачиваю голову, и знаю, что она в курсе хода моих мыслей. Потому что она смотрит прямо на меня.

Ее красота хрупкая, но сильная как граната.

У Скарлетт лицо в форме сердца с веснушками вокруг носа. Изящные, тонкие черты лица и знойные губы она всегда красит в красный цвет. Ее глаза похожи на ее характер. Хамелеоны. Всегда переменчивы. Временами они могут быть кошачьими, теплыми, как бренди. Но они могут быть и очень темными, цвет проваливается в бесконечную пустоту. Особенно когда она жаждет мести. Что бывает крайне часто.

Сегодня они мягкого янтарного цвета, я бы поклялся в этом. Переходящие в черный цвет в тон ее платью. Ее темно-шоколадные волосы собраны в элегантный пучок, скрывающий золотистые тона, которые я так люблю. Такая прическа ей не подходит, но все же.

В Скарлетт есть природная грация, которая укоренилась в ней. Она не может этого скрыть, независимо от того, сколь долго она провела на улице. Это заставляет меня усомниться в ее происхождении. Я хочу знать, что движет хитрой маленькой лисой. Что привело ее к изоляции от общества. Причина, по которой она прикидывается дурочкой, хотя

на самом деле я знаю, что она всегда самая умная женщина в комнате.

Вытянуть из нее эти ответы невозможно. И я не собираюсь снова идти по этому пути. Я пытался уже. Я пытался ей помочь. Чтобы остановить ее от безрассудства. Я вложил в нее время и энергию, чего никогда не делал ни с одной другой женщиной.

И все, что она когда-либо делала, это отказывалась от этого. Тыкала меня этим в лицо.

Я не забуду этого. Даже когда она сидит рядом со мной и источает райские ароматы. Ее кожа нежная и увлажненная, чистая, как фарфор. Во всем, что она делает, есть какая-то чувственность. Даже простое прикосновение ее ноги к моей заставляет мой член разрывать шов моих джинсов. В отчаянном желании вырваться на свободу и погрузиться в нее.

Она женственна. Соблазнительная. И, без сомнения, смертельно опасная.

Потому что Скарлетт ничего не чувствует. Она не проявляет никаких эмоций. Она холоднее, чем гребаный кусок льда, хотя выглядит совсем не так.

И мне нужно помнить об этом. Даже когда она смотрит на меня так, как сейчас. Как будто она скучала по мне.

Боже правый.

Происходит какое-то движение, когда вся церковь встает, а я пропустил последнюю половину церемонии. Скарлетт тоже встает, но на каблуках ей удается встретиться с видом моей груди. Она миниатюрная и соблазнительная, и все внутри меня хочет выдернуть ее из этой церкви и затащить обратно в мою пещеру, чтобы оттрахать ее до беспамятства.

Вместо этого она приподнимается на цыпочки и касается моего лица.

— Привет, старина, — говорит она почти застенчиво. — Скучал по мне?

Я не собираюсь снова делать то, что мне велят.

— Как проходит битва? — парирую я.

— Почему бы нам не обойтись без любезностей, — улыбается она. — Я обнаружила шкаф для одежды по пути сюда.

Я потакаю ей и играю в ее игру, хотя это меня чертовски бесит.

— В церкви, Скарлетт? — интересуюсь я. — Ты, должно быть, и правда дьявол.

— Никогда не утверждала обратного.

Она наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо, ее рука скользит вниз по моей руке и касается моих пальцев.

— И, может быть, я хочу, чтобы ты делал со мной все нечестивые вещи.

— Я не скажу, что я не испытываю искушения, — шепчу я в ответ в ее волосы, вдыхая ее аромат. — Но не сегодня.

Она замолкает, как обычно, и я знаю, что не должен, но сделаю, как мне велят. Снова.

— Сходи со мной на свидание.

— Трахни меня, — возражает она.

Расстояние между нами всего несколько дюймов, но с таким же успехом оно может быть и милями. У меня похмелье, я измотан, и с меня хватит этой игры.

— Я не позволю тебе ненавидеть меня, — наконец говорю я.

Она моргает, глядя на меня, пораженная моим наблюдением. До сих пор все это было забавой и играми. Большинство людей считают, что у меня не так уж много здравого смысла, потому что я все время болтаюсь без дела. Я всегда отпускаю шуточки, веселюсь, всегда готов посмеяться. Но не сегодня. Не сейчас и не с ней.

— Это то, чего ты хочешь, не так ли? Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, чтобы ты мог свалить меня в кучу плохих и сказать, что я такой же, как все остальные.

Она перемещает свой вес и скользит взглядом по моему лицу, теперь острым и режущим. Но не таким резким, как ее слова.

— О, Рори. Она проводит рукой по моей щеке, и она холодная. — Разве ты еще не понял этого? Я уже ненавижу тебя.

Я делаю глубокий вдох и подавляю желание наброситься на нее. Сказать что-нибудь столь же ядовитое, а это именно то, чего она хочет.

— Не принимай это близко к сердцу.

Она снова уходит в свою раковину, и мои легкие снова начинают гореть.

— Я ненавижу всех.

— Уже уходишь?

Я ловлю себя на том, что спрашиваю, когда она ускользает все дальше.

— Ты же знаешь, я не занимаюсь всей семьей. Я просто пришел на церемонию.

Я наклоняюсь и хватаю ее за руку, чтобы остановить. Но слова, которые я ищу, не находят меня. Какая-то часть меня всегда хочет сказать ей, чтобы она никогда не возвращалась. Но есть и другая часть меня, которая беспокоится о ней.

Думаю, Скарлетт чувствует это во мне.

Моя враждующая ненависть и желание к ней.

Я никогда не знаю, кто из них победит, пока слова не слетят с моих губ.

— Пойдем пообедаем со мной. Никакого свидания, только еда. Всем нужно есть.

Она улыбается, этой мягкой и смертоносной улыбкой. Печаль слегка просачивается в ее черты, прежде чем она маскирует ее очарованием. Она приподнимается на цыпочки и целует меня в щеку.

— Я не могу быть твоей Дейзи, — говорит она. — Так что не проси меня об этом.

— Немедленно прекрати, — говорю я ей.

Скарлетт всегда говорит загадками. Вероятно, строит из себя слишком умную для таких, как я или кто-либо еще в этой комнате. Но она не часто показывает эту свою сторону. Только в такие спокойные моменты, как этот.

И я, как школьник, напряженно жду, когда она объяснит, как устроен ее ум. Если бы мне когда-нибудь посчастливилось иметь в школе такую учительницу, как Скарлетт, я, возможно, действительно обратил бы на это внимание.

— Великий Гэтсби^[1], — говорит она. — Я бы сказала, книга, но в последнее время фильм стал очень модным. Видел его?

— Нет, — говорю я ей.

— Она разрушила его, — говорит она мне. — Гэтсби. Пустота морального разложения. Пустая оболочка, движимая материализмом и социальным статусом.

— Скарлетт.

Иногда ее загадки очень милы. В такие моменты, как сейчас, они раздражают меня до чертиков.

— Тебе действительно стоит прочитать эту книгу.

Она отстраняется. Не ради себя. Она делает это для меня.

Потому что она думает, что прогнила насквозь.

И прежде чем я успеваю сказать ей обратное, она уходит.

Точно также она делает всегда.

Скарлетт

Некоторые девушки сделаны из сахара, пряностей и всего, что есть хорошего. Некоторые сделаны из яда и греха. Как только вам представится возможность заглянуть в их сердца, вы не найдете там абсолютно ничего.

Мои глаза прикованы к цели, за которой я слежу, и не вижу преград.

Проработка трюка — это искусство. Это не просто выбор самого легкого клиента. Речь идет о необходимости докопаться до самой сути. Необходимости немного замараться, пробираясь через дюжину неудачников, которые часто посещают подобные бары. Когда мне скучно, и я не ищу представителя голубой крови, который затесался в моем списке, все до крайности просто.

Я принимаю решение еще до того, как вхожу. Сегодняшняя задача — найти парня, который косится на обладательницу женских прелестей в радиусе шестнадцать километров.

И я обнаруживаю свою цель еще до того, как успеваю насладиться своим первым напитком.

Этот парень — придурок высшего порядка, и он определенно знает толк в зубоскальстве. Парень настолько претенциозен, что свое бахвальство носит словно король, а на море женских тел взирает так, словно он снизошел до толп челяди. За те десять минут, что я наблюдаю за ним, он уже успел облапать пару женских попок и бросил три недостойные внимания фразы.

Ты такая горячая, детка.

Ты слишком сексуальна, чтобы прозябать в этом баре одной, детка.

У меня тут номер наверху. Хочешь насладиться вкусом роскоши?

Две из его потенциальных жертв отшивают парня прежде, чем он успевает начать действовать, а третья — девушка из Огайо — слишком вежлива, чтобы отказать ему, поэтому

она терпит его неудачную попытку загашить ее в постель целых десять минут, прежде чем ретироваться.

Если бы это был театр, он бы назывался «На Бис», потому что я смотрю одно и то же шоу каждый вечер. Эта история стара как само время. Представители высшего общества обожают издеваться над всеми, кто ниже их по положению. Иногда это делается во имя некой цели, но в основном, думаю, они делают потому, что способны делать это.

Эти люди... эти биржевые брокеры и финансисты, юристы и руководители маркетинговых компаний. И все они имеют одинаковый склад ума.

Они — хлеб, масло и даже гребаный торт. С посыпкой сверху.

Дело в том, что торт через некоторое время надоедает. Вечеринка теряет свою привлекательность. А приторность сахара? Кайф, который некогда я ловила, пожирая их души? Его больше нет. Он давно закончился.

Но, как и в случае с любой зависимостью, я не могу освободиться от этих оков. И хотя с каждым провернутым трюком возбуждение становится все слабее, это все еще единственное, что меня волнует.

Пока я сижу здесь и наблюдаю за человеком напротив бара — без волнения — меня неожиданно осеняет. Я уже видела его лицо раньше. На самом деле, я встречалась с ним раньше. Его зовут Рикс. Да, серьезно. И он думает, что это круто, и он думает, что он крут, и его родители были на короткой ноге с Каррингтонами, так что я была уверена, что он также должен знать Александра. Но как я ни пыталась его, он так и не сдался.

Полагаю, урок так и не был усвоен.

Сделала с ним все, что на что была способна. Помню, пришлось проверить сложную схему с париком, гримом и всем прочим. Но проблема с ним заключалась в том, что у него не было ни одного профиля в социальных сетях.

Ни в Facebook, ни в Twitter, ни в Instagram (типа @посмотритенамоюрасточительнуюжизнь). Поэтому мне пришлось отказаться от самого важного шага. Пристыдить парня в том месте, где была сконцентрирована сознательная жизнь.

На этот раз я не повторю эту ошибку.

Я быстро осматриваю себя в компактном зеркальце, которое всегда ношу с собой, а затем отправляюсь на охоту. Мои правила поведения очень просты, как, впрочем, и принцип подбора гардероба. Мужчины живут ради двух цветов. Им не нужны юбки с ананасами или ультрамодный пиджак из осеннего каталога. Им нужно МЧП.

Маленькое черное платье.

Единственное исключение из этого правила — маленькое красное платье, которое ассоциируется у мужчин с одной вещью.

Красный цвет означает секс. Красный ассоциируется у них с ураганом в постели. Дикая. Неприрученная. Красный цвет просто кричит «плохая девочка».

И я такая же плохая, как и все остальные.

Я не маскируюсь и очень редко меняю что-то в прическе или макияже. Волосы растрепаны так, как будто я уже повалялась в постели. Они все клюют на это дерьмо. Смоки айс с черной подводкой и красная помада.

Этот образ — классика. Этот образ никогда не подводит.

Конечно, всегда есть шанс, что у кого-то из этих придурков проклюнутся мозги, и этот, в частности, может даже помнить меня. Если я все сделала правильно, он определенно

должен меня запомнить. Но все также зависит от того, какие наркотические средства я использовала, чтобы вырубить его.

В любой хорошей схеме вначале всегда предполагается небольшая кривая обучения. Мне потребовалось время, чтобы понять, что лучше всего работает. И если мне не изменяет память, этот парень был одним из моих подопытных кроликов.

Обычно, если я сталкиваюсь с бывшим клиентом, я просто иду в другую сторону. Это случается нечасто, поскольку я редко посещаю одни и те же места дважды.

Это рискованно и безрассудно.

Но чем дольше я играю в эту игру, тем больше меня привлекает безрассудство. Выброс адреналина, который нуждается в постоянной подпитке. Необходимость встряхнуться. Вот почему я временно отложила свою месть на второй план, чтобы заняться более неотложными делами.

Например, человеком, который послужил причиной вегетативного состояния Кайли. Ее, подключенную к аппаратам, которые дышат за нее, поддерживая активность мозга, который, скорее всего, никогда не восстановится.

Мы с Кайли не были особенно близки. Учítывая, что я вообще не люблю людей, а список тех, кому я доверяю, равен нулю, у меня не так много друзей. Мак — единственная с кем я когда-либо подумала бы об использовании термина «дружба», и то только потому, что я знаю ее так долго, и она еще ни разу не подвела меня.

Но с Кайли мы виделись каждый день на улице. Она тоже работала на улице. Конечно, ее работа была не такой веселой, как моя. Ей приходилось трахаться со своими грязными клиентами. А мне просто нравилось их трахать.

Кайли была милой девушкой. Типичная история. Беглянка. От жесткой семьи. Она слишком молода, чтобы ее жизнь оборвалась так быстро.

И я взяла на себя ответственность сделать все правильно для нее.

Потому что кто, черт возьми, еще это сделает?

Я бы сделала это независимо от того, знала я Кайлу или нет. Каждый день недели и дважды по воскресеньям. Но когда ее подруга рассказала мне, как выглядит Джон, правила игры для меня изменились.

Она сказала, что у него шрам в форме полумесяца над губой. Я чуть не потеряла голову, будучи уверенной, что она издевается надо мной.

Но нет.

Чем больше она описывала Джона, тем больше в глубине души я понимала, что это правда.

Александр в Бостоне.

Я все еще не хочу в это верить. Даже после всего, что я знаю, что это правда. Когда складываешь два и два, всегда получается четыре. И небо чертовски голубое, потому что оно априори голубое. И Александр был плохим, даже если я никогда не хотела этого признавать. Даже если я до сих пор не хочу это признавать.

В моей голове звучит заезженный саундтрек.

Он не был бы плохим, если бы не они.

Это была не его вина.

Мы все иногда лжем самим себе.

Потому что ложь сладка, а правда зачастую бывает горькой. А я никогда не пробовала столь горькой пилюли, как Александр гребаный Каррингтон.

Его биография настолько типична, насколько это возможно в старом мире. Ребенок с папиными деньгами из трастового фонда. Престижные школы, быстрые тачки и мягкие руки, потому что ему не пришлось работать ни дня в своей жизни. В таком мире я выросла. Это люди, с которыми ассоциировали и меня. А теперь я ненавижу их больше всего на свете.

Я дала себе зарок, что он будет последним в моем списке. Потому что я не могла позволить себе сомневаться в пяти годах тщательного планирования.

Не зря же я наблюдала, как одна за одной падают костяшки домино.

Делишки Итана всплыли наружу. Империя Куинна рушится на глазах. До Дюка дошло, что его давняя подружка все это время трахалась с его братом. А Трип, ну, с ним все было просто. Мне даже не пришлось поджигать его идеально выстроенный мир. Он сам зажег фитиль своими многочисленными пристрастиями.

Но Александр — другая история.

Он тот, кого я так долго ждала. Тот, кого я так и не смогла выследить. Он словно растворился в воздухе после скандала с его отцом.

Я уже начала терять всякую надежду.

Пока подруга Кайли не упомянула о шраме в форме полумесяца на его причинном месте.

Это не может быть он.

Я все еще не верю в это, и все же я здесь, пятую ночь подряд обследую один и тот же бар. Я не в силах сопротивляться этому. Эта навязчивая идея проросла корнями внутри меня, заражая мой разум, словно яд.

Я должна найти его.

И мне нужно решить раз и навсегда, действительно ли эта тропа войны, на которой я нахожусь. Готова ли я вступить в бой и позволить пустить себе кровь в погоне за мстостью.

А до тех пор я буду довольствоваться пешками. Как та, от которой я сейчас нахожусь всего в двух шагах. Ему стоит только повернуть голову, и он заметит меня. В этом я уверена.

Запомнит ли он меня?

Я сижу и жду. Я подзываю бармена.

К тому времени, как он доберется до нас, тупица будет спрашивать, может ли он угостить меня выпивкой.

«Конечно», — отвечу я ему. А потом, когда он отвернется, я подсуну ему бензодиазепин. Максимум пять минут, и я предложу нам найти место потише. Например, подняться в мой номер наверху.

Вот как это обычно происходит.

Только сегодня все иначе.

Потому что Джон меня не замечает. Даже когда бармен подходит ко мне, чтобы спросить, не хочу ли я чего-нибудь выпить. И когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что может быть таким ослепительно захватывающим, я нахожу именно то, что не хочу видеть.

Она на другом конце бара, в тени. Сегодня вечером на ней короткий черный парик и единственное оружие, которое ей нужно. Лукавая улыбка, мановение пальца — и он у нее в руках. Крючок, леска и грузило.

Не назвала бы наверняка ее своим заклятым врагом. Или даже соперницей.

Я не претендую на свою территорию. За исключением тех случаев, когда кто-то задает жару. Именно этим и занимается эта девушка с тех пор, как появилась здесь два месяца назад.

На улице ее зовут Сторм, но имена для нее все равно что сумочки. У нее разные имена на каждый день недели, чтобы соответствовать маскировке.

Сучка сумасшедшая. Еще более безумная, чем я.

И она делает мою игру похожей на детскую забаву по сравнению с тем, что она делает со своими игрушками. В ней есть что-то такое, что немного пугает даже меня. Я уже наблюдала за тем, как она работает раньше, и надо отметить, что она не делает из этого какую-то рекламную кампанию. Она делает все просто, и это работает. Причем это работает так хорошо, что она даже не приближается к своим целям, прежде чем заманить их в ловушку.

Она стоит в тени, бросая робкие взгляды через плечо. Это действительно все, что она делает. В ней есть некая тайна, наличие которой даже я не в силах отрицать. И я не скажу, что не восхищаюсь ее мастерством, потому что у нее природный талант к тому, что она делает.

Но уважение — это улица с двусторонним движением.

Как я уже говорила, я не фанатка людей. Так что обычно я не лезу не в свое дело.

Но сегодня вечером она пересекает двойную сплошную. И ей об этом прекрасно известно, когда встречается со мной взглядом и улыбается.

Тупица встает со своего табурета и идет прямо навстречу своей гибели, как щенок, гонящийся за костью. Я иду в пяти шагах позади него.

Сторм регулярно пользуется теми же отелями, что и я, поэтому я не удивляюсь, когда она ведет его в одну из комнат наверху.

Я хватаю нож и кредитную карточку, готовясь разобраться с замком, но в этом нет необходимости. Она оставила дверь приоткрытой для меня.

К тому времени, как я открываю дверь, она уже уложила тупого барана под наркотой на землю без сознания. Она на секунду встречается со мной взглядом и быстро отстраняет меня, прежде чем приступить к разрезанию его одежды.

Если бы я не знала ничего лучше, я бы подумала, что она изучала мой план действий.

— Этот был моим, — говорю я ей.

— Неужели?

Она не отвлекается от своей текущей задачи.

— Потому что я почти уверена, что он пришел сюда по собственной воле. Не думаю, что он даже заметил тебя сегодня вечером. Без обид, куколка.

Что ж, в этом она действительно права. Но все же я не собираюсь пускать все на самотек.

— Я уже имела счастье встречаться с ним.

— Тогда, думаю, ты недостаточно хорошо поработала, — утверждает она. — На этот раз я постараюсь сделать все правильно.

— У меня не было его адреса.

— Ну, не волнуйся. Я... у меня он был. Вместе с именами его жены и детей, ждущих его дома.

То, как Сторм скривила губы, когда произносила «жена и дети», говорит именно о том, что я хотела о ней узнать. У каждого из нас есть спусковой крючок. Что-то, что заставляет нас тикать, или от чего нам становится плохо... неважно. Вот откуда ее ярость. Это измена, из-за которой она так себя ведет.

Она молода, ей, наверное, не больше двадцати четырех, но она жесткая. Жесткая, как

стерва. И я бы рискнула предположить, что она уже была замужем.

Все это очень увлекательно, правда. Но я не Фрейд, и я обнаружила, что меня это слишком будоражит, поэтому я взяла себя в руки и перешла прямо к делу.

— Понимаю, что ты здесь недавно, — говорю я. — Но я думаю, нам нужно прийти к какому-то консенсусу. Ты привлекаешь слишком много внимания. Парни, которых я наебала, возвращаются в свои пентхаусы с поджатыми хвостами и доживают свои дни в сожалениях и паранойе. Что до твоих, то они идут напрямиком в полицию. А теперь еще и федералы здесь что-то вынюхивают.

Сторми достаёт вещмешок, не похожий на мой собственный, и извлекает татуировочный пистолет. Она вся погружена в то, чем занимается, и я даже не уверена, что она меня слышала, когда она надевает латексные перчатки и протирает его грудь спиртовым тампоном.

— Послушай, Скарлетт...

На этот раз она смотрит на меня.

— Так ты говоришь людям, как тебя зовут, верно?

— Так меня зовут.

— Конечно, это так.

Она закатывает глаза.

— Точно так же, как меня зовут Сторм. Давай на минуту будем честными друг с другом. Ты мне не нравишься, и я тебе не нравлюсь. На самом деле, я думаю, мы очень похожи в том, что мы оба ненавидим каждого, кто трахается. Но нам приходится делиться нашими игрушками. Так уж повелось. Так что, ты волнуйся о себе, а я буду волноваться о себе. А пока ты можешь посмотреть, как я его хорошенько трахну, если хочешь.

Думаю, в конце концов, мое любопытство побеждает. Потому что я сажусь на кровать и делаю именно то, что она предложила.

Я наблюдаю.

Она права в том, что мы с ней похожи. Может быть, именно поэтому мое любопытство берет надо мной верх. Это на меня не похоже. Я не объединяюсь ни с кем. Меня не интересуют истории других людей. Их мысли, их страхи, что угодно.

Но не часто я натыкаюсь на кого-то такого же трахнутого на всю голову, как я. И так, эта девушка, она очаровывает меня.

Ее лицо опущено вниз, когда она приступает. Сторм будто в трансе, нанося те самые необратимые повреждения, которые она оставляет на всех своих игрушках. И только теперь, когда я нахожусь в непосредственной близости, я могу это увидеть.

Причина, по которой она прячется в тени.

Ее рука представляет собой беспорядочное месиво из кусков плоти и шрамов, как и правая сторона ее лица. Они хорошо замаскированы под макияжем и черным париком. Но под мягким светом лампы они очевидны так, как я никогда не замечала их в темном баре.

Ожоги.

Она была обожжена.

Сильно, судя по всему.

Она смотрит на меня и ловит мой пристальный взгляд.

— Ты почти закончила? Я не обязана позволять тебе смотреть, ты же знаешь.

Ответом мне служит кивок и новая лазерная фокусировка на выбранном ею холсте. Но в моей голове все еще крутятся шестеренки.

Я могу только представить, каково это — носить на себе настолько заметные шрамы. Люди все время смотрят. Молча строят предположения. Приходят к собственным выводам. Молча осуждают тебя и жалеют одновременно.

Мое уважение к ней только растет в этот момент уязвимости, которым она поделилась со мной. Позволила мне увидеть ее так близко. Это не было случайностью или спонтанным решением.

Ум этой девушки — это шахматная доска, и каждый ее ход тщательно продуман.

Она работает быстро и эффективно. Татуировка грязная и глубокая. Слишком глубокая. Этот парень никогда не сможет вывести ее клеймо лазером со своей кожи. До конца жизни. Когда он будет смотреть в зеркало, он будет видеть это слово, взирающее на него.

Двуличие.

Я знаю из новостных статей, которые начали появляться, что она использует другие слова. Неверность. Жадность. Похоть. Зависть. Обман.

Все это название грехов, но теперь они имеют для меня новое значение. Забавно, как меняется полотно, когда встречаешь художника. Все начинает обретать смысл. Или нет. В данном случае ее слова описали полный круг. Загадка не в разных грехах, а только в одном.

Неверность.

Все остальные грехи — лишь поверхностная имитация. Другой путь к одной и той же цели.

Все эти мужчины — изменщики. И когда они возвращаются домой после измены, невозможно скрыть то, что они сделали. Они признаются и на коленях просят прощения у своих жен, в то время как Сторм продолжает жить, как будто этого никогда не было.

Но она не ограничивается только татуировками.

Когда она заканчивает с его грудью, она портит его лицо. И я имею в виду, действительно портит. Ожогами от сигарет и следами от ножа.

Мое лучшее предположение на этот счет? Она хочет, чтобы он был таким же уродливым снаружи, как и внутри.

Или, может быть, таким же уродливым, какой она сама себя ощущает.

Если бы я могла сопереживать кому-то, я бы остановила Сторм. Но я не могу. Я испорчена по-своему, и слезы богатеньких парней — мой любимый опиат.

Когда все сказано и сделано, я ничего не чувствую, когда смотрю на него.

Когда Сторм убирает вещи и собирает сумку, я не чувствую ничего, кроме пустоты. Она идет к двери, и я думаю, что она собирается уйти. Но сначала она бросает мне гранату.

— Тебя зовут Тенли. Тенли Олбрайт.

Вздрагиваю, делая это непроизвольно.

Сторм улыбается.

— Как...

— Не волнуйся, — говорит она. — Твой секрет не уйдет дальше меня. Но на улице поговаривают, что один коп равнодушен к тебе, милая. Так что, может, тебе стоит сделать одолжение всем остальным и держаться подальше от дороги.

С этим прощальным подарком девушка покидает меня. А я все еще смотрю на дверь и думаю, не было ли все это галлюцинацией. И не накачала ли она меня наркотиками.

В этот момент клиент решает пробормотать связную мысль.

— Тот парень.

— Какой парень?

— Фотография, — стонет он. — Однажды ты показала мне фото этого парня.

Теперь мысль работает на полную катушку. Встаю с кровати и двигаюсь к нему. Он отшатывается, но деваться ему некуда.

— Пожалуйста, — умоляет он. — Я пытаюсь дать тебе то, что ты хочешь.

— Как, блядь, его зовут? — требую я.

— Не знаю, — изрыгает он. — И никогда не знал. Но я думаю, что он полицейский. Я видел как он околачивается поблизости.

— Где именно?

— В том баре внизу, — говорит Джон. — Он обследовал это место. Но не допоздна. Он всегда там после десяти, когда я его вижу. Я слышал, как парень спрашивал о тебе. У него был твой фоторобот, он говорил людям, что вот так ты можешь выглядеть сейчас.

Обдумываю слова Джона, пока взглядом буравлю его лицо. Все кажется слишком простым. И это не имеет смысла. Не может быть, чтобы Александр был копом.

— Если ты мне лжешь...

— Клянусь, — говорит он. — Я не лгу. Я просто хочу, чтобы ты и та другая психичка оставили меня в покое. Пожалуйста.

Я улыбаюсь, прежде чем повернуться на пятках и направиться к двери. Похоже, этот мудака наконец-то усвоил урок.

И в кои-то веки я рада услужить.

Скарлетт

Не хочу быть душой. Даже очень красивой.

Часы на плите светятся неоновыми-зелеными цифрами, когда я выбираюсь из постели. Уже одиннадцатый час. И я стала вампиром. Теперь официально, хотя я и не уверена, когда именно это произошло. Я охочусь всю ночь и дремлю днем, оживая только с заходом солнца.

Пока я сижу за стойкой и потягиваю свой кофе, вокруг царит тишина. Тишина. Всегда тихо. Никакого телевизора. Никакой музыки. Только тишина.

То, в чем я одновременно нуждаюсь и что ненавижу больше всего.

Я гиперчувствительна по своей природе, и мои ночи шумные и хаотичные. Подавляющие. Свет и шум — это кислота, разъедающую мою психику, но я терплю. Это мое наказание за игру.

Когда моя кружка пуста, я надеваю старую футболку, пару леггинсов и зашнуровываю кроссовки — в стиле кроличьих ушек. Потом еще одна чашка обычного кофе. Невроз.

Приборы на первом месте. Я вынимаю вилку из розетки и проверяю их снова, а потом еще пятьдесят раз, просто чтобы убедиться. Потому что может случиться пожар, и тогда животные в здании могут оказаться в ловушке, потому что днем не все находятся дома. И я считаю ручки на плите, потому что никогда не пользуюсь ею, но знаете... Может, одна из них сбилась. А может, я включила ее, когда хотела проверить, выключена ли она. Весь этот парад безумия обычно занимает у меня около пятнадцати минут или около того.

Когда уйду, я закрываю все шесть замков на своей двери. А потом пересчитываю их. А затем снова запираю их, потому что, возможно, я пропустила один.

Третий и последний шаг моего компульсивного расстройства — задержаться в коридоре, как какая-то сумасшедшая, которой я, по сути, и являюсь, сопротивляясь желанию вернуться в дом и все перепроверить. Я говорю себе, что все в порядке. Я говорю себе, что

все сделала правильно.

А потом я делаю шаг. И еще один. И, в конце концов, мне становится легче уйти, сделав несколько глубоких вдохов.

Кот миссис Роджер, Виски, сидит в конце коридора, когда я выхожу на лестничную клетку. Я знаю имя своей соседки только потому, что иногда она приходит постучать в мою дверь, чтобы обвинить меня в краже Виски.

Я иногда пускаю Виски в дом. Он хороший. И он кот, а не человек, так что технически мне позволено его любить. Но он может приходить только ненадолго. Потому что в этой жизни я ни к чему и ни к кому не привязываюсь.

Этот рыжий кот — самое близкое мне исключение, которое я когда-либо сделаю. Я протягиваю руку, чтобы погладить его царственный зад, и он несколько раз тыкается головой о мою ногу, прежде чем начать мурлыкать.

Я думала, что у котиков должно быть хорошее чутье на людей. Но у Виски, видимо, оно отсутствует. Он не знает, что я мертвая внутри. Что я не гожусь для этого. Типичный нарцисс, он все равно требует внимания.

Так что, возможно, коты похожи на меня. Их не волнуют ваши проблемы. Они просто хотят того, чего хотят, и все.

Я глажу его в последний раз, а затем бросаюсь вниз по темной лестнице здания, которое я называю домом с тех пор, как приехала в этот город. В нем нет ничего особенного, и моя мать, увидев его, сжала бы свои жемчужные четки. Но для меня это дом. Знакомая земля.

Далеко от всего, что я когда-то знала.

Я вылетаю на тротуар и с радостным вздохом вдыхаю выхлопные газы. Это Бостон. Нама-бля-сте[2]. Начинается растяжка на моем обычном месте, на фоне здания.

Затем я начинаю бежать.

Сильно. Быстро. Жестко. Наказание не прекращается, пока я физически не могу больше продолжать. Хожение на каблуках сегодня для меня станет сущим адом. Но я справлюсь. Я всегда справляюсь.

Я хромаю, когда возвращаюсь в свою квартиру, и Виски ждет меня у двери. Сегодня я не могу отгонять его. Поэтому я позволяю коту зайти, пока провожу обычную проверку безопасности.

В этой жизни никогда не знаешь, кто может преследовать тебя дома. Я почти всегда ожидаю, что это будет один из моих клиентов. Но Мясника я так и не дождалась.

В тот день история повторилась.

И хотя у меня был мой нож — тот самый, который я никогда не снимаю — он сумел удивить меня. И одолеть меня.

И утащить меня обратно в ад.

Это был сигнал к пробуждению, если он вообще был. Все годы, проведенные на улицах, много чему меня научили. Потому что каким-то образом я всегда становилась жертвой таких мужчин.

Все мои мысли о том, чтобы оставить эту жизнь позади, увяли после того дня. Омертвение вернулось. А вместе с ним и ярость.

У Вселенной был забавный способ напомнить мне, почему я занимаюсь тем, чем занимаюсь.

В течение двух долгих месяцев я каждую ночь трахалась с каким-нибудь случайным

мужиком. Заставляя его расплачиваться за грехи всех остальных до него.

Для меня это не имело значения.

Единственное, что имело значение, это игра. Возмездие.

И сейчас, когда я сижу здесь, в своей затемненной квартире, и только Виски составляет мне компанию, пока я готовлю ужин, а по телевизору что-то орет, все вернулось на круги своя. Мои пальцы перебирают лица в моем альбоме, и иногда снова появляется эта мысль. Что я могу отпустить это.

Меня тошнит от того, насколько эти мысли ничтожны.

Неужели Мясник ничему меня не научил? Неужели Александр и его друзья ничему меня не научили?

Это не может продолжаться вечно. Это вечное состояние чистилища. Я могу так долго играть с ними, пока они не поймут.

Больше всего на свете я хочу, чтобы их не было. Но что-то меня сдерживает. Я знаю, что как только я переступлю эту черту, возврата не будет.

А также знаю, что не могу сделать все в одиночку.

Именно здесь мой план становится немного неясным. Есть ключевой игрок, который нужен мне в моей команде, а это значит, что мне придется затащить его с собой в ад.

Рори Бродрик. Более известный, как Святоша.

Он боец. Аферист. И мафиози.

Он похитил меня. А потом попытался утешить в момент слабости. Он видел мою панику, когда прижимал меня к стене. И каким-то образом Рори вбил себе в голову, что его цель меня спасти.

Я ненавидела его за эту сладкую ложь.

Но еще больше я ненавидела его за то, что он испортил признание Тедди.

Он не знает, что я веду счет его проступкам. Что он разжигает фитиль моей ярости каждый раз, когда я вижу его лицо.

Делает вид, что хочет встречаться со мной. Делает вид, что я ему не безразлична. Рори хуже, чем все остальные вместе взятые, потому что он ведет себя крайне убедительно.

Рори понятия не имеет, с кем связался.

Он думает, что все еще имеет право голоса в нашей игре.

Но Рори узнает, что я та, кто придумал правила этой игры.

Рори

— Что за дерьмовый день.

Я вытираю кровь со своего пистолета и засовываю его обратно в кобуру.

— Да, — соглашается Ронан рядом со мной. — Верно.

Перед нами целая куча трупов. Еще одна низкоуровневая банда пыталась напасть на один из наших складов.

Они никогда ничему не научатся.

И мне никогда не становится легче, когда я вытираю кровь с рук.

Думаю, никому из нас и не станет.

Кроме Ронана, наверное. Парень с головой не в ладах, но он порядочный парень.

Конор подходит и бросает в кучу брошенный ботинок, прежде чем повернуться и подождать его дальнейших указаний.

Парень прошел долгий путь.

Его даже больше не тошнит от запаха крови. Он даже прикончил нескольких из этих парней сегодня вечером, проделав все в одиночку.

Я горжусь им, но никогда не скажу ему об этом.

Конор прошел путь от того, что ему не ради чего было жить, до того, чтобы стать одним из моих самых близких братьев.

— Как блонди? — интересуюсь я.

Он отводит взгляд и пожимает плечами.

— Без понятия.

— Чушь собачья, ты заливаешь.

Я тыкаю в него пальцем.

— На прошлой неделе моему дивану было ужасно одиноко. Дивану Кроу тоже, — говорит он. — Так что ты, должно быть, у кого-то ночуешь.

— Да, хорошо, — соглашается со мной Конор. — Между нами было кое-что. Но потом Кроу пошел и нанял ее танцовщицей.

Конор сжал челюсть, и парень явно взбешен. Но я могу только смеяться.

— В этом весь Кроу.

Жнец кивает в знак согласия.

— Похоже, он пытается подтолкнуть тебя в правильном направлении.

— Просто сделай как Фитци, — говорю я ему. — Утащи ее со сцены затащи в подвал, чтобы показать ей, кто здесь хозяин.

— Не говори так о моей жене, — предупреждает меня Ронан.

Я поднимаю руки в знак капитуляции, но даже Конор уже смеется. Мы все делали ставки на то, сколько времени пройдет, прежде чем Фитци окончательно сломается. Теперь Кроу, похоже, снова затеял интригу на этот раз с Конором.

Он любит говорить, что его люди работают лучше всего, когда у них дома есть теплая постель, но я думаю, что в душе он просто романтик.

Мой телефон пикает, и это сообщение от самого Кроу. Наверное, у него уши чешутся.

— Пора бежать, ребята, — говорю я им. — Я нужен Кроу в «Слейнте». Вы разобрались с этим, или вам нужно, чтобы я прислал помощь?

— Мы все уладили, — отвечает мне Жнец.

— Хорошо, ребята. Словимся.

— Это больше не повторится, — говорит мне парень. — Пожалуйста.

— В этом ты прав, — соглашаюсь я. — Но мне все равно придется сломать тебе руку.

— Меня дома ждут жена и дети, — умоляет он.

— Тогда ты будешь для них так же бесполезен, как и сейчас.

Чертов мудак.

— У меня есть немного денег, — говорит он. — Все, что ты захочешь. Вот, возьми мои Rolex.

— Мне не нужен твой чертов Rolex, — говорю я ему. — Я хочу, чтобы ты уважал правила этого заведения, чего ты явно не сделал. А теперь тебе нужно перестать ныть, и просто принять это как мужчина.

Я хватаю парня за руку, а он пытается вырваться.

— Тогда ты предпочел бы потерять несколько пальцев? — интересуюсь я.

— Я ничего не сделал!

— Ты засунул руку ей в трусики. У нее нет причин лгать об этом.

— Мне жаль, — говорит он. — Я и не подозревал, что это не такой клуб. Она стриптизерша... так что я просто подумал...

— Просто подумал, что она бесплатно прокатится на твоём члене, потому что ты ей об этом сказал, верно?

— Все совсем не так.

— Вот как все происходит, — говорю я ему. — Ты пришел в наш клуб. И ты

прикоснулся к одной из наших женщин без ее разрешения. А эта стриптизерша? Она к тому же мать. Причем весьма хорошая мать. Она надрывается, чтобы у ребенка была еда на столе, хочешь верь, хочешь нет. Это не из любви к члену.

— Я ничего такого не имел в виду.

Парень просто не понимает этого, но они никогда этого не понимают.

Если есть что-то, чего я не буду никогда делать, так это подобного рода дерьмо. Моя мама воспитала меня так, чтобы я уважал женщин. Даже несмотря на то, что мой отец был совсем другим. Я не поддерживал этого тогда и не собираюсь поддерживать сейчас.

— Послушай, у тебя есть два варианта, — объясняю я ему. — Пальцы или рука. Рука, в конце концов, заживет. Но ты не сможешь отрастить пальцы обратно.

Парень не отвечает мне, и я уже устал от него. Так что я хватаю его за руку и на этот раз дергаю, что есть силы. Кость разламывается надвое, с изрядным визгом с его стороны.

— Все улажено. Спасибо, что заглянул.

Когда я вхожу в офис, там Кроу со своей женой и маленькой дочерью. Я стаскиваю Киву с бедра Мак, чтобы немного пообнимать ее.

— Заведи себе собственного ребенка, — говорит мне Мак.

— Нет, мне нравится этот. Думаю, я просто оставлю ее у себя ненадолго.

— Как все прошло? — спрашивает Кроу.

— Все улажено, — говорю я ему.

Несмотря на то, что Мак заслуживает доверия, и она замужем за боссом, мы все равно не обсуждаем детали при ней. Чем меньше жены знают, тем лучше. Для их собственной защиты.

Я сажусь на диван и качаю Киву на руках, пока она пытается схватить меня за нос. И Мак, и Кроу наблюдают за нами, как и большинство родителей, с глупыми улыбками на лицах.

— Ты готов на следующей неделе немного поработать няней? — спрашивает Кроу. — Мак добивалась, чтобы я пригласил ее на свидание.

— В любое время, — говорю я им.

Хотите верьте, хотите нет, но я нанимаюсь к брату в няньки. Я не возражаю против этого. Они знают, что со мной их дети в большей безопасности, чем где-либо еще.

В дверном проеме возникает тень, и в этом нет ничего необычного, так как в кабинет Кроу всегда кто-нибудь заглядывает. Но когда я поднимаю глаза, то не ожидаю увидеть Скарлетт. Я потираю затылок и внимательно изучаю ее. Должно быть, что-то не так.

Она приходит сюда не часто, если вообще приходит.

Взгляд Скарлетт перемещается прямо на меня и ребенка у меня на коленях, прежде чем она сглатывает, как будто рот Скарлетт наполнен битым стеклом.

— Из всех заведений во всем мире, где подают джин... — произносит она. — Кроу приглашает Скарлетт войти, но она отказывается. — У тебя найдется минутка, Мак?

— Конечно.

Они выходят в коридор, и Кроу бросает на меня странный взгляд. Он, наверное, задается тем же вопросом, что и я.

Когда Мак приходит через несколько минут, она забирает Киву у меня из рук.

— Она быстро ретируется через черный ход, — говорит она мне. — Тебе лучше пойти за ней, если ты хочешь поговорить с ней.

Я не хочу, чтобы это было так чертовски очевидно, но они оба просто смотрят на меня,

как будто уже знают, что я собираюсь сделать в любом случае.

Итак, я иду за Скарлетт.

Прямо через заднюю дверь и в раздевалки, которые, я знаю, она считает запретной территорией.

— Петух в курятнике, — говорю я дамам, проходя мимо. — Лучше прикройте то, что не хотите выставлять напоказ.

— Не то чтобы ты не видел этого раньше, — говорит Селена, разгуливая по комнате с обнаженной задницей.

Я даже не удостоил ее второго взгляда, потому что у меня на уме только одна задница. И я вижу, как эта задница оглядывается на меня через плечо, когда находит дверь на противоположной стороне комнаты.

Она, как всегда, в туфлях на каблуках, и, Господи, она быстра для такой маленькой штучки, но я ловлю Скарлетт на улице, на парковке, прежде чем она успевает убежать.

— Куда ты так спешишь, дьяволица?

Скарлетт улыбается мне, и ее взгляд настоящий кремень. Кроме того, кажется, что она воздвигла вокруг себя еще одну стену, которой не было во время нашего последнего разговора, и я не могу понять почему.

— Привет, Туз, — застенчиво говорит она.

— Если ты продолжишь так на меня смотреть, куколка, я могу получить обморожение.

Еще одна улыбка.

— Разве ты не в курсе, что дьявол играет с огнем, а не со льдом?

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я ее снова.

— Просто пришла повидаться с Мак.

Это похоже на ложь, но почти все, что говорит женщина, — ложь.

— Ну, теперь ты здесь, так что проходи и выпей со мной.

— На самом деле это не мое, — говорит она.

— Тогда в чем твоя фишка?

— Ты смотрелся очень мило, — Скарлетт отводит взгляд. — С ребенком. Ты хорошо с ними обращаешься. Когда-нибудь тебе стоит обзавестись парочкой собственных деток.

— Я собираюсь, — говорю я ей. — Что думаешь насчет трех?

Скарлетт в ужасе от этой идеи, а я смеюсь. Не часто мне удается вывести из себя эту цыпочку, но дети — это то, что нужно. Она их боится, и я не могу понять почему.

Ее неуверенность длится недолго. Скарлетт никогда не позволяет ни одному мужчине взять верх. Она использует лучшее оружие, имеющееся в ее распоряжении, чтобы вывести меня из равновесия, медленно приближаясь, проводя одной рукой по моему бицепсу и вниз, чтобы поиграть с моими пальцами.

— Я всегда хотела сделать это в темном переулке, — шепчет Скарлетт, и ее голос, словно приторный мед.

— Прости, милая, — мой собственный голос звучит слишком грубо. — Сначала мне нужно отвезти тебя обратно к себе. Потому что, как только я доберусь до тебя, я не захочу останавливаться.

— Никто и не говорит тебе делать это.

Скарлетт улыбается, но все это гребаная ложь.

Я хотел, чтобы в ее глазах было искреннее желание, но единственное, что там есть, — это разрушение. И я не стану еще одной из ее игрушек.

— Скарлетт? — шепчу я на ухо девушке, наклоняясь и ощупывая ее аппетитную задницу.

— Да? — бормочет она.

— Тебе пора домой.

Скарлетт

Один. Два. Три. Четыре. Я объявляю вам кровавую войну.

Мне нужно протереть глаза отбеливателем.

Теперь все сливается воедино. Одно гигантское море цвета и размытых лиц. Голоса и обрывки разговоров. На бирже NASDAQ^[3]. Безжалостно шикарные рестораны и правда ли, что увлечение сыроедением закончилось? Проблемы с няней, проблемы с женой, продажа обуви, занятия йогой и...

Господи, была причина, по которой я оставила все это позади.

Я ничего не понимаю.

Дюк должен был быть здесь, среди всех этих лиц, болтать о делах с большой толстой сигарой во рту. Но я его не вижу, Дюк опаздывает уже больше чем на час; у меня голова раскалывается, когда я изо дня в день слушаю эту херню.

Я хочу уйти. Пойти домой и делать то, что делают нормальные люди. Влезть в пижаму, почитать хорошую книгу и посмотреть что-нибудь из трендов в Twitter, а затем отправить одну из моих собственных уникальных мыслей о том же, о чем все остальные уже говорят.

Потому что такова поп-культура.

Рядом со мной в баре сидит женщина, и она произносит отвратительную обличительную речь, которая отдает чувством собственной важности, в адрес того, кто, как я могу только предположить, является ее кавалером.

Она заявила ему, что говорит на шести языках.

И она путешествовала по миру, и это такая романтическая идея, и она хочет, чтобы все знали об этом, когда рассказывает ему о странах, в которых «чувствуешь себя как дома».

И очевидно, что женщина действительно погружена в пучину собственных мыслей и слов. А любовная интрига, которой она поддалась... это любовь к самой себе.

Я не могу больше выносить этого.

Но когда я собираюсь сделать шаг на свободу, меня поражает присутствие мужчины напротив бара. В тени, скрытый в тусклом, романтическом свете, за который люди выкладывают небольшие состояния.

Его взгляд устремлен на меня, и в нем есть что-то знакомое, даже в темноте. Дрожь пробегает по позвоночнику, и я потираю руки, уверенная, что это не что иное, как холод.

Инстинкты подсказывают мне, что нужно уходить.

Только я не могу. Потому что я действую на саморазрушение. Мышь, которая жаждет сыра, припасенного в мышеловке, и что-то кажется неправильным, но при этом она все равно движется к нему.

Это все так хорошо отрепетировано, то, как он выходит из тени на свет. Он явно готовился к этому торжественному выходу некоторое время. Делает это хорошо. Идеально. И это ужасает, именно так, как он задумал.

Мои руки липкие, спина прямая, будто стальной трос, и я вся дрожу.

Это происходит наяву.

Воздух в моих легких закончился, я не могу дышать, а он еще даже не приблизился ко мне. Так не должно было случиться. Прошло слишком много времени. У меня были годы, чтобы сшить разбитые части своей души воедино, и теперь нить кажется слабой, изношенной и запутанной, даже когда она обвивается вокруг моего сердца и сжимается.

Вот он стоит. Кошмар внутри кошмара. С иголки, опрятный и повзрослевший. Он другой, но вместе с тем и тот же самый, когда улыбается. Ему нравится, когда я смотрю на него, и он всегда любил быть в центре внимания.

Сторм была права. Коп или нет, но Александр искал меня.

Все это время я охотилась за ним. Замышляла, планировала и плела интриги за кулисами, только чтобы узнать, что это я — чертова марионетка. Сюрприз должен был быть на моей стороне. Он был моим, и я сделала его своим, но все это не имеет никакого гребаного смысла.

Что еще он мог хотеть от меня после стольких лет?

Это не искупление.

И не сожаление, которое я вижу в этих глазах. В глазах, которыми Александр бродят по изгибам моего тела, как будто у него все еще есть на это право.

Вы никогда не догадаетесь, что его семья потеряла все. Он все еще одевается соответственно. Дорогие брюки и рубашка-поло, которую он, вероятно, наденет только один раз. Лоферы и серебряные часы. Он — ходячее, дышащее клише, и от него за километр несет отчаянием.

В этом-то все и дело. Это спусковой крючок, который возвращает мне здравый смысл и напоминает, кто здесь главный.

Теперь у меня на уме только один вопрос.

Играть или не играть.

Я бросаю робкую улыбку в его сторону и пожимаю плечами, как бы говоря, что меня поймали, и что теперь? Он заглатывает наживку и жестом салютует бокалом в мою сторону.

Хочешь один?

Мгновение я колеблюсь, прежде чем уступаю и двигаюсь в его направлении. Александр пользуется тем же одеколоном, и меня тошнит, когда я чувствую его запах, но сажусь за стойку и задерживаю дыхание. Вблизи его лицо кажется более угловатым, чем я помню, а

глаза темнее. Но под поверхностью он все тот же мальчик, которого я когда-то знала. Утонченный. Умный, наблюдательный и острый, как бритва. Все, что моя мать всегда хвалила в нем, выставлено на всеобщее обозрение прямо сейчас. Его лучшие черты. «Идеальная пара для тебя», — сказала тогда она.

Мои руки лежат на коленях, и мне нужно отпустить свою ярость, взять себя в руки и не думать ни о чем, кроме как превратить его в свою сучку. Я буду обращаться с ним соответственно шаг за шагом. С интервалом в пять секунд. И на этот раз я выиграю.

Это мои улицы. Моя территория. И моя игра.

Может, Александр и полицейский, но он не знает, как здесь все устроено. Он никогда не знал. Александр не погрузился в этот мир так, как я. Он прожил это не так, как я.

Я осторожно наблюдаю за ним и прокручиваю в уме список вопросов.

Это он причинил Кайли боль?

И что ему от меня нужно?

Эти вещи очень важны. Мне нужно знать их, чтобы победить.

Он жестом указывает на бар, и там уже стоят два свежих напитка. Один для него, один для меня.

— Я уже однажды играла в эту игру, — говорю ему. — В прошлый раз у меня все вышло не так хорошо.

— Это было глупо с моей стороны, — говорит он. — Я мог бы заказать тебе еще один.

— Или ты мог бы перейти прямо к делу.

— Я Ройс.

Слова скатываются с языка Александра, словно мед.

— А как тебя зовут, красавица?

Я смеюсь.

Он свирепо смотрит на меня, и я снова смеюсь. Люди пялятся, и он смущен, но я больше не дебиантка, и он должен это знать.

— Так вот как ты собираешься играть в это, да? Мы просто пара незнакомцев, впервые встретившихся в баре.

— Обычно так и происходит.

На его лице ни тени юмора или сарказма, и я понятия не имею, что он здесь имеет в виду, но я не позволю этому вывести меня из себя.

Меня так и подмывает выдумать что-нибудь столь же нелепое, как Ройс, но я этого не делаю. Я называю ему название своей улицы, которое, я не сомневаюсь, он уже знает.

— Скарлетт.

— Как Скарлетт Йоханссон, — замечает он. — Ты похожа на нее.

— Мило.

Он всегда так говорил. Хвастался перед друзьями своей горячей девушкой, похожей на знаменитость. А потом они спрашивали, трахался ли он со мной еще, и я позволяла ему лгать об этом, потому что он хотел сохранить лицо.

Телефон звонит, и меня раздражает, что он считает что-то еще достойным его внимания в этот момент. Как будто он не охотился за мной. Как будто я собираюсь сидеть здесь и ждать его, как раньше.

— Скарлетт. — Александр постукивает ладонью по стойке, как будто разговаривает с собакой. — Прошу прощения, мне нужно ответить на звонок. Я только на минутку.

— Конечно, чемпион.

Мудак.

Он уходит и исчезает из комнаты, а я пытаюсь выработать стратегию, когда мгновение спустя в моем ухе раздается другой голос. Другой голос. Хриплый голос.

— В чем проблема, милая? — спрашивает меня Рори. — Ты планируешь наладить с этим придурком сегодня вечером или как?

— Какого черта ты здесь делаешь? — шиплю я.

Он кивает в сторону другого парня через барную стойку. Однозначно русский парень, которого я уже видела раньше.

Алексей.

Он сидит с двумя другими русскими парнями, и с каких это пор гребаные воры проворачивают здесь свои делишки?

Моя паранойя крепчает, и я раздражена, и прямо сейчас все идет не так, как должно быть.

— Тебе нужно уйти, — говорю я Рори. — Сейчас же.

Вместо этого он садится рядом со мной. На место Ройса. А Ройс — федерал, и Рори нельзя видеть здесь со мной прямо сейчас, и... черт.

— Милая? — спрашивает он. — Ты в порядке? Ты побелела как полотно.

— Нет, не в порядке, — рывкаю я на него. — Тебе нужно уйти. И сейчас самое время. Иначе ты все портишь.

Он хватается мой стул и подтягивает его ближе к себе, зажимая меня между своих ног.

— Я больше не хочу, чтобы ты занималась этим дерьмом, — говорит он.

Его голос низкий, от бывшего юмора ни следа. Это не первый раз, когда Рори пытается заставить меня остановиться. Но Рори меня не знает. Он ничего обо мне не знает. И даже если он один из немногих людей, с которыми я действительно могу иметь дело в небольших дозах, прямо сейчас он собирается облапошить нас обоих.

Александр всегда был конечной целью. Кульминацией моих усилий и моей мести. Я ждала этой возможности. Я пожертвовала собой и пролила кровь ради этой возможности. А Рори собирается разрушить все мои усилия пяти секундами своей глупости.

— Если ты не собираешься уходить, — говорю я, вставая. — Тогда это сделаю я.

Он хватается меня за руки и притягивает еще ближе, вдыхая мой запах. Рори кайфует от меня, когда делает это, и мне никогда этого не понять.

— Перестань быть такой сукой, — шепчет он. — Ты же знаешь, мне это нравится.

— Нет, как-то не в курсе.

Вена на его шее пульсирует, а бицепсы напряжены, и вот почему я знаю, что Рори лжет. Но когда я наклоняюсь и хватаю его член через джинсы, он достигает точки кипения.

— Ты, блядь, ненавидишь это, — говорю я ему. — Ты так ненавидишь тот факт, что сидишь здесь со мной, зажатой меж твоих ног, что твой член даже не встал. Итак, скажи мне еще раз, как сильно тебе это нравится.

Рори хватается меня за запястье и отводит руку от себя, прежде чем отпустить меня. И, как я и надеялась, я разозлила его до такой степени, что возврата уже не будет.

— Иди на хуй домой, Скарлетт, — приказывает он. — Хотя раз в своей чертовой жизни подумай о ком-то, кроме себя.

Его слова ранят меня, но я не даю Рори понять этого. И когда он уходит, моя паника уходит вместе с ним. Но это длится недолго.

Потому что, когда я бросаю взгляд через бар, Александра все еще здесь нет.

И я нигде его не вижу.

И все из-за гребаного Рори и его ошибочных попыток поухаживать за мной, как в гребаном рыцарском романе восемнадцатого века.

Пошел он!

Заеби его карась.

Я хватаю свою сумочку и выбрасываю все, что связано с этим баром, или с моей мезтью, или с чем-то еще сегодня вечером. Сейчас нет никого другого, кто мог бы удовлетворить демона внутри меня. Не после того, как я увидела Александра и он ускользнул у меня прямо из рук.

Я поднимаюсь в лифте на свой этаж и захожу в комнату, где спрятала сумку. Я вставляю ключ в замок и вхожу внутрь, но потом останавливаюсь.

Что-то здесь не так.

Занавес задернут так, как я его оставила, но свет падает не так, как я его оставила. Мои инстинкты снова кричат мне, и на этот раз я прислушиваюсь к ним.

Или, по крайней мере, я пытаюсь это сделать.

Я поворачиваюсь на каблуках и тянусь за ножом, но когда поворачиваюсь к двери, рядом со мной мелькает чей-то силуэт. Что-то тянется, запутывается в моих волосах и ударяет меня головой о стену. Мне достаточно одного раза, чтобы бросить нож.

Еще раз, и я в отключке.

Когда я просыпаюсь, мое тело кулем привязано к стулу. Ноги свисают с края, туфли небрежно отброшены на пол подо мной.

В голове пульсирует, а на коже что-то засохшее, покрытое коркой. Кровь, я полагаю, но я жива, так что все должно быть не так уж плохо. Тем не менее, каждая часть моего тела воспринимается так, словно меня ударили кирпичом, и меня тошнит, но моя одежда цела.

Когда я провожу рукой по бедру, ножа, который всегда был там, на этот раз нет.

— Прости, *детка*, — Александр растягивает это слово так, как может только придурок. — Пришлось отобрать твою игрушку. По крайней мере, на какое-то время.

Его лицо появляется брызгами в поле моего зрения, когда он садится на кровать напротив меня. Он слишком близко, и я все еще чувствую его запах — этот одеколон от Armani — и я правда думаю, что меня сейчас вывернет.

Мои глаза бегают по комнате, так я пытаюсь найти утешение в знакомой обстановке.

В этом гостиничном номере я всегда держала себя в руках.

Мне нужен этот контроль. Я жажду его.

Но прямо сейчас у меня его нет.

Александр улыбается мне и салютует стаканом скотча, который держит в руке, в качестве тоста за воссоединение. Он хрустальный, и это чертовски смешно, потому что я знаю, что стаканы в номере не предусмотрены, и мне интересно, какой еще реквизит он принес с собой сегодня вечером.

Он всегда был старательным.

— Позволь мне начать с того, чтобы представиться должным образом, — говорит он мне. — Теперь меня знают, как Ройса. Ройса Кэррингтона. И я агент федерального бюро расследований.

Он показывает мне значок, который ни хрена не значит для меня с моим осоловелым взглядом, и ждет, что я что-нибудь скажу. Он хочет, чтобы я впечатлилась. Нервничала. Испытывала страх.

Только вот я ничего не чувствую, потому что он так чертовски сильно ударил меня по голове, что я не могу ясно мыслить. Мое зрение идет пятнами, когда я закрываю глаза и делаю вдох, и Ройс вздыхает.

— Нечего сказать, Скарлетт? Серьезно? После времени, что прошло.

Я моргаю, смотря на него и прищуриваюсь, фокусируя свое зрение на лице этого мудака. Теперь он больше похож на себя самого. В этой комнате и в этот момент. Того мальчика, которого я когда-то знала, так отчаянно нуждающегося в одобрении окружающих.

Александр может размахивать своим значком и выдавать себя за другого человека с другим именем, но он все тот же мальчик-первокурсник. Он все еще Александр Каррингтон.

Это было высечено на камне еще до того, как у меня появился шанс узнать его получше. Наши родители решили наши судьбы задолго до того, как мы смогли это сделать, столкнув нас вместе. Моя мать сказала мне, что нам суждено пожениться. А мне было четырнадцать, и я понятия не имела, какое мороженное мне больше по вкусу, не говоря уже о том, чего я хотела от будущего мужа.

Я протестовала против этого, и сказала ей, что никогда не соглашусь с этим.

Но, как и во всем, что касалось моей матери, в конце концов, я смирилась. Александр включился в игру. Он все сделал правильно. Он сопровождал меня на первый бал. Он носил мои книги и говорил все, что я хотела услышать. Он кормил меня дерьмовой едой с ложечки, и я проглотила его наживку, как глупая девчонка, которой я и была.

До той ночи. До той ночи, когда все пошло наперекосяк.

— Я вижу вопросы в твоих глазах, — говорит он. — Избавлю тебя от хлопот, Тен. Это же я. Твои глаза тебя не обманывают. Тем не менее, должен признать, я подумал, что мои определенно меня обманывали, когда я впервые увидел твое фото. Я не мог в это поверить. Нет, пока не увидел тебя во плоти. Но это действительно ты. Ты действительно жива.

Улыбка Александра лишена приятных воспоминаний. Она искаженная, мрачная и точная копия той же улыбки, что была на его лице в ту ночь. Когда он и четверо его братьев по обществу безвозвратно изменили мою жизнь. Мне хотелось верить, что это все из-за наркотиков. Или алкоголя.

Или что-нибудь другого, а не из-за правды.

Он ненавидит меня. Всегда ненавидел меня. Но он хорошо это скрывал. Единственное, чего я никогда не могла понять, так это почему.

Мой голос хриплый, в голове все еще туман, но я больше не та девушка, и он должен это знать.

— Удивлена, что ФБР впустило тебя в свои ряды, — говорю я ему. — Учитывая гигантскую финансовую пирамиду твоего отца. Полагаю, это основная причина столь яркого твоего имени, верно? Могу только представить, как хорошо это восприняли дома. — Александр кривит губы, и я явно оставляю неприятный привкус у него во рту, что очень приятно. Я продолжаю. Потому что я никогда не умела подчиняться. — Держу пари, ты больше не сможешь показаться в Верхнем Ист-Сайде. Трагично, на самом деле. Что тебе пришлось переквалифицироваться в «синие воротнички». Знаю, что ты всегда мечтал получить наследство своего папаши. Но я думаю, что тюрьма не столь гламурна, как список Fortune 500[4].

Злобная реакция Александра не должна была стать для меня неожиданностью, но некоторые вещи никогда не меняются. Он дважды бьет меня наотмашь, а затем хватается за горло, выбивая из меня воздух, и наклоняется к моему лицу.

— Ты была единственной, кто не мог снова показать свое истинное лицо, — рычит он. — Моя идеальная маленькая подружка-шлюха. Мусорный контейнер для спермы для лучших учеников Марквардта. Тебе понравилось, когда эти члены были внутри тебя, принцесса? Потому что я уверен, что собрать банду снова не составит труда. В память о старых временах.

Я вцепляюсь в пальцы Александра, пока он с отвращением не отталкивает меня.

Этот мудака опрокидывает остатки своего виски, пока я перевожу дыхание и представляю, как вонзаю свой нож ему промеж глаз. Теперь у меня в голове нет никаких вопросов.

Я была права с самого начала.

Он не сожалеет. Никто из них не сожалеет, и все они придурки, и все они должны умереть.

— Я уже некоторое время наблюдаю за тобой, Тен, — говорит он мне, когда успокаивается. — Наблюдают за тем, как ты действуешь.

Не хочу ему верить. Потому что это означало бы, что я упустила свою цель номер один. Высматривая хищников.

А этот человек — худший вид хищника.

Тот самый мальчик, который привел меня к моей гибели той ночью. Я была той дурой, что держала его за руку, когда он вел меня на погибель.

Годы не изменили Александра. Он не играет по правилам бюро, будь он агентом ФБР или нет. И мне не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, что это плохо. Действительно плохо.

Александр берет со стола папку и вытаскивает фотографию, вертя ее между пальцами. Это же я. Прошлая неделя. Я направляюсь за Сторм и моей целью в гостиничный номер, где она пыталась и забила ему ту самую татушку.

Я сглатываю, но комок в горле все еще стоит.

— Полагаю, мне не нужно говорить тебе, сколько преступлений вы совершили той ночью, — говорит он. — А я?

Никаких переговоров с террористами не веду. Но на данный момент он не оставляет мне выбора.

— Чего ты хочешь?

— Этот человек был сыном сенатора, — отвечает он. — Ты знала?

Я этого не знала.

Черт возьми.

— Ты умная девочка, Тен. Или лучше звать тебя Скарлетт сейчас? Это имя тебе идет. Оно идеально подходит уличной шлюхе, в которую ты превратилась.

Александр делает паузу, ухмыляется и ждет моей реакции. Но к черту его и его грязное досье, а мне нужно убираться к черту из этой комнаты. Он берет другой лист бумаги из папки и пробегает его глазами, считывая информацию на ходу.

— В средствах массовой информации был бы настоящий разрыв. Учитывая фамилию твоей семьи, твое происхождение и социальный статус. Лучшая подготовительная школа, в которую могли запихнуть тебя мама и папа. Судя по всему, девушка на пути в Гарвард. Безупречная успеваемость — до твоего исчезновения. А твои внеклассные занятия выставляют мать Терезу бездельницей. Итак, надеюсь, ты можешь представить, сколько рекламных проспектов хотели бы поместить этот заголовок на своих первых страницах.

Пропавшая девчушка по имени Деб выкидывает фортели в захудалом бостонском подполье. Они, вероятно, выставили бы тебя нарकोшей, чтобы усилить драматический эффект. Спекулируя на имени твоей семьи и твоём безоблачном детстве, чтобы разорвать твой гребаный мир на кусочки.

Александр улыбается, и его зубы такие белые, что мне становится жутко. Видно не менее двадцати штук в его поганом рту.

— Чего ты хочешь? — повторяю я за ним.

Александр вздыхает и отбрасывает газету рядом с собой, откидываясь назад, чтобы рассмотреть меня.

— Я скажу тебе, чего я не хочу, Тен. Я действительно не хочу говорить сенатору Уинслоу, что ты та девушка, за которой сейчас бегают по пятам многочисленные детективы. Потому что мы с тобой знаем, что тогда произойдет. Между ним и преторианцами... Честно говоря, я не уверен, что хуже.

У меня пересохло во рту, а сердце бьется слишком быстро, и теперь я знаю, в каком направлении он движется со всем этим.

— Две дороги разошлись в желтом (осеннем) лесу^[5], — цитирует Александр Роберта Фроста, потому что он гребаный мудака, и он знает, что мне нравилось это стихотворение, и он хочет испортить его прелесть для меня, как он испортил все остальное.

— Какой из них ты выберешь, Скарлетт?

— Просвети меня, какие у меня есть варианты.

В его глазах и улыбке сквозит победа, но он еще не победил.

— Итан, Трип, Куинн и Дюк. Ты ведь помнишь их, верно?

— Как я могла о них забыть?

Его челюсть слегка подергивается, и это не совсем сожаление, а что-то иное.

Ревность?

— Уверен, что они хотят, чтобы прошлое осталось похороненным так же сильно, как и ты, — говорит он мне. — Теперь, когда они стали по-настоящему успешными членами общества. Итак, вот в чем дело. Ты уходишь от меня сегодня, и каждый из них, вместе с сенатором Уинслоу, получает твоё имя и адрес из рук в руки к концу дня. Если тебе повезет пережить эту неделю, я привлеку тебя к ответственности за многочисленные уголовные преступления, которые окружной прокурор с радостью предъявит тебе на основании моего расследования всех твоих действий.

Ни во рту, ни в голове у меня не осталось слов. Только вопросы. Отчаянный поиск ответов. Но нет времени на вопросы и ответы, потому что он еще не закончил.

— Вариант второй. Я думаю, тебе больше понравится второй вариант, Скарлетт. Понимаешь, если проиграется он... ты будешь жить.

— И дай-ка мне угадать, что ты получишь от этого, — усмехаюсь я.

У Александра снова сводит челюсть. Его глаза — бездонные провалы, они ничего не выражают. Внутри него нет ничего, кроме тьмы, и я хочу кричать на этого мудака, потому что он заразил этой тьмой и меня.

— Ты уничтожила меня, — говорит Александр. — Ты была моей, Скарлетт. МОЕЙ.

— Видимо, это шутка такая? — интересуюсь я. — Потому что ты не смотрел на меня так, когда позволил всем своим приятелям напасть на меня.

Александр пожимает плечами и снова возвращается к повседневному тону. Невозмутимый.

— Брейк, милая, — говорит он. — Ты осознавала, что нужно идти на жертвы. Я сделал только то, что нужно было сделать. И это сработало. Я попал в общество преторианцев, а ты — в «Птицы пера». И если бы ты осталась на гребаном курсе, как и предполагалось, ты бы уже стала выпускницей Гарварда с нашим первенцем под сердцем. Вместо этого ты не более чем обычная уличная шлюха.

Александр встает и расхаживает по комнате, разглагольствуя, и он еще более чертовски заблуждается, чем я когда-либо могла себе представить.

— Естественно, ты же не думаешь, что я все еще собираюсь жить с тобой.

Он делает паузу, на его губах появляется мерзкая улыбка.

— Что я думаю... — отвечает он. — Это то, что ты будешь делать все, что я тебе скажу. Потому что, какой у тебя еще есть выбор?

Здесь не о чем спорить. Он, блядь, федеральный агент. Что, я ни на секунду не сомневаюсь, что это был продуманный стратегический шаг с его стороны. Александр планировал это годами. Даже десятками лет. И я ничего не могу сделать прямо сейчас, кроме как убраться отсюда и обдумать какие у меня есть варианты.

— Как ты узнал? — интересуюсь я.

Он на мгновение замолкает, задумавшись. Не уверена, как много он готов мне рассказать. Но мне нужно понять его мотивы, прежде чем я смогу спланировать контратаку.

— Я вернулся, — говорит он. — Несколько дней спустя. Я не мог...

Его голос теперь смягчается, и на секунду Александр снова кажется почти человеком.

— Я не мог думать о тебе, лежащей там в таком состоянии. В этой куче листьев и грязи, пока животные обгладывали твое тело.

— Тогда, думаю, тебе не следовало оставлять меня там.

Маска снова падает на его лицо, и глаза Александра становятся пустыми, когда он встречается со мной взглядом.

— Мы с парнями согласились, для нашей же безопасности, что тебя нужно похоронить. Но тебя там не было.

Впиваюсь пальцами ног в ковер, чтобы успокоить нервы. Если они знали, что я жива, то была большая доля вероятности, что они готовились к моему возвращению.

— Я не мог им рассказать, — отвечает Александр на мою невысказанную мысль. — Я хотел оставить это при себе. Просто мысль о том, что ты где-то там... Мне она импонировала. Поэтому я сказал им, что похоронил тебя. И никто никогда не найдет тебя снова.

— Кроме тебя, — шепчу я.

— Кроме меня, — соглашается он.

— Скажи мне, чего ты на самом деле хочешь.

— Несмотря на то, что я сказал ранее, я действительно хочу, чтобы ты вышла из тени. Чтобы показать миру, что Тэнли Олбрайт не мертва, а жива и здорова. И ты сделаешь это под моим крылом. Как моя невеста. Мы найдем публициста, который раскрутит эту историю. Мы заставим все это скрыть.

Он делает жест рукой, как бы охватывая весь Бостон. И теперь все это имеет смысл. Его безумная просьба. Эта жалкая попытка воссоединения. Его преследование меня, его шантаж и угасающий огонек надежды в его глазах.

Он здесь не для того, чтобы искупить свою вину.

Он думает, что я — его искупление.

— Ты хочешь вернуться, — бормочу я.

А потом смеюсь. Я смеюсь слишком сильно, потому что это так чертовски жалко, и я ничего не могу с собой поделаться, и он злится, и мне действительно нужно остановиться... но какого хрена реально?

— Полагаешь, этим поступком склонишь их на свою сторону, — говорю я. — Из-за того, что сделал твой отец. Ты изгой. Ты был изгоем все эти годы и все еще пытаешься вернуться обратно?

— Пошла ты, — бросает Александр, сплевывая. — Ты понятия не имеешь, что произошло, потому что ты не смогла проникнуть в этот мир. Ты сбежала, ударила меня по голове и бросила всех, кто когда-либо заботился о тебе.

— А теперь ты хочешь заручиться моим покровительством на пути обратно в тот мир. Используешь имя Олбрайт и рекламу, чтобы отполировать свою новую блестящую репутацию.

Александр снова бросается на меня, и его ярость выглядит отвратительно. Он дергает меня за волосы, откидывает мою голову назад и сжимает лицо в ладонях. И теперь я это вижу. Что он раздавил бы меня, если бы мог. Если он не планировал использовать мое имя, чтобы вернуться, на этот раз он сделает это правильно.

Я бы при этом осталась мертвой.

— Я скажу тебе, как все будет, ты, маленькая сучка. Ты заслужишь от меня эту маленькую милость, и ты встанешь передо мной на колени. Ты будешь моей женой или тебя ждет смерть. Вот твой единственно верный вариант.

Он ждет, что я отвечу. Вероятно, ожидая, что я буду спорить. Когда я ничего не говорю, Александр встряхивает меня.

— Ты, блядь, понимаешь меня?

— Я прекрасно тебя понимаю, — огрызаюсь я на него.

Александр закрывает глаза и зарывается носом в мои волосы, втягивая в нос мой запах. У меня сводит живот, потому что его твердая длина упирается в меня прямо через брюки, и я знаю, что он не уйдет отсюда, не будучи удовлетворенным. Это человек, который получает удовольствие от насилия. Человек, занимающий влиятельное положение. Опасное сочетание.

— Только между нами, Тен, — Александр понижает голос. — Ты изменила меня так, что я никогда не смогу вернуться обратно. С той ночи это все, о чем я могу думать. Твое лицо в грязи, звуки всех этих членов внутри тебя. Я получаю удовольствие от гребаных грязных шлюх. И я всегда вижу твое лицо, когда сношаюсь с ними.

— Отвали.

Я плюю этому уроду в лицо, и он бьет меня ладонью по переносице. Боль настигает мгновенно, а кровь фонтаном льется по моему лицу и по губам.

Мое тело все еще вялое, болтается, как безвольная кукла, когда он поднимает меня за волосы и швыряет об стену. Руками Александр скользит по платью, поднимая его выше на бедрах и прижимаясь ко мне, пока зажимает мою задницу в своей лапице.

— Ты тупая гребаная пизда, — рычит он. — Ты понятия не имеешь, с кем связываешься. Ты действительно думаешь, что кто-нибудь когда-нибудь поверит хоть одному твоему слову против моего? Ты, никчемная уличная шлюха, а я... честный агент. Я мог бы затрахать тебя до смерти, и они даже не моргнули бы дважды, услышав твою душещипательную историю. Так что тебе не мешало бы почаще вспоминать об этом с этого момента и впредь. Когда я

велю «прыгай», ты спрашиваешь, как высоко. Когда я скажу тебе встать на колени и отсосать мой член, ты сделаешь мне лучший гребаный минет, который у меня когда-либо был в жизни.

Александр хватает меня за волосы на затылке и впивается пальцами в мое горло.

— Все ясно?

Я ничего не говорю, и Александр впечатывает меня лицом в стену. Все вокруг разом чернеет, и я на грани обморока, и у меня нет выбора, потому что я не могу позволить этому случиться снова.

— Да, — говорю Александру. — Я понимаю.

Он отпускает меня, и я оседаю на пол. Его дыхание прерывистое, а глаза возбужденные. Живые.

Он расстёгивает молнию, а у меня сводит живот.

Александр снова хватает меня за волосы и пытается поставить на колени. Когда мои колени не слушаются, он пинает меня в икру, чтобы убедиться, что они слушаются.

А потом он достает свой член и тычет им мне в лицо. Это происходит снова и снова, и я хочу убить этого мудака, но я слишком слаба, и когда я пытаюсь причинить ему боль, он снова бьет меня.

Без колебаний. Александр просто продолжает наступать на меня. И он получает удовольствие от моей боли, и я понимаю, что он тот монстр, который искалечил Кайли.

Мне нужно уйти от него.

Но у меня кружится голова, я слаба и едва могу сформулировать связную мысль. Когда Александр сжимает мою челюсть и пытается засунуть член мне в рот, к горлу подкатывает желчь. И мой организм вырабатывает свой собственный защитный механизм. Содержимое моего желудка выплескивается прямо на него.

Раздается звук крайнего отвращения, за которым следует резкий толчок.

— Боже, ты чертовски отвратительна.

И все же все это время он гладит себя ладонью. Получает удовольствие от всей этой грязи. Вперемешку с отвращением, которое Александр испытывает, когда смотрит на меня сверху вниз.

Проходит совсем немного времени, прежде чем он откидывает голову назад и издает стон, обливая спермой мое платье.

— Грязная шлюха.

Он снова застегивает молнию и поправляет одежду.

— Не думай ни на секунду, что эти трюки сработают для тебя. В следующий раз я трахну тебя, тыкнув лицом в твою же блевотину.

Он направляется к двери, останавливаясь только для того, чтобы дать мне последнее наставление.

— Даю тебе неделю, чтобы решить, что ты выберешь, — говорит он. — Смерть или брак.

Скарлетт

Ад пуст. Все черти здесь [\[6\]](#)

Шекспир

— Сегодня ночь посвящения, — шепчет Ханна на другом конце линии.

— Откуда ты знаешь? — делаю вид, что не в курсе.

— Нашла записку в шкафчике после уроков. Там было написано, что я должна встретиться за пределами кампуса сразу после полуночи.

— Круто, — говорю я ей. — Надеюсь, ты поступишь.

— Ты тоже получишь записку, — настаивает она. — Не может быть, чтобы ты ее не получила, учитывая твою семью.

Я не говорю Ханне, что уже получила записку, и у меня нет желания ее посмотреть.

— Я бы все равно не пошла, — говорю я. — Все это так архаично.

— Ты шутишь? — Ханна буквально шипит, как будто это худшее, что я когда-либо могла сказать. — Тен, ты ДОЛЖНА пойти. Если ты не пойдешь, это будет полное социальное самоубийство. Кроме того, что скажет твоя мама, если узнает?

Я бросаю взгляд через кухню на женщину, о которой идет речь, и точно знаю, что сказала бы моя мама. Она бы взорвалась, если бы узнала, что я не пойду.

Каждая женщина в моей семье на протяжении последних трех поколений была членом «Птиц пера». Быть Птичкой — это право Олбрайта по праву рождения, говорит моя мама. Это честь и традиция, к которой я должна относиться серьезно.

Я бы хотела, чтобы меня это волновало так же сильно, как ее, но это кажется таким глупым. Не похоже, что эти «тайные» общества вообще являются тайными. Все знают, кто в них состоит, и кто правит балом. И независимо от того, стану я Птичкой или нет, мой социальный статус в Марквардте не изменится. Я — никто, и это именно то, что мне

нравится.

— Послушай, — говорит Ханна, она раздражена, и это заставляет меня чувствовать вину за то, что я не такая, как она. Что я не похожа ни на кого из них. — Просто подумай о своих заявлениях в колледж. Ты ведь хочешь в Гарвард, верно? Знаешь что, Тен, так же как и миллион других людей. Если ты хочешь, чтобы у твоего заявления был хоть какой-то шанс не быть похороненным на дне кучи, тогда тебе нужны эти внеклассные занятия. И, кроме того, Александр сегодня тоже проходит инициацию. Ты же знаешь, что Преторианцы могут встречаться только с Птичками.

У меня защемило в груди при мысли о том, что Александр меня бросит. Он не всегда мне нравился, особенно когда моя мать упорно пыталась свести нас вместе, но за последний год я действительно прикипела к нему.

Когда поблизости нет его друзей, он действительно может быть милым.

— Алё? — Ханна огрызается. — Ты вообще меня слушаешь?

— Я подумаю об этом, — говорю я ей.

— А если нет, — рычит она, — тогда можешь поцеловать Александра на прощание. Он никогда не простит тебе этого.

Она бросает трубку, оставляя меня слушать короткие гудки, пока мама рассматривает меня. Ее взгляд постоянно бегаёт по мне, как будто мама перечисляет способы, которыми я могу усовершенствоваться. А затем она задает вопросы, один за другим, как если бы мы были на вечерних семейных ужинах.

— Все хорошо в школе? — спрашивает она.

— Все хорошо, — говорю я ей.

Она замолкает на мгновение, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что рядом нет никого, кто мог бы услышать ее следующий вопрос.

— Как твои симптомы?

— Это не симптомы, мама, — вздыхаю я. — Это называется черты характера.

— Да, но... независимо от того, как ты хочешь их назвать, мне нужно знать, что ты все еще работаешь над ними. Что ты делаешь то, что обещала мне.

— Да, — говорю я. — Я делаю все, что ты хочешь.

— Хорошо, — отвечает она. — Это хорошо, Тенли.

На кухне тихо, и разговор фактически окончен, когда она уходит, не сказав больше ни слова.

Позже той же ночью я тайком выхожу из дома и жду в конце квартала, как мне было велено.

Подъезжает машина, и я едва успеваю разглядеть лица внутри, когда меня буквально запихивают внутрь тачки.

Кто-то закрывает мне глаза руками, и я уже начинаю сходить с ума, пока голос Александра не шепчет мне на ухо.

— Успокойся, детка, — говорит он. — Это всего лишь я.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я. — Я должна пройти посвящение сегодня вечером.

— Я здесь, чтобы сопровождать мою девушку. — Александр берет меня за руку, и я чувствую, как часть моих нервов уходит, когда он поглаживает бьющийся под моей кожей пульс.

— Ты нервничаешь? — спрашивает он.

— Нет, — лгу я. — Почему они проводят оба посвящения в одну и ту же ночь? Разве они не должны быть раздельными?

— Нет, — говорит Александр, но больше ничего не объясняет.

— Другие девушки нас где-нибудь встречают?

— Да, — говорит он. — Конечно. Но сначала ты должна пройти первое испытание.

— Какое?

Он подносит что-то прохладное к моим губам, и жидкость выплескивается мне в рот.

— Вышей.

Я не хочу этого делать. Все это звучит так неубедительно. Но я знаю, что меня всегда будут высмеивать как девушку, которая не смогла пройти даже первое испытание, если я этого не сделаю. И тогда моя мать возьмется за меня, пугая перспективой тяжелой работы и потерей репутации поколений нашей семьи.

Итак, я выпиваю жидкость.

И меня сильно прошибает.

Не то чтобы я когда-нибудь пила по-настоящему, но напиток кажется крепче, чем должен быть. Через несколько мгновений у меня кружится голова, я в замешательстве, и все мое тело вдавливаются в сиденье.

Александр что-то говорит, но я не понимаю слов. Я приваливаюсь к нему, и тогда вокруг меня раздается смех.

Я проваливаюсь в забытие.

Я не знаю, как долго мы провели в машине. Потому что, когда я возвращаюсь в реальность, мы где-то в другом месте. Здесь холодно, и пахнет сосной.

Надо мной луна, а подо мной грязь и камни, впивающиеся в мою кожу. Хрюканье и шлепки.

— Да, черт возьми, — говорит кто-то.

И это слишком близко к моему лицу. Что-то тяжелое падает на меня сверху, и когда мои глаза привыкают, я понимаю, что это Дюк.

А потом я понимаю, что я голая, и он внутри меня.

Мой рот открывается, и из него вырывается крик.

— Какого черта?

Это голос Александра.

Рука зажимает мне рот, и он теперь ближе, говоря мне на ухо.

— Заткнись на хрен, Тен, — шепчет он. — Тебе просто нужно пройти через это, и мы оба в игре.

Все его друзья здесь. Я вижу их и чувствую их, и это предательство пронзает меня, как раскаленное железо. Я все еще кричу ему в ладонь, когда Дюк отходит от меня, и его место занимает Александр. Он хрюкает и толкается в меня, закрывая мое лицо рукой.

— Чувак, тебе нужно заставить ее заткнуться, — говорит кто-то.

Чья-то рука вцепляется мне в волосы, и моя голова снова ударяется о землю. Раз, два. Снова накатывает головокружение.

— Влейте еще немного того дерьма в напиток и дайте мне, — говорит им Александр.

Пару минут спустя мой рот приоткрывается, и в горло льется еще больше жидкости. Я чуть не задыхаюсь от этого, но они все равно продолжают вливать это в меня.

Что бы это ни было, от этого я снова становлюсь безвольной, а мое тело бесполезным.

— Наконец-то, — бормочет один из них. — А теперь переверни ее, чтобы и мне

досталось немного. Не будь жадной свиньей.

На мне так много рук. Тела давят на меня.

Я вижу только мимолетные проблески кошмара, перемежающиеся приступами потери сознания. Я не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я снова начинаю чувствовать что-то в своих конечностях. Но в тот момент, когда я это делаю, я пытаюсь дать отпор.

На этот раз кто-то зажимает мне рот и нос рукой.

Я не могу дышать.

И я не могу сопротивляться.

Больше нет.

Последнее, что я слышу, когда все вокруг замолкает, это голос Александра.

— Ты дал ей слишком много. Какого хрена? Что мы теперь будем делать?

Меня тащат по грязи, швыряют в неглубокую яму. Листья и камни царапают мою кожу и погребают меня заживо.

Ненависть поселяется у меня в животе и растекается по венам, затмевая все внутри меня. Пока не останется ничего. Ничего, кроме всепоглощающей злости.

Тщательно выстроенное царство контроля рушится вокруг меня.

Вода в ванне уже остыла; я подтянула колени к груди, когда размазываю засохшую кровь на руке по стене.

Она смешивается с конденсатом и образует крошечные красные ручейки в трещинах плитки, просачиваясь обратно в ванну и отравляя все вокруг меня.

Предательство, боль, полная потеря контроля.

Это происходит снова и снова.

Пришло время войны, и теперь отступить некуда.

Я загнана в ловушку этой игры. И единственный выход — это оставить за собой кровавый след.

Я собираюсь убить их всех.

Я заставлю их заплатить за свои грехи, и я, блядь, выиграю.

Если Александр думает, что когда-нибудь снова прикоснется ко мне, он может умереть с этой мыслью, когда я всажу свой нож в его сердце.

Но этого недостаточно. Этого недостаточно, чтобы умирить огонь, горящий внутри меня. Александра и его друзей недостаточно.

Есть еще кое-кто, о ком я умолчала. А я не сдерживаюсь никогда. Я была милой, но ни хрена не делаю ничего мило. И вот уже два раза Рори Бродрик перешел мне дорогу.

Если бы он не прервал меня сегодня вечером, ничего этого не случилось бы.

Я бы не вышла из игры, и была внимательна, а Александр не застал бы меня врасплох.

Он просто продолжает все портить. Рори думает, что может меня исцелить, но я собираюсь ему показать, что меня уже не исправить.

Есть только насилие, нужда и ненависть.

И теперь я собираюсь использовать его как пешку. Я собираюсь забрать хрупкое, ранимое маленькое сердечко Рори... и буду играть с ним, как с гребаной игрушкой.

Готов встать у меня на пути, мистер Бродрик? Тебе стоит постараться обмануть свое сердце и надеяться на быструю смерть.

Рори

Ночь драк.

Мой любимый вечер недели.

Каждый четверг я нахожусь на этом складе. Отрываюсь по полной, дерусь.

Ирландцы — прирожденные бойцы. И я не исключение из этого правила. Я так же, как и любой другой парень, люблю дать по башке какому-нибудь бедняге.

Это то, что мы делаем.

И все парни тоже в этом участвуют. Выпивают и делают ставки. Подбадривают меня со стороны. В зале только стоячие места. Вонь крови, пота и пива пропитывает воздух вокруг нас. Есть и женщины. Много женщин.

Их всегда много.

Обычно в конце вечера я забираю одну из них домой. Они знают счет, и я тоже.

Без обязательств. Всегда все легко. Они хотят завалить бойца, а я хочу выпустить последний адреналин.

Но последние несколько боев, которые я забирал кого-то с собой домой, заканчивались тем, что я вырубался на диване, так как был слишком пьян, чтобы что-то делать.

Конор вбил себе в голову, что со мной что-то не так. Что что-то беспокоит меня.

Сегодня вечером я собираюсь доказать, что он ошибается. Взглядом сканирую толпу еще до того, как схлестнусь с итальянцем, с которым мне предстоит драться всего через пару

мгновений.

Я уже подсчитываю девушек за свою победу... потому что, давайте посмотрим правде в глаза... этот парень пришел сюда в мокасынах от Gucci.

Достаточно красноречиво.

В углу несколько блондинок улыбаются мне. Я улыбаюсь им в ответ и демонстрирую ямочки. Обаяние срабатывает.

Каждый раз.

Я игнорирую брюнеток в толпе. Потому что есть только одна брюнетка, которую я хочу. А я не люблю сравнивать.

Нет никакого сравнения.

Но как только Джонни начинает свою речь, и я встречаю своего противника в центре импровизированного ринга, одна брюнетка привлекает мое внимание.

И мне приходится проверить дважды, чтобы убедиться в этом.

Потому что ее лицо все в синяках от побоев.

Скарлетт.

В черном платье и балетках. Скарлетт никогда не носит балетки, но сегодня она их надела, потому что ее нога тоже повреждена. Она чуть наклоняется влево при ходьбе и старается этого не показывать.

Мои ноздри раздуваются, я выгибаю шею и уже готов кого-то уничтожить, когда звучит гонг, и я бросаю на нее последний взгляд. Скарлетт смотрит прямо на меня. Держит голову высоко поднятой. Делает вид, что ее лицо не избито, и она имеет полное на то право прийти сюда вот так и провоцировать меня таким образом.

Потому что она знает.

Она знает, что я убью ублюдка, который сделал это с ней. Даже если мне придется приковать Скарлетт наручниками к моей чертовой кровати и самому выбить из нее его имя.

Я не выдержу этого дерьма.

Я не выдержу, если буду видеть ее в таком состоянии все время. То, что она делает с собой. То, как она подвергает себя риску.

Боже правый.

Мне нужно куда-то направить эту ярость.

Итальянец бьет меня в челюсть, когда я не обращаю внимания, и это похоже на удар, который я получил во время драки на школьном дворе.

Впрочем, это не имеет значения.

Я несусь на него, как товарняк. Три раза бью его по голове, и он падает. Итальянец даже не сопротивляется, когда я опускаюсь на пол и продолжаю бить его по лицу.

Только когда Лаклэн и Ронан оттаскивают меня от него, я понимаю, что он вырубился на хрен. И этого недостаточно. В моих венах все еще сильно бушует адреналин. Бьет меня в голову.

И все, что я могу видеть, это лицо Скарлетт.

Поэтому, когда Кроу не убирает руки, я поворачиваюсь и бью его. И очень скоро мы оба набрасываемся друг на друга, пока к нам не присоединятся другие парни.

Чтобы прижать меня к стенке и образумить, требуется четверо амбалов.

Как ни странно, я слушаю именно Конора. Кажется, он понимает то, чего не понимают остальные.

— Она уйдет, если ты будешь продолжать вести себя как амеба, — говорит он мне. — И

что тогда?

Он прав. И я знаю, что он прав. Конор помогает мне встать на ноги, а Кроу вытирает кровь с губ, он бросает взгляд на Скарлетт в толпе, а затем переводит его снова на меня.

Кроу теперь босс синдиката. Мой босс. И я только что набросился на него, на что у меня не было никакого права.

Но он понимает лучше, чем кто-либо другой. Проблемы с женщинами. Не так давно его собственная жена чуть не уничтожила его.

И вместо того, чтобы сказать мне, чтобы я отвалил, и что он получит пару моих пальцев за это оскорбление, чего я по праву заслуживаю, Кроу одобрительно кивает мне. Иди к ней.

Конор бросает мне тряпку, и я вытираю кровь с лица, прежде чем начать прокладывать себе путь через толпу. Но место, где Скарлетт стояла всего несколько мгновений назад, теперь опустело. И после нескольких минут сканирования здания я понимаю, что ее в нем больше нет.

С ней всегда так. Эти игры в кошки-мышки. Ей это нравится. Играть с людьми. В частности, со мной.

Но сегодня я не в настроении для этого. Да и вообще когда-либо.

Сначала я еду к ее квартире. Но свет внутри не горит, и ее нет дома. Я бы позволил себе войти, если бы верил, что Скарлетт здесь или вернется в ближайшее время, но я знаю, что это маловероятно.

По какой бы причине она ни пришла сегодня на бой, она так же быстро поменяла свои планы. Эта женщина неуловима, как всегда.

Обследовав ее обычные места обитания и уточнив у Мак, кто ее мог видеть, я еду к себе домой.

Я планирую принять душ и переодеться, прежде чем вернуться к ней, но когда вхожу в дом, в поездке к ней нет необходимости.

Ее духи все еще витают в прихожей, а у окна на стуле сидит она в тени. Ее колени подтянуты к груди, босые ноги скрещены в лодыжках, и она смотрит на луну.

— Как ты вообще узнала, где я живу? — интересуюсь я.

Скарлетт не отвечает. Вместо этого она встает и идет в мою сторону, тихо и хищно.

— Скарлетт?

Она подходит слишком близко. Ее руки двигаются вверх по моей груди, пока кончики пальцев не оказываются на моей шее.

Я знаю, что нужно сделать. Логически. Но сейчас, с ее руками на мне, мой член думает в другом русле.

Поэтому, когда Скарлетт встает на носочки и притягивает мою голову к своему лицу, я поддаюсь. На ее губах мед, но в ее поцелуе разрушение. И в темноте легко забыть, зачем она вообще здесь, да и важно ли это, когда я притягиваю ее тело к себе и хватаю за задницу.

Но когда из нее вырывается хныканье, я возвращаюсь в реальность.

Я отстраняюсь, а она нападает на меня.

— Скарлетт, — предупреждаю я ее. — Не подходи ближе.

— Трахни меня, — умоляет она.

— Господи Иисусе.

Я подхожу к стене и включаю свет, и все мимолетные мысли о том, чтобы сделать именно это, исчезают, когда я вижу лицо Скарлетт вблизи. Она снова идет ко мне, словно охотник, которым Скарлетт по сути и является, только хромая и мучаясь от боли. Она

притворяется, будто это пустяк. Но это не пустяк, а целая куча чего-то, и я сыт по горло тем, что вижу ее боль.

— Рори, — шепчет она. — Ты мне нужен.

Голос Скарлетт мягкий и приятный, но ее глаза говорят мне, что демон в ней хочет выйти и поиграть. Она поднимается, чтобы снова взять надо мной контроль, но я пресекаю это, прижав Скарлетт к стене своим телом. Я весь покрыт потом, кровью и грязью, а ей плевать. Ее губы переходят к моей шее, и Скарлетт не просто целует меня, она пробует меня на вкус.

И, блядь, Скарлетт — чистое зло.

— Я хочу тебя, — говорит она мне снова. — Я хочу тебя так чертовски сильно.

— Нет, не хочешь.

Я беру лицо Скарлетт между пальцами, осторожно, чтобы не причинить ей боль, пока осматриваю повреждения. Я закрываю глаза и делаю вдох. Пытаюсь успокоиться, прежде чем заговорить.

— Имя.

Она не отвечает, и мои пальцы впиваются в плоть ее руки.

— Назови мне имя, Скарлетт.

— Для чего? — дразнится она. Как будто это все какая-то большая гребаная шутка. — Чтобы ты мог пойти и защитить мою честь?

— Да, — отвечаю я. — Чтобы я мог пойти и защитить твою чертову честь.

— Рори, — вздыхает она.

— Скарлетт.

Мы зашли в тупик. Наши взгляды пересекаются. В ее глазах мелькают эмоции. Возможно, чувство вины. Сожаление. Я не знаю.

Но Скарлетт пришла ко мне. Она пришла ко мне не просто так. Скарлетт пришла на этот склад, зная, что я сделаю.

В прошлом я всегда терял ее именно на этом этапе. Она убегала, как только все начинало становиться слишком затруднительным. Когда она начинала чувствовать себя уязвимой.

Тогда я позволял ей уйти.

Потому что я не знал Скарлетт. Я не имел права указывать ей, как жить, хотя и хотел этого. Когда я узнал, что она обманывает клиентов, вместо того чтобы трахаться с ними, какая-то часть меня почувствовала облегчение. Потому что я хотел ее для себя. В этом нет сомнений. Но была и другая часть меня — та, извечным рабом которой я был, — которая хотела спасти ее.

Когда дело касается женщин и детей, у меня была определенная слабость.

Мне невыносимо видеть, как они страдают. И осознание того, что Скарлетт делает это с собой, пробудило во мне все инстинкты пещерного человека.

Но самое главное, что я узнал о Скарлетт, это то, что она не подчиняется ничьим приказам. На своем корабле и в своей жизни она — гребаный капитан. Никаких сомнений. Она не принимает помощи и не показывает слабость. И как только мужчина попытается сказать ей, что делать, даже если он действует из лучших побуждений, она сразу же скажет ему, чтобы он шел на хуй.

Нет нужды говорить, что с тех пор мы не разлей вода.

Но всему есть предел. И, видя лицо Скарлетт в синяках и окровавленную губу, я принял

решение. Я закончил играть с ней в эту игру. И я собираюсь дать ей это понять.

Я заставляю Скарлетт посмотреть на меня. Скарлетт не любит смотреть людям в глаза. У меня сложилось мнение, что она боится того, что, как она думает, они там обнаружат. Скарлетт всегда держит свои эмоции под замком.

Но я только что сделал своей миссией узнать ее всю. Так что ей лучше привыкнуть к дискомфорту.

— Имя, — повторяю я.

Она улыбается мне с вызовом.

— Зачем ты это сделала? — спрашиваю я. — Зачем ты пришла туда? Ты должна была знать, что делаешь. Ты должна была знать, что собираешься вывести меня за пределы моих возможностей, дорогая. Мужчина может выдержать исключительно столько, сколько позволяют ему его возможности.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила она. — Снова возьмешь меня в заложники?

— Да, — отвечаю я ей.

Скарлетт смеется, пока не понимает, что я ни хрена не шучу. Тогда она пытается броситься к двери. Я ловлю ее за талию и обхватываю руками. В этот момент она снова пытается достать нож.

Скарлетт дикая, как животное. Когда она чувствует угрозу, то уничтожит все, что стоит у нее на пути.

Я усвоил этот урок на собственном опыте.

Я хватаюсь за ее запястье, а она пытается вырваться другим, за которое я тоже хватаюсь. Они маленькие в моих руках. Слишком хрупкие. Я не знаю, как такая хрупкая девушка смогла так долго продержаться на пути, который она избрала для себя.

— Я не собиралась колоть тебя снова, — лжет она. — Отпусти меня.

— Нет.

Крошечная вспышка паники промелькнула в чертах Скарлетт, но она продолжает играть спокойно. Скарлетт не любит, когда ее сдерживают. Но, как я уже говорил, я перестал ее опекать. Скарлетт привыкнет ко мне. И она научится доверять мне.

Я наклоняюсь к ней всем телом, вдавливая в стену. Ее запястья зажаты между нами, глаза расширены, когда она смотрит на меня, а мое лицо опускается к ее лицу.

До сегодняшнего вечера я никогда не испытывал удовольствия пощипать ее губы.

Она никогда не позволяла мне подойти так близко.

Но сейчас Скарлетт такая уязвимая и пугливая, у меня есть уверенность, что это будет не единственный раз.

Скарлетт опускает взгляд на мою грудь, и я смеюсь. Это выводит ее из себя.

— Поцелуй меня еще раз, — говорю я ей.

Она открывает рот, приготовившись к чему-то враждебному. Но я не позволяю ей зайти так далеко. Мои губы прижимаются к ее губам, и я издаю стон, потому что, черт... она такая вкусная.

Я думаю, она собирается оттолкнуть меня. Или, может быть, ударит меня по голове. Но вместо этого ее челюсть расслабляется, и она поддается. Опасная вещь, когда мой самоконтроль сейчас висит на волоске.

Все, чего я хочу, это зарыться в нее. Овладеть ею так, как никто другой никогда не сможет.

Но больше всего я хочу ее доверия.

И трахать Скарлетт так, как это делает любой другой парень на улице, — это не способ добиться этого. Поэтому, несмотря на то, что она целует меня в ответ, а я так охуенно тверд, что мог бы просверлить своим членом дыру в стене, я отстраняюсь. Только для того, чтобы зарыться лицом в ее шею и вдохнуть аромат Скарлетт.

Она тяжело дышит, и напряжение в теле Скарлетт рассеялось, по крайней мере, немного. Поэтому я отпускаю ее запястья, и Скарлетт скользит ими по моей груди вниз, в петли моих джинсов.

Затем взглядом Скарлетт встречается с моим, теплыми, как бренди глазами, и такими отличающимися от того, какими они были всего несколько мгновений назад..

— Трахни меня.

Я издаю стон и в последний раз сжимаю Скарлетт в объятиях, прежде чем отстраниться.

— Ты станешь моей чертовой погибелью, женщина.

Мой отказ заставляет ее броню вернуться на место, и Скарлетт снова на грани бегства. Тогда я хватаю ее за руку и тащу по коридору в свою ванную.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, когда я поднимаю ее и усаживаю задницей на столешницу.

Я тянусь к пуговице на джинсах и расстегиваю её. Скольжу вниз по молнии, пока она смотрит на меня любопытными глазами.

— Доверие — это улица с двусторонним движением, милая, — говорю я ей. — И я верю, что ты останешься на месте. Потому что в противном случае, могу обещать, тебе не понравится, если мне снова придется приходить за твоей задницей.

Скарлетт улыбается мне с вызовом, и я сбрасываю джинсы и снимаю их.

Скарлетт сглатывает, и ее любопытный взгляд блуждает по моему телу. Я даю ей целую минуту на это, прежде чем иду в душ и включаю его. И хотя я больше всего хочу, чтобы Скарлетт присоединилась ко мне, я довольствуюсь тем, что ледяная вода успокаивает меня.

Когда я выхожу, она все еще там, ее ноги свисают со столешницы. Я беру полотенце и вытираюсь, а затемдвигаю бедрами между ее ног. Провожу пальцами по ее икрам до ушибленного и распухшего колена.

Когда я касаюсь его, она вздрагивает.

— Имя, — требую я снова.

— Я позволю тебе пригласить меня на свидание, — отвечает она.

Я снова наклоняюсь и чувствую вкус Скарлетт. Всего на минуту. Потому что не могу удержаться. И потому что мне хочется верить, что я делаю успехи в отношениях с ней, несмотря на то, что я чертовски подозрителен.

Затем я приглаживаю ее волосы и откидываю их назад на плечи.

— Что моя девочка любит делать? — спрашиваю я. — Когда она не трахается на улицах.

— Твоя девочка, — насмехается она. — К твоему сведению, Туз, я ничья ни девочка. И тебе действительно лучше держаться от меня подальше. — Я улыбаюсь, а она хмурится, и она еще не закончила. — Я серьезно, — повторяет она.

— Сделай все, что в твоих силах, Скарлетт.

Она смотрит на мою грудь, и ее пальцы перебирают татуировки, пока она говорит.

— Эти свидания, — говорит она. — Это моя игра. Мои правила.

— Скажи мне, какие вещи тебе нравятся. И я посмотрю, смогу ли я это сделать.

Скарлетт размышляет над этим в течение мгновения, по-детски раскачивая ногами взад-вперед, а затем морщится.

Я пытаюсь сосредоточиться на словах Скарлетт, а не на том, что ей больно, потому что это только пробудит убийцу внутри меня.

— Я не люблю людей, — говорит она. — Или СМС-ки. Или продукты оранжевого цвета. Черную лакрицу. Телевидение. Концерты. Рестораны. Клубы. Торговые центры.

Скарлетт замолкает, а я с любопытством смотрю на нее.

Самое печальное, что она даже не шутит.

— Я упоминала о людях? — добавляет она.

— Дважды, — говорю я ей. — Но я — исключение из этого правила.

— Ты не можешь объявить себя исключением из правила. Это должен сделать тот, кто устанавливает правила.

— Скарлетт.

Тон моего голоса — это предупреждение, которое она игнорирует.

— Просто выкладываю карты на стол для тебя, Бродрик, — говорит она. — Ты думаешь, что напоишь меня спиртным, и я немного успокоюсь. Но этого не произойдет. Что видишь, то и получаешь. Всегда. Я невероятно скучна и очень безразлична буквально ко всему. Так что тебе лучше просто идти дальше и избавиться себя от неудачной попытки.

— Я действительно получил по голове сегодня вечером, — говорю я ей. — Но я припоминаю, что не так давно ты попросила меня поиграть с тобой, как только я вошел в дверь.

— Только потому, что у меня был момент, когда мне стало интересно, на что это похоже, — произносит Скарлетт. — Но тот момент уже прошел.

— Что ты имеешь в виду под «как это было»? — спрашиваю я.

— Просто, знаешь. — Она двусмысленно размахивает руками. — Каково было бы трахать кого-то, кто меня не отталкивал.

Скарлетт прямолинейна. Это одна вещь, которую я узнал о ней с тех пор, как мы познакомились. Однажды вечером Мак рассказала мне бесчисленные признания о ней. Она гений без фильтра и без навыков социального поведения. Что она никогда не вписывалась в общество, поэтому никогда не пыталась сделать это. Но это признание застало меня врасплох.

Последнее, что я хотел бы сделать, это узнать, с кем она спала до меня. Но теперь я не могу удержаться, чтобы не спросить об этом.

— Ты никогда не была с мужчиной, который бы тебя не отталкивал? — спрашиваю я. — Правда? А как насчет твоих парней?

— Парни? — моргает она. — У меня никогда не было парня. Ну, во всяком случае, не со школы.

На этот раз я официально ошеломлен молчанием. Что, похоже, только еще больше ее оскорбляет.

— Кому нужен гребаный парень? — хмыкает она. — Отношения — это одна сплошная головная боль. Я никогда не понимала, почему кто-то хочет подвергать себя такому аду. Да еще и добровольно. Я могу быть садисткой, но не мазохисткой.

— Скарлетт?

— Да?

— Прекрати болтать.

Она так и делает. И у меня есть несколько мгновений, чтобы записать слова Скарлетт в долговременную память, после чего смогу поразмыслить над ними позже. Но сейчас мне просто нужно выгулять ее на свидание, пока я не трахнул ее на следующей неделе.

— Приготовься, — говорю я.

— К чему?

— Я приглашаю тебя на свидание сегодня вечером.

Скарлетт

Если дорога в ад вымощена благими намерениями, то я, должно быть, направляюсь напрямиком в рай.

Ни одна частичка моей души никогда не колебалась по поводу того, чтобы наебать мужика. Некоторые говорят, что нужно быть жестоким, чтобы быть добрым.

Я же говорю, что ты должен быть жестоким, чтобы выжить.

Я никому ничего не должна. Особенно Рори.

Но когда я бросаю взгляд на него, когда он мчит меня по улицам Бостона так, будто ему не наплевать, мне хочется отправиться на длинную пробежку. В кровати из конструктора Лего.

Если я накажу себя, мне станет легче.

Если я наказываю себя, то чувствую себя намного лучше.

Но я не могу наказать себя, потому что сейчас я заперта в этой машине, и все, что я чувствую, — это аромат Рори. Чистый, как океан. Он классный, с привкусом мяты и оливковой кожей, и его тело — тело настоящего Альфы, и я продолжаю испытывать его, когда не хочу.

Тело Рори твердое, но он не такой твердый, как я. Он открыт. Лениво положив руку на руль и откинувшись на спинку сиденья, его футболка натянулась на груди. Он парень в футболке и джинсах. Парень с ямочками на щеках. Хороший парень. Парень, который с удовольствием отметелит тебя в четверг вечером.

В нем слишком много всего. Высокий, непринужденный, забавный и зеленоглазый.

А я всего лишь одна вещь, и это не его девушка.

Но это не имеет значения.

Я приняла решение, и я не сдамся. Пыталась предостеречь Рори, но если он

недостаточно умен, чтобы прислушаться, я не вправе брать на себя ответственность за это.

Я — разрушительница, и вы, вряд ли, свяжитесь с тем, кто сеет разрушение.

Рори облажался со мной, а теперь собирается помочь мне, а я собираюсь использовать Бродрика, и в конце концов это его погубит.

Все не должно было быть так просто. И только для блага самого Рори я собираюсь преподать ему этот урок. Потому что после всего, что я уже сказала и сделала ему, он не должен мне доверять.

Но он просто так вернул меня в свою жизнь.

А вы в курсе, что происходит с людьми, которые дают второй шанс, словно это конфеты на Хэллоуин? Их имеют свойство наебывать.

Я не тостер, и меня нельзя так просто взять и переделать. Вы не можете вставить меня, как вилку в розетку, и достичь коннекта там, где раньше его не было. Потому что так уж я была запрограммирована. С самого рождения я была неправа. Те симптомы, о которых моя мать обычно имела обыкновение жаловаться и сетовать? Это не были симптомы. Это были страдания на всю жизнь.

У меня нет чувств к людям, предметам или местам, или тоски по старым воспоминаниям. В то время как у большинства людей эмоциональная привязанность повышается и понижается по отношению к объекту или человеку, я не сталкивалась с таким препятствием.

Моя мать знала, что я была неправа, и она не могла допустить, чтобы в нашей семье было что-то не так. Она провела меня через все это. Анализы крови, тесты на речь, чернильные кляксы и схемы мозга рептилий. Сначала у меня были проблемы в учебе. Затем последовало ассоциативное поведение. Возможно, нарушение коммуникации. Было, походя, брошено слово «спектр», на которое моя мать быстро наложила запрет... потому что такого рода расстройствам не было места в верхнем Ист-Сайде. Может быть, в Бруклине. Но не в ее доме.

Однажды я сказала маме, что ничего не чувствую. Что я была просто ровной линией. И навсегда застопорилась на одном месте. Она сказала мне никогда больше не говорить о такой чепухе, а затем отправила меня на год в школу-интернат.

Так что я больше никогда об этом не упоминала.

Возникало чувство удовлетворения от того, что он был прав. В том, чтобы быть плоским.

Но теперь есть кое-что еще. Я сомневаюсь в границах своих линейно текущих эмоций. Когда я смотрю на него, в программной строке выскакивает ошибка.

Страх, рассуждаю я. Потому что я никогда не чувствовала себя в такой опасности, как сейчас, когда думаю о том, что я могла бы с ним сделать.

Рори не такой плоский, как я.

Он весь из зазубренных краев и мягких углов. Противоречие мрачной мужественности и мягкого юмора. Но внутри он чувствует.

И я та девушка, которая собирается окунуть его в керосин, прежде чем зажечь спичку.

Совесть слабо нашептывает мне, совесть, о существовании которой я и не подозревала, говорящая мне держаться подальше. Но деструктивная часть меня хочет наказать его.

Я хочу оставаться линейной. Потому что это просто. И это мне знакомо. Но это похоже на один из тех кардиомониторов, когда они возвращают кого-то к жизни. Я уже вижу, как формируются небольшие пики и линейные отрезки. Моя плоская линия изменилась.

Стала податливой, когда раньше была несгибаемой.

Я смотрю на Рори слишком долго, и он это чувствует, взглядом подозрительно скользя по мне.

Он знает, что что-то происходит. Потому что иначе я никогда бы не пришла к нему. Итак, мне нужно предоставить ему причину. Что-то, что заставит Рори подумать, что я нуждаюсь в нем. Я собираюсь сделать из него хорошего солдата. Клайда для моей Бонни. И мы вместе нагреем всех, кто когда-либо переходил мне дорогу, прежде чем я разделаюсь и с ним тоже.

Потому что в этом мире ты всегда можешь полагаться только на себя.

И я собираюсь положить этому конец. Так или иначе.

Рори заезжает на стоянку «Слейнта» и выключает зажигание. Это место обитания ирландской мафии. Штаб-квартира, если угодно. Стриптиз-клуб, игорное заведение и черт знает что еще. Мак была здесь танцовщицей всего пару секунд, прежде чем Кроу женился на ней, так что я немного знаю об этом месте.

Теперь вопрос в том, что мы здесь делаем.

Рори возвращается к своему привычному мальчишескому образу, когда поворачивается на сиденье и подмигивает мне. Он тянется к моей руке, и его рука теплая, большая и мозолистая от драк.

— Имя? — спрашивает он.

Это моя возможность. А вот и хлебная крошка. Рори не может удержаться, чтобы не помочь женщине, оказавшейся в беде. Итак, я собираюсь бросить ему кость. Я дам ему достоверную причину, по которой мне нужно задержаться здесь на некоторое время.

— Дело в том, что... — тихо говорю я. — Имя не имеет значения.

Рори не перебивает меня. Вот в чем его особенность. Он не такой, как большинство парней. Он действительно слушает то, что я хочу сказать. И всякий раз, когда я говорю, его глаза устремлены на мое лицо, а не на мое тело.

Это непривычно, и мне от этого не по себе. Быть настолько открытой. Полной изгибов и пиков, которые я хочу втоптать обратно в ровную линию, где им и место.

— Игра потеряла привлекательность, — продолжаю я. И это действительно правда. — А этого со мной не случилось уже давно.

Взгляд Рори теплый. В нем читается облегчение. И то небольшое чувство спокойствия, которое у меня было, мигом превращается в раздражение. Конечно, он счастлив. Пытается диктовать мне, как жить дальше. Как и все остальные.

Рори не имеет права судить меня.

Чертов мафиози, который пытается сказать проститутке, что она живет неправильной жизнью. Он проникает мне под кожу и начинает жить там, но я не позволю ему об этом узнать.

Эта маленькая шарада будет быстрой и грубой, как он любит. Рори вечный холостяк. Я видела его в боях. Женщины готовы виснуть на нем пачками. Жизнь, которой он живет, быстрая и жесткая. Высокооктановая.

Все, что меньше, не принесет ему такого удовлетворения.

Мужчинам все быстро наскучивает. Моногамия не является для них естественной. Факт.

Рори тоже заскучал бы со мной, что бы он себе ни говорил. Его возбуждает только погоня. И если бы я не потрахалась с ним прямо сейчас, он бы оттрахал меня всего через несколько месяцев. Вне всякого сомнения.

Это придает мне стойкости, необходимой для того, чтобы продвигаться дальше по пути своей лжи.

— Я хочу бросить, — убеждаю его я. — Я хочу двигаться дальше. Но я просто... — Я выкладываю все начистоту, поворачиваюсь, чтобы посмотреть в окно, потирая руки о платье. — Есть только несколько вещей, о которых я должна позаботиться в первую очередь. И мне нужна твоя помощь в этом.

— Милая, ты же знаешь, что я всегда позабочусь о тебе. Все, что тебе нужно было сделать, это сказать мне об этом.

Я сглатываю комок в горле, но фальшивые слезы, которые я придумала, уже не кажутся такими фальшивыми. Я не понимаю, что сейчас происходит внутри меня.

Несмотря ни на что, это то, что Рори должен увидеть. Его пальцы двигаются по моему лицу, нежные. В его движениях сквозит обожание.

— Мы разберемся с деталями позже, — обещает он. — А сейчас, похоже, тебе не помешает хорошая порция веселья.

Веселья? Я даже не знаю, что это такое. Но я все равно киваю. Успокаиваю его, как будто я нормальная девушка, которая может ходить на нормальные свидания. Или что-то в этом роде.

Рори говорит мне оставаться на месте и выходит, чтобы обойти машину, как джентльмен. Он открывает дверцу с моей стороны и помогает мне выйти из машины, обхватывая меня за плечи, пока мы направляемся к задней двери.

Но прежде чем мы заходим в клуб, он останавливается, наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Ты назовешь мне имя, милая.

Рори ПРОХОДИТ мимо бара и танцпола и ведет меня напрямиком в подвал.

В помещении шумно и много ирландцев и еще толпа всяких людей. По всему помещению в изобилии представлены различные виды азартных игр, а официантка бежит, разнося напитки, пока мужчины пьют и курят.

Гвалт и клаустрофобная атмосфера бьют мне в виски, и я улыбаюсь, хотя на самом деле не хочу этого делать. У меня эмоциональный перегруз. Дело в том, что мой мозг плохо справляется с таким количеством раздражителей. Но я всю жизнь практиковалась, поэтому я отключаю мозг и сосредотачиваюсь на том, что нужно делать. Например, ходить, дышать, наблюдать и кивать, когда Рори знакомит меня с кем-то.

Он ведет меня к покерному столу с одним свободным стулом и садится, притягивая меня к себе на колени, словно я его трофей на эту ночь. Другие парни за столом бросают на меня мимолетные взгляды, но не осмеливаются ничего сказать.

Это мужская игра. И, очевидно, я здесь исключительно в виде декорации. Но после того, как Рори встречается с каждым из них взглядом, они перестают пялиться на меня и находят другие точки внимания. Это смена темпа, если она вообще была, и я немного расслабляюсь, когда он заказывает напиток.

Рори спрашивает, что я буду пить, и я сама говорю официантке.

Перед началом игры все за столом о чем-то болтают, но Рори не ведет «светских» бесед. Он сфокусирован на моей шее, снова вдыхает мой аромат. Для него не представляет проблем публично демонстрировать свои привязанности, в то время как для меня это настоящая проблема. О чем я ему сообщаю, но он рукой обхватывает меня за талию и притягивает

обратно к своей груди.

— Ты играешь в покер? — интересуется он.

— Не знаю как.

Рори двигается подо мной, и он уже чертовски тверд. Неудобно, без сомнения. Моя задница прижимается к нему, а облегчения нет.

Какой-то части меня это нравится. То, что я мучаю его. Я снова чувствую себя собой.

— Думаю, тебе понравится, — говорит Рори. — Прилив адреналина без того, чтобы наебывать ничего не подозревающих парней.

Я смотрю на него, а в ответ Рори сверкает своими ямочками. Его фирменный стиль.

Дилер садится и обращает на себя наше внимание.

За столом все затихают, когда сдаются карты, и все превращаются в подобие статуй.

— Они не хотят ничего выдавать, — шепчет мне на ухо Рори, и я думаю, что, может быть, я была бы хороша в этой игре.

Может, я и не умею играть в покер, но я умею читать по лицам. А некоторые из этих парней, откровенно говоря, отстой.

Первые пару раундов я просто наблюдаю. Рори шепчет мне на ухо, объясняя ходы, которые он делает с картами, и я немного учусь по ходу дела. Но я наблюдаю за людьми. И примерно через двадцать минут или около того я понимаю, что лысый мужик напротив нас нервничает до предела.

Это инстинкт.

Я шепчу свою теорию на ухо Рори. Он смотрит на меня, а затем, не сомневаясь, полностью доверяет моему мнению.

Когда тот вынужден выложить карты на стол, я с радостью убеждаюсь, что была права.

Остаток вечера проходит в том же духе. Мы остаемся до двух часов ночи. Благодаря мастерству Рори в игре и моим подсказкам, мы сгребаем кучу денег. Я выдохлась, и у меня болят глаза, когда Рори оттаскивает меня от стола.

— Мы уже уходим? — спрашиваю я.

Рори смеется и распутывает мои волосы, как будто я ребенок.

— Лучше уйти, пока мы еще впереди, милая. Но не волнуйся, мы вернемся. Из нас получится хорошая команда.

— Хочу иметь место за столом, — говорю я ему. — Мое собственное место.

Он снова улыбается мне и качает головой.

— Женщины не допускаются. Правила клуба.

— Ну это чушь собачья.

— Ты можешь обсудить это с Лаклэном, — произносит Рори.

— Или ты можешь просто отвезти меня куда-нибудь, где не придерживаются традиций пятидесятых годов.

Он останавливается у двери, чтобы обдумать это.

— Неплохая идея.

Злая ухмылка расплзается по моему лицу, и это не имеет никакого отношения к покеру. Думала, что это будет вызов, но Рори сам подготавливает для меня почву.

Он просто понятия не имеет, что это на самом деле худшая идея из всех возможных.

Рори

Скарлетт уложена в мою постель, Конор здесь, чтобы присмотреть за ней, поэтому я отправляюсь в спортзал, чтобы встретиться с ребятами.

Кроу и Мик уже на ринге, проводят спарринг, а остальные парни болтают в сторонке подобно стайке сплетниц.

Я буквально сдираю с себя футболку и отбрасываю ее в сторону, прежде чем отойти в противоположный угол ринга и приготовиться свернуть себе шею.

— Кто-нибудь хочет получить по башке этим прекрасным утром?

— Кто-то сегодня с утра начал хохмить, — замечает Мик. — У причины улыбки на твоём табло есть имя?

— Джентльмен никогда не целуется и не болтает.

Подмигиваю я ему, а Жнец присоединяется ко мне, чтобы отработать пару ударов.

Раньше он никогда не любил спарринги, поскольку ему не хватает самоконтроля, чтобы остановиться, пока кто-нибудь не умрет, но теперь, когда он живет с хозяйкой своего сердца, он стал гораздо спокойнее. Он один из лучших парней, которых я когда-либо имел удовольствие знать.

Сегодня утром мы не слишком усердствовали. Просто легкий спарринг. Большинство парней все еще страдают от похмелья после вчерашней ночи.

Когда я оставляю их, Кроу выходит за дверь, чтобы переговорить со мной, прежде чем я

свалю.

— Мне бы не помешал лишний человек в клубе на сегодняшний вечер. Мак вбила себе в голову, что мне нужно быть дома пораньше. Так ты сможешь?

— Планирую сводить хозяйку моего сердца на свидание сегодня вечером, — отвечаю я ему. — А Конор разве не может?

Кроу переводит взгляд на улицу, его взгляд привычно мечется. Но по выражению лица Рори я понимаю, что ему есть что сказать. И я предчувствую, что мне это не понравится.

— Ты теперь обихаживаешь Скарлетт, да?

— И что с того?

Кроу может быть боссом, но он точно не собирается указывать мне, с кем я могу встречаться, а с кем нет.

— Дело в том, — говорит он, — что ты должен знать, что у нее с головой не все в порядке, Рори.

Я пожимаю плечами.

— Так только веселее. Ты же знаешь, что сумасшедшие — дикари.

С кровью не шутят.

Горделивое выражение появляется на лице Кроу, и я не думаю, что он намерен все пустить на самотек. Я больше никогда не воспринимаю вещи чересчур серьезно, и иногда для Кроу это становится настоящей проблемой. Он такой же серьезный, как и они.

— Я в курсе, что она подруга Мак, — продолжает он. — И она кажется преданной. Мак. Но кому еще. Мне об этом ничего не известно.

— К чему ты клонишь?

— Только то, что ты питаешь особую слабость к женщинам, оказавшимся в беде и лично я считаю, что в данный момент она просто натуральным образом издевается над тобой.

— Ну, если это так, тогда это моя ситуация, которую мне следует разрулить самому, — говорю я ему.

— Не кажется ли тебе немного странным, что она ведет себя сейчас с тобой крайне мило, когда всего два месяца назад она не могла даже смотреть на тебя?

Вот оно. Честность Кроу.

Если бы это был кто-то другой, я бы огрел его лампой по голове. Только я знаю, что Кроу стоит на страже моих интересов. Не так давно Мак обманывала и лгала ему, занимаясь поисками своей пропавшей подруги Талии. Она пришла к нему с плохими намерениями, а он не доверял женщинам с самого начала. Она сыграла с ним партию, исход которой он знал заранее. И теперь они счастливы в браке, у них есть ребенок и еще один на подходе.

Поэтому я оставляю все как есть, потому что ничто из того, что я говорю, не убедит Кроу в обратном, пока он не увидит это сам.

— Ничего серьезного, — говорю я ему. — Мы просто развлекаемся вместе. Ничего страшного, ничего плохого. Тебе не стоит беспокоиться об этом, приятель.

Он рассматривает меня мгновение, прежде чем кивнуть. Ему все еще не нравится эта идея, но он сказал свое слово и знает, что я уже все решил.

— Тогда, полагаю, увидимся завтра, — говорит он.

— Полагаю, увидимся.

Сегодня суббота, а это значит, что у меня есть еще одно дело на повестке дня, прежде чем я отправлюсь домой. И не имеет значение, ждем меня дома женщина или нет.

Каждую субботу я обязательно заезжаю к Найлу.

Он бывший босс синдиката Маккенна, вынужденный уйти на досрочную пенсию, когда у него начались проблемы с сердцем.

Я звоню в дверь, и его жена, как обычно, тепло обнимает меня и предлагает чашку чая и кусочек пирога. Обычно я бы согласился, но поскольку Скарлетт ждет меня, я отказываюсь.

Найл в своем кабинете, читает. Похудевший с тех пор, как я видел его в последний раз, и, судя по всему, скучающий до чертиков. Мне больно видеть его таким. Я знаю, что ему тоже больно. Но он жестом приглашает меня войти, одаривая меня теплым взглядом, как он всегда делает, и говорит, чтобы я занял место напротив него.

Я так и делаю. Найл поднимает палец, дочитывая страницу, на которой он остановился, и я откидываюсь в кресле, закидываю ногу на ногу.

Этот человек был для меня как отец. Он изменил мою жизнь, и я навсегда останусь его должником.

Найл научил меня всему, что я знаю. С тех пор как я был совсем маленьким мальчиком и работал в его магазине разносчиком продуктов. А потом, в возрасте тринадцати лет, когда весь мой мир перевернулся с ног на голову, он подарил мне твердую почву под ногами.

По привычке я поправляю серебряные часы на запястье. Те самые, которые остановились на десяти сорока трех более двадцати лет назад.

Именно тогда я стал мужчиной.

Именно тогда Найл привел меня в эту жизнь.

Он научил меня всем аферам. Найл научил меня драться. Он научил меня справляться с гневом, который я никак не мог взять под контроль.

И, возможно, самое лучшее, что он когда-либо сделал для меня, — это заставил никогда больше не вспоминать о той ночи. Никогда не говорить о том, что он сделал для меня. О том, что сделал я. И по какой причине я обязан ему своей преданностью и жизнью.

У меня нет ничего, кроме уважения к этому человеку. И к моим братьям. Я лично убедился в верности каждого из них. Я всегда буду сражаться за них.

Найл откладывает книгу и поправляет очки, глядя на меня поверх оправы.

— Где мой виски?

Я достаю пинту из пиджака и выставляю ее на стол, как какой-то чертов наркобарон. При этом мы воровато уставились на дверь. Если его зазноба узнает, что я проносил ему виски, мы схлопочем от нее по яйцам.

Найл без притворства открывает бутылку и делает глоток, после чего засовывает ее в нижний ящик стола.

— Хорошая вещь, — говорит он. — Ты хороший парень.

— Как идут дела? — интересуюсь я.

— Хорошо, как и следовало ожидать, полагаю, — отвечает он. — Женушка заставила меня есть еду, напоминающую по вкусу картон. Овсянку, сухие тосты и тому подобное.

— Она заботится исключительно о тебе.

Найл кивает и откидывается в кресле, его лицо задумчиво.

— Я говорил с твоей мамочкой на прошлой неделе.

— О?

Это новость для меня.

— Я говорил с ней в воскресенье, но мама не упоминала об этом.

— Она сказала, что беспокоится о тебе, — говорит мне Найл. — Что ты никогда не

остепениться и не подаришь ей внуков. Она поручила мне найти для тебя хорошую женщину.

Мы оба смеемся над этой идеей, а потом я немного расслабляюсь.

— Тебе не стоит беспокоиться, — говорю я. — Я вполне способен сам найти себе женщину.

— Да, верно, — отвечает Найл. — Твоя проблема состоит только в том, чтобы выбрать именно ту из них, с которой тебе захочется проводить время дома.

Я не знаю, почему я произношу эти слова. Учтывая, что я только сегодня утром сказал Кроу, что между мной и Скарлетт ничего серьезного нет. И это не так. Но, возможно, я бы хотел, чтобы это было правдой. Может быть, я вижу, что они движутся в этом направлении.

— Не говори маме, чтобы она начинала присматривать фарфоровый сервиз, — говорю я, — но я думаю, что уже нашел подходящую хранительницу своего очага.

Найл удивлен моим признанием, но в его улыбке проглядывается облегчение.

— Она будет очень рада это услышать. Она была убеждена, что ты был так расстроен из-за всей этой ситуации с твоим папашей, что это отбило у тебя всякую охоту жениться.

Я двигаюсь в кресле и перевожу взгляд на его стол. Найл никогда не упоминает о моем отце, и на то есть веская причина. Это не та тема, которую мы обсуждаем за чашкой чая.

Разве что однажды.

Только когда мне нужно было избавиться от его тела, и Найл позаботился об этом. Он никогда не поднимал эту тему. До сих пор. И это не та тема, которая мне особенно интересна.

— Дело в том, парень, — говорит Найл, — что если я чему-то и научился с тех пор, как мой пламенный мотор начал сдавать, так это следующему. Чтобы двигаться дальше, нужно отпустить прошлое. Чтобы жить настоящим. И хотя я доверяю инстинктам твоей матушки, у меня уже давно есть такие же мысли насчет тебя.

— К чему ты клонишь? — спрашиваю я.

Он кивает на часы на моем запястье.

— Не пора ли тебе снять эту штуку, парень?

Я стучу по треснувшему стеклу и качаю головой.

— Они ничего не значат. Это просто часы.

— Не согласен, — говорит Найл. — Эти часы — и чувство вины, которое ты носишь с собой — слишком долго тяготили тебя. И если я что-то и узнал о тебе, Рори, так это следующее. Как только приходит время тебе получить что-то хорошее от жизни, ты намеренно упускаешь этот шанс. Саботируешь его.

В комнате становится тихо, и я не могу найти слов, чтобы возразить Найлу. Даже если бы они у меня были, я бы не стал возражать. Я всегда доверял суждениям Найла. Его советам. Но сейчас я не хочу верить в то, что он говорит правду.

— Ты говоришь, что нашел себе хорошую женщину. — Найл наклоняется вперед и ставит локти на стол, при этом он сверлит меня взглядом. — Так что иди и не порти все, как ты всегда это делаешь.

Скарлетт

Я тебе не подхожу. Даю тебе всего одно предупреждение.

Рори притихший, когда возвращается домой.

Задумчивый, непохожий на себя и кажется удивленным тем, что я все еще здесь.

Ему не следовало бы удивляться, раз он поручил Конору следить за тем, чтобы я не сбежала от него.

Я подумывала об уходе. Примерно каждые две секунды.

Подумывала о том, чтобы сказать Конору, Ройсу, Рори и всем остальным, чтобы они шли на хуй, и самой преспокойно свалить из этого города. Но куда бы я поехала? Бостон — мой дом.

И я больше не буду бегать.

Побег был сделкой с самой собой на один раз. И я не намерена проделывать это снова.

Рори наблюдателен. Больше, чем большинство мужчин. Он замечает напряжение в моем теле. Вопросы в моих глазах. Сомнения, которые всегда сквозят в моем взгляде, когда он рядом.

Он идет через всю комнату и притягивает меня к себе. Я позволяю ему. И я позволяю Рори взять мое лицо в свои руки, заглянуть в мои глаза и прижаться своими губами к моим губам.

Он пахнет солнцем и океанским воздухом, а на вкус он похож на чувство голода.

Я никогда не была с мужчиной по своей воле. Ни разу.

Никаких парней. На одну ночь. Никаких свиданий.

У кого есть время на это?

Я ничего не упустила. Мне никогда не хотелось большего.

Но когда Рори притягивает меня к себе, ограждая меня от внешнего мира, во мне

появляется любопытство, которого раньше не возникало.

Могу ли я хотеть его вот так? С его чистым запахом, сияющей на солнце кожей и твердым телом. Он должен быть снизу, потому что я всегда контролирую ситуацию. Это значит, что мне придется делать всю работу, и я не понимаю, нравится ли мне эта идея. Мне не чужда тяжелая работа, но в конце должна последовать награда, а я не знаю, будет ли она в случае с ним.

Мысли о том, кто из нас должен быть сверху и выполнять всю работу, улетучиваются, когда он отстраняется. Без ощущения его тела, без его объятий, холодно, и я дрожу, а Рори снимает свою толстовку и протягивает ее мне.

— Здесь немного прохладно, — извиняется он. — В доме еще нет центрального отопления. Все еще идет ремонт.

— Я вижу.

Я провела все утро в его холостяцкой берлоге, изучая ее по частям. Плиты гипсокартона и столярное оборудование в изобилии, обстановка пыльная и до завершения ремонта еще далеко. Пол разобран, половина стен отсутствует. Но благодаря пространству и моему разуму, заполняющему пробелы, я вижу все совсем иначе.

Я попыталась представить его жилище таким, каким бы его увидел Рори. Как дом для семьи, потому что здесь три спальни. Он очень любит кухню, где, я полагаю, он представляет, как будет ужинать с женой. Дети будут играть в гостиной, и, наверное, там будут собака и кошка.

Он поселится здесь. Обустроит здесь быт.

Учитывая, что к тому времени, как я закончу с ним, он не будет затрахан мной до смерти.

Во рту не осталось и остатка сладости от поцелуя Рори. Теперь он горький, и меня передергивает, и я уже ненавижу эту женщину, и, конечно, я ее не знаю. Но, может быть, будет лучше, если я так облажаюсь, что он никогда не встретит ее, потому что тогда я получу то, чего хочу, даже если не знаю, почему я так этого хочу.

— Ты сам занимаешься ремонтом? — спрашиваю я, потому что мне нужно что-то сказать и не думать о том, о чем я только что думала.

— Ага, — кивает он. — По большей части. Парни помогают время от времени. Но мне нравится работа. Рукам есть чем заняться.

— Ты имеешь в виду, когда ты не метелишь кого-нибудь вечером по четвергам?

Рори улыбается мне, и у него появляются ямочки, но я не улыбаюсь в ответ, потому что действительно думаю о том, что еще он делает этими руками.

Я отворачиваюсь и иду к открытой кирпичной стене в дальней части помещения.

— Сохранишь это?

— Теперь, когда ты до нее дотронулась, — отвечает он. — Как я вообще могу с ней расстаться?

Я бросаю взгляд через плечо и ловлю Рори на том, что он смотрит на мою задницу. Это радует.

Я уже начала сомневаться.

Рори продолжает ускользать от меня как раз тогда, когда все набирает обороты, и это проблема, с которой я еще не сталкивалась.

— Наслаждаешься видом?

— Всегда, — ухмыляется он. — Еще лучше я буду наслаждаться им в душе через две

минуты.

— Извини, — говорю я с зевком. — Уже принимала его утром, пока ждала тебя. Что, кстати, больше не повторится.

Рори все еще заиклен на идее, что я окажусь с ним под душем, и теперь он пускает в ход тяжелую артиллерию. Срывает с себя футболку и расстёгивает пояс на брюках.

Он забывает, кто я.

Любитель.

— Последний шанс.

Он подмигивает, а я ухмыляюсь.

— Пас. Мне все равно нужно домой и еще прикупить кое-что из одежды

— Я тебя подвезу, — говорит он. — Мне нужно всего десять минут или около того.

— Конечно.

Салютую ему чисто в шутку и снова сажусь на диван, постукивая пальцами по бедру.

— Скарлетт.

Рори серьезен. А он никогда не бывает серьезным. Я поворачиваюсь, и мне не нравится то, что я читаю в его глазах.

— Не исчезай от меня снова.

Моя улыбка слабая, как и мои заверения.

— Даже не мечтаю об этом.

Рори

Скарлетт молчит всю дорогу, пока я везу ее домой.

И нервничает тоже.

Я не спрашиваю ее почему, потому что это только даст Скарлетт повод отказаться от нашего сегодняшнего свидания. Сходить на которое, кстати, и было ее идеей.

У меня и в мыслях не было ехать в Нью-Йорк, чтобы сыграть в карты, но если это позволит мне побыть с ней, я соглашусь.

Скарлетт не позволяет мне открыть для нее дверь машины и дает право плестись за ней по лестнице. Наверху ее встречает рыжий кот, и Скарлетт колеблется, словно хочет погладить его, но потом оглядывается через плечо и решает не делать этого.

Скарлетт никогда не узнает об этом, но я вижу в ней сходство с самим собой.

И я вижу, каким я мог бы стать, если бы Найл не взял меня под свое крыло и не помог мне разобраться с моим дерьмом.

Совершенно очевидно, что никто никогда не делал того же для Скарлетт. Она не принимает ни милости, ни сочувствия, ни даже доброго слова. Она ненавидит весь мир и всех живущих в нем. А внутри, под слоем фальшивой приторности и лжи, ее переполняет ярость.

Она не хочет, чтобы кто-то знал об этом. Чтобы кто-то увидел в ней эту уязвимость. Мне самому хорошо знакомо это чувство. Вот почему я раньше выбивал всю душу из любого

парня, который думал, что может на меня рот разевать.

Я думал, что это делает меня мужиком, но я стал от этого только своим злейшим врагом. Превратился в копию своего отца. И я не мог сдержать свой гнев.

Но теперь все изменилось. Как и я.

Люди никогда не воспринимают меня всерьез, потому что я всегда шучу. Скарлетт тоже думает, что она меня раскусила.

Вот почему, когда она делает такие вещи, как эта — когда она не останавливается, чтобы погладить кошку, которая жаждет ее внимания, боясь, что это даст мне какую-то информацию о ней — я не виню Скарлетт за это. Но регистрирую это. Фиксирую все, что она делает.

И когда-нибудь мы распакуем этот багаж, который Скарлетт носит с собой.

Только не сегодня.

Скарлетт засовывает ключи в дверь и начинает возиться с замками. Точнее, всеми шестью. И если на ее двери их шесть, то я могу только представить, сколько их на ее сердце.

Когда ей удастся открыть баррикаду своей квартиры, Скарлетт впускает нас внутрь.

Взглядом прохожусь по бардаку, пока Скарлетт незаметно проверяет каждую комнату на наличие невидимых угроз.

И снова я не окликаю ее, потому что использую эту возможность, чтобы впитать ее личное пространство.

Квартира маленькая, из мебели — только самое необходимое. Ни фотографий, ни украшений, только белые стены и куча книг.

Книги на каждой поверхности. Диван. Кухонный островок. Стол. Все они помечены закладками в разных местах, и я проверяю пару из них, когда она не смотрит, чтобы увидеть, к чему она хотела вернуться.

Есть несколько экземпляров одних и тех же книг.

«Гамлет» и «Великий Гэтсби».

Вторую она уже упоминала мне раньше.

Я ничего не смыслю в книгах, но Скарлетт одержима ими. Когда она возвращается в комнату и застаёт меня листаящим страницы, все оказывается еще хуже, чем я думал.

Она выхватывает книгу из моих рук, расстроенная перспективой попытаться найти именно ту стопку, из которой она взята. Ее взгляд метался при этом по комнате в гневе, которого я раньше не замечал, когда я указал ей на стопку рядом с ней на кухонном островке. Скарлетт заменяет ее, а затем замечает книгу, все еще покоящуюся в моей второй руке.

— Отдай, — рычит она. — Ты не можешь просто так трогать чужие книги.

— Очевидно, нет, — соглашаюсь я.

Розовый румянец распространяется по ее груди, и, боже правый, она краснеет. Я улыбаюсь, и Скарлетт прекрасна, даже когда злится, как сейчас.

— Я больше не буду их трогать, — заверяю Скарлетт

Она пытается оправдать свои действия.

— Просто если ты переставишь одну, я потом не смогу ее найти.

Не знаю, как она находит их сейчас, но я не говорю ей об этом. Проблемы Скарлетт с самоконтролем глубже, чем я мог себе представить. В этом пространстве она предстает с совершенно новой стороны. Это ее уязвимая сторона.

— Посиди на диване, пока я одеваюсь, — рывкает она, указывая на другой конец

комнаты.

Я хватаю Скарлетт и притягиваю к себе, моя рука запутывается в длинных локонах ее волос.

— Скарлетт, ты мне нравишься. Но я не подчиняюсь ничьим приказам. Так что тебе нужно вбить это в свою гребаную голову, прежде чем снова говорить со мной в таком тоне.

— Тогда почему бы тебе просто не отвалить, — предлагает она.

Скарлетт произносит это угрюмо, а я уже готов; я пальцами вцепился ей в волосы, оттягивая ее голову назад, так что мои губы в миллиметре от ее губ.

— Я не позволю тебе все испортить, даже не начав.

— Хорошо, — говорит она. — Тогда отпусти меня, и я оденусь. Но клянусь богом, если ты еще хоть раз прикоснешься к моим книгам...

Я шлепаю Скарлетт по заднице, а она взирает на меня, так что у меня появляются ямочки.

— Хочешь отомстить мне, милая? Тогда иди и надень что-нибудь настолько сексуальное, от чего я буду страдать всю ночь, даже просто думая об этом.

Она улыбается мне в ответ, и в ее улыбке сквозит чистая злость.

— Только помни, милый, что ты сам напросился.

Скарлетт

Будь верна себе, и пусть тот, кто стоит на твоём пути, познает всю силу моего гнева

Когда Рори видит меня, он ошеломленно замолкает.

Я немного вращаюсь на месте, действительно играя. Платье глубокого малинового оттенка с асимметричными разрезами в области декольте и бедер. Линии прорезей сделаны достаточно низко в области декольте и высоко на ноге.

Моя мама подавилась бы своим «Шардоне», если бы увидела меня в нём.

— Ну, разве я не очаровашка?

— Очаровательная — это не то слово, которое я бы использовал в данном случае, — отвечает он хриповато.

— Тебе тоже идет спорт-шик.

Теперь я обратила на его внешний вид свое внимание.

На Рори темные джинсы и белая рубашка на пуговицах, поверх которой надет черный жилет. Рукава рубашки закатаны до локтей, отчего стала видна часть татуировок Рори.

Что касается визуального оргазма, то смотрится он вполне неплохо. Если бы я была нормальной девушкой, я была бы в восторге. Стереотипный плохой парень, покрытый татуировками и в качестве вишенки на торте умело очаровывающий девушку. Боже, эти ямочки, которыми он разит, словно оружием.

Женщины их обожают. И нет сомнений, что сегодня вечером он тоже будет кружить головы.

Вот почему у меня на этот счет имеется стратегия.

— Хочу посвятить тебя в планы на сегодняшний вечер, — говорю я.

— Какие еще планы? — интересуется он, и это похоже на вопрос уставшего парня. Рори подозрителен, и мне нужно убедить его, что будет весело.

— Считаю, нам двоим стоит вести себя сегодня так, будто мы с тобой не знакомы.

Рори засовывает руки в карманы и откидывается на пятки, обдумывая мои слова.

— Хочешь пошалить со мной, милая?

— Это то, что я планировала, — ухмыляюсь я. — Но да, я хочу изобразить ужин Бонни и Клайда в этом заведении.

— Что ты задумала? — спрашивает он.

Рори не говорит «да», но и не говорит «нет». Он любит прилив адреналина так же, как и я. Он думает, что он мастер, но он еще не видел меня в действии. Не совсем.

Поэтому я выкладываю ему все. На помощь мне приходит образ недалекой дурехи, который я эксплуатирую, когда мне приходится отсасывать у клиентов.

— Видишь ли, дружок, представим, что я скучающая домохозяйка. Выскочила замуж за магната в сфере недвижимости в штате Техас, и он проводит все свое время в офисе.

Я пару раз фыркнула и достала платок из своего клатча, чтобы надушить его, прежде чем продолжить.

— И я уверена, что он изменяет мне со своей секретаршей. Сегодня наша годовщина, а он все еще на встрече с ней. Так что я хочу напиться, повеселиться и потратить кучу его бабла. Проблема только в том, что я не умею играть в покер. Мне нужно, чтобы вы, сэр, научили меня.

Улыбка на лице Рори померкла за время моей речи. Я вижу, как шестеренки в его мозгу отчаянно крутятся, но ему требуется минута, чтобы ответить.

— Господи, милая, — бормочет он. — Они никогда не видят, как ты подкрадываешься к ним, не так ли?

Мне не нравится осуждение в его голосе.

— О, блядь, ты о ком, — огрызаюсь я. — Только не говори мне, что тебе правда жаль этих людей? Тогда это тебе нужно проверить реальность происходящего вокруг.

— Скарлетт.

Голос мягкий, когда Рори делает шаг вперед и тянется, чтобы взять меня за руку. Он знает, что я уже одной ногой за дверью после его последнего комментария.

Я не очень хорошо отношусь к осуждению.

Любой, кто хочет меня осуждать, может сразу же валить на хуй. И я так ему и говорю.

— Я не осуждаю тебя, милая, — говорит он. — Просто я немного напуган твоим нынешним образом.

А зря.

Потому что я тоже его обманываю. Пока я играю в эту игру и пытаюсь доказать Рори, что правда на моей стороне. Пока я доказываю ему, чтобы он не осуждал меня.

Я лгу Рори и одновременно плету интриги вокруг него.

И пока я думаю обо всем этом, он думает только обо мне.

— Я не знаю, смогу ли я вынести то, что ты флиртуешь с другими парнями, — говорит он, и это честно и...

Черт.

Почему Рори всегда должен быть таким чертовски честным?

— Это ничего не значит, — заверяю я его.

Именно в этом и заключается проблема.

Рори потирает рукой затылок и прохаживается по моей кухне.

— Я никогда не знаю, когда ты настоящая, Скарлетт.

Наверное, это правда. Я и сама не знаю половину времени.

Я навязчивая лгунья. Это то, чем я зарабатываю на жизнь. Это то, что я делаю, чтобы выжить.

Это моя вторая натура. Лгать для меня также же легко, как дышать. Лгать даже тогда, когда мне это не нужно.

Иногда это просто приятно. Обманывать всех вокруг.

Я лгала Рори с того дня, как встретила его. Он ничего обо мне не знает. И теперь, когда я думаю об этом, я не знаю ни одного человека, который бы знал меня.

— Неважно, с кем мы играем, — говорю я. — Потому что, когда ты начнешь выигрывать по-крупному, я просто решу, что ах-ты-ж-блядь... это именно тот парень, с которым я хочу вернуться домой.

Рори тянется ко мне, чтобы схватить за задницу и притянуть к себе. Ему нравится это делать, и он уже твердый.

Его губы перемещаются к моему уху, его голос низкий и хриплый.

— Ты так уверена, что я собираюсь выиграть по-крупному, да?

— Конечно, уверена, глупенький. — Я отстраняюсь настолько, чтобы он мог видеть мое лицо. — Потому что я буду подавать тебе сигналы всю ночь напролет.

Ложь, ложь, ложь... слова лжи льются из моих уст, словно лава.

А он глотает их, как сахар, вместо яда, которым они на самом деле являются.

— Есть еще кое-что, — говорю я ему.

— Что?

Я сжимаю в пальцах белокурый парик и слабо улыбаюсь Рори.

— Сегодня вечером ты отправишься домой с этой девушкой. Я знаю, что ты предпочитаешь блондинок.

Рори

Первым делом в Нью-Йорке нужно заселиться в отель. Он находится прямо вниз по улице от клуба, который выбрала Скарлетт, впрочем, отель тоже выбрала Скарлетт. Она знакома с Манхэттеном, а я понятия не имею откуда.

Здесь она более эпатажная. И у нее нет бостонского акцента, и теперь я думаю, не отсюда ли ее жесткость. Она может быть жительницей Нью-Йорка.

Мы регистрируемся, а носильщик следует за нами в номер, таща наш багаж и разглядывая задницу Скарлетт. Она замечает это, но ей все равно, а я замечаю и говорю ему, чтобы он отвалил.

— Тебе нравится? — спрашивает она, когда он уходит.

Комната хорошая. Даже очень. Но маленькое исчадие ада неспроста ведет светскую беседу, и я понимаю, что с ней что-то не так.

— Только лучшее для тебя, Сатана.

Она улыбается и сразу переходит к делу.

— Я войду первой и выберу столик. Ты можешь взять выпивку и присоединиться к нам.

Она уже бежит к двери, но я ловлю Скарлетт за талию и останавливаю.

— Скарлетт.

— Да?

— Если что-то пойдет не так... и я имею в виду даже самое смутное представление о

том, что это пойдет не так, возвращайся прямо сюда, в эту комнату, и жди меня. Понятно?

— Сэр, да, сэр.

Она снова отдает мне честь.

— Это не шутка. Я хочу пошалить с тобой, милая. Но я должен знать, что ты не будешь безрассудной в этом вопросе.

— Я буду хорошей девочкой, — обещает она. — Клянусь честью скаута.

Теперь мой член салютует Скарлетт, и мне не нужно, чтобы она разглагольствовала о подобном дерьме еще до того, как мы доберемся до столов.

Наблюдать, как другие парни мысленно имеют ее всю ночь, будет нелегко. И я действительно думаю, что сегодня я могу поддаться своим изменным желаниям и отыметь Скарлетт так, что она больше никогда не захочет играть в эти игры.

Мы уходим, и я следую за Скарлетт по улице, отставая от нее на несколько футов. Мои глаза устремлены на ее задницу, как и у всех остальных парней поблизости, а я хочу, чтобы они знали, что она моя. Но Скарлетт — как птица, и малейшее изменение погоды заставит ее улететь.

Мужчина во мне хочет показать ей, что она все еще может получать удовольствие, не подвергая себя реальному риску. По крайней мере, не когда я рядом с ней.

Она сказала мне, что хочет выйти из игры. И я собираюсь сделать так, чтобы это произошло. С того момента, как я встретил ее, это все, чего я когда-либо хотел.

Я могу быть терпеливым. И она научится доверять мне. Скарлетт поймет, что я не обманываю ее, как все остальные парни. В процессе я могу не раз уколоться о ее терновый щит.

Но что значит немного крови ради того, кто тебе дорог?

Конечно, это прекрасная идея, пока мы не заходим в клуб. Это место совсем не такое, как я ожидал. Это шикарный и закрытый клуб. Драконовский ценник за вход и богатые придурки, расхаживающие в костюмах от Armani. Если бы я мог читать мысли, я бы сейчас убивал кого-нибудь из этих ублюдков. Как непринужденно они косятся на Скарлетт, когда она проходит мимо, как будто у них есть на это право.

Терпение, о котором я заявлял всего несколько минут назад, сейчас улетучилось напрочь.

Справедливый обмен, напоминаю я себе.

В конце вечера Скарлетт поедет домой со мной. А не с кем-то из этих парней. Это единственный выход с такой дикаркой, как Скарлетт. Если бы я предложил ужин и кино, она бы рассмеялась мне в лицо и вышла за дверь.

Итак, я беру напиток в баре и осматриваю зал, стараясь держать ее в поле зрения. Она находит нужный ей столик в считанные мгновения, и это оказывается быстрее, чем я ожидал, Скарлетт — профи.

Столик не так плох, как я думал. Несколько пожилых бизнесменов. И один парень, возможно, примерно моего возраста. Конечно, именно на него она и положила глаз, когда заняла место рядом с ним.

Я присоединяюсь к столу и занимаю место через два стула от нее, сосредоточившись на своем напитке, пока Скарлетт входит в роль.

Через несколько коротких мгновений я понимаю, что история, которую она рассказала мне ранее, была лишь тренировочной версией. На этот раз она полностью отгородилась от меня. В том числе своей улыбкой, фальшивым акцентом и декольте, от которого даже я не

могу оторвать глаз.

Мужчины пожирают ее глазами, все они предлагают ей помощь, исключительно по доброте своих членов.

Я стучу костяшками пальцев по ноге и сосредотачиваюсь на столе. Пытаюсь не позволить этому задеть меня. Но этот мудака, с которым она беседует, ведется на всю эту чешуехню. А когда он улыбается, то смотрится это так смачно, что я хочу выбить ему все зубы до единого.

К моему вящему раздражению, мудака принимает предложение Скарлетт помочь потратить деньги ее ублюдочного муженька.

Вскоре после этого начинается игра, и Скарлетт должна подавать мне сигналы. Но она этого не делает, и я вижу только красный цвет, когда Итан — ее новый лучший друг — обхватывает ее и наклоняется к ней, чтобы прошептать ей что-то на ухо.

Я вот-вот сорвусь, и такими темпами я тоже скоро проиграю.

Мне нужно справиться с собой.

Итак, я заказываю еще один напиток и с головой погружаюсь в игру, решив, что единственный способ выплыть из этой катастрофы — полностью игнорировать Скарлетт. Она пришла сюда не для того, чтобы играть в покер, и, если я хочу выиграть, я не могу отвлекаться на игру, в которую играет она.

Поэтому я делаю то, что умею лучше всего.

Я начинаю жульничать.

И я оправляюсь от своих первых промахов, как только правильно фокусируюсь. Теперь все меняется. Теперь Скарлетт смотрит на меня, но я не поднимаю на нее глаз.

Ее смех мелодичен, а сказки, которые она рассказывает Итану, приторно сладки. Она чертовски хорошо врет, и Кроу был прав, и она действительно Сатана в юбке. Но какого черта я делаю, и почему я все еще хочу ее?

Она тоже играет со мной.

Гадюка, замаскированная под котенка. И она глубоко ошибается, если думает, что я просто еще один невежа, которого ведут за член, и она собирается смотреть, как я разбиваюсь и сгораю, пока она смеется мне в лицо.

В тот самый момент, когда я думаю, что все уладил в своей башке и что мне нужно отпустить ее, слова Найла, сказанные ранее, возвращаются ко мне, вступая в противоборство с этой мыслью. Неужели я только саботирую все это, как он и сказал?

Игра прерывается, и Итан уходит в уборную, пообещав, что скоро вернется. Мы со Скарлетт уже договорились, что не будем разговаривать до конца игры. Таков был план. Но она знает, что все это неправильно, и Скарлетт чувствует, как я хочу оставить все позади. Оставить ее позади и забыть.

И дьявол в ней хочет вернуть меня обратно.

— На что это похоже? — шепчет она, двигаясь рядом со мной. — Это ревность?

Это невинный вопрос. И честность в ее голосе смягчает мою решимость. Скарлетт не заводит отношений. Она сама сказала мне, что ничего не чувствует к мужчинам.

Это не должно меня удивлять. Или злить меня еще больше.

Но это так.

— Почему бы тебе не сказать мне?

Я киваю Итану, когда он возвращается из уборной.

Скарлетт бросает на меня веселый взгляд, но возобновляет свои игры с Итаном.

Когда у нас остается несколько минут, я поворачиваюсь и сканирую толпу. Через барную стойку стоит симпатичная блондинка и нерешительно смотрит на столики. Как будто она хочет играть, но не уверена, как.

Я привлекаю ее внимание и жестом прошу подойти ближе.

Она подходит.

— Не хочешь присоединиться ко мне, милая? — спрашиваю я, имитируя сильный акцент. — Ты выглядишь так, будто тебе не мешает хорошая порция веселья.

Она неуверенно улыбается, и на мгновение замирает в нерешительности, хотя мы оба знаем, что она была готова, как только увидела меня в другом конце комнаты.

— Хорошо, — соглашается она и садится рядом со мной.

Через стол взгляд Скарлетт перемещается на мою новую спутницу. Но в ее глазах ничего не выражается, как всегда, без эмоций, и я не могу прочесть ее.

Я искренне не знаю, способна ли эта женщина действительно что-либо чувствовать.

Но я собираюсь это выяснить.

Возможно, это по-детски. Но я парень. Мы никогда до конца не вырастем.

Блондинка представилась Шарлоттой и стала моей новой лучшей подругой, когда игра возобновилась. Она тоже очень мило общается со мной, со своим милым очарованием и милой улыбкой. Она все время наклоняется ко мне, касаясь своей рукой моей, прежде чем я обхватываю ее плечи и начинаю шептать что-то дурацкое на ухо.

Сейчас я загребаю фишки и очищаю стол.

И я горжусь собой за то, что ни разу не посмотрел в сторону Скарлетт. Ее смех утих, и разговор между ней и Итаном, кажется, тоже утихает, к моему удовлетворению.

Когда игра закончилась, и я загреб свой выигрыш, Шарлотта сказала мне, что у нее есть номер в отеле наверху, и спросила, не хочу ли я присоединиться к ней.

Прежде чем я успеваю ответить, Скарлетт оказывается рядом со мной.

Я смотрю на нее сверху вниз, все еще потрясенный ее выходкой. Но ее лицо уже смягчилось, глаза открыты. Она не сводит с Шарлотты взгляда, хватая меня за воротник рубашки и притягивает мое лицо к своему.

— Решила, что мне больше не нравится эта игра, — говорит она. — И я бы хотела сыграть в другую.

— Правда?

— Да. И я решила, что мне нужен новый талисман на удачу. Так что скажешь, старина?

Я одариваю Шарлотту извиняющейся улыбкой, и это был хреновый ход с моей стороны — втянуть ее в это, так что мои извинения тоже искренние. Я говорю Шарлотте, что собираюсь продолжить испытывать свою удачу за столами.

— Ничего страшного, — говорит она, глядя на Скарлетт, которая протягивает мне карточку из своей сумочки. — Было весело. Дай мне знать, если захочешь повторить как-нибудь.

Скарлетт тащит меня от стола и останавливается посреди зала. Не могу сказать, о чем она думает. Она сейчас закрылась крепче, чем линкор, и ничем не выдает себя.

— Мне нужно в дамскую комнату, — объявляет она.

— Хорошо. Подожду тебя здесь.

Скарлетт уходит, а я беру еще один напиток в баре.

Но к тому времени, как я его допил, она все еще не вернулась. Я прогуливаюсь по клубу и спрашиваю пару дам, выходящих из туалета, не видели ли они ее, но они говорят, что не

видели.

Тогда, надеясь, что она снова сбежала от меня, я нахожу черный выход и просовываю голову в переулок, чтобы поискать Скарлетт.

То, что я там вижу, не похоже на Скарлетт.

Даже в худшем состоянии я никогда не видел ее такой. Такой потрепанной. В такой дикой ярости, которая буквально сочится у нее из всех щелей.

Она держит парня — Итана — за горло, нацелившись своей шпилькой, а еще она целится из пистолета, о наличии которого я даже не подозревал, прямо ему в голову. Скарлетт сняла парик. Глаза у нее дикие. Испуганные и наполненные жаждой.

Жаждой крови.

— Скарлетт.

Ядвигаюсь к ней, медленно приближаясь, но она даже не смотрит на меня.

— Держись подальше, придурок, — говорит она мне. — Почему бы тебе не найти Шарлотту. Она тебе так понравилась своими светлыми волосами и черствым характером. Держу пари, она абсолютно адекватная бабенка.

— Считаешь, сейчас самое время обсуждать это? — интересуюсь я.

— Эта сучка чертовски сумасшедшая, — говорит мне Итан, как будто я этого еще не знаю. — Ты должен помочь мне, чувак.

Скарлетт засовывает носик туфли ему в рот, заставляя Итана подавиться последними словами.

— Тебе это нравится? — спрашивает она. — Тебе нравится грубость, не так ли, Итан? Я помню, что ты это любишь.

Я проверяю переулок, он не такой уединенный, как думает Скарлетт, и я волнуюсь, что кто-то еще в любой момент наткнется на этот беспорядок. Я приближаюсь к ней, и Скарлетт не замечает, пока я не оказываюсь в пяти футах от нее.

— Я сказала держаться подальше, — рычит она. — Я говорила тебе, Рори. Моя игра, мои правила. Ты не играл по моим правилам.

— Ты даже не удосужилась упомянуть о правилах, — возражаю я. — Ты не сказала мне, что именно этого ты хочешь сегодня вечером.

— Он заслужил это, — говорит она. — И ты тоже. Вы все, блядь, заслуживаете этого.

— Я никогда не хотел причинить тебе боль, — говорю я ей. — Это была игра, Скарлетт. Мне жаль.

Она смеется, и это сухой смех.

— Как будто ты можешь причинить мне боль.

Она говорит это так, как будто это самая нелепая вещь, которую она когда-либо слышала, но я могу сказать, что это правда. Даже если она сама себе в этом не признается.

— Скарлетт, если этот парень что-то сделал, то, даю слово, я с ним разберусь. Но это не выход. Не здесь и не сейчас.

— Нет, — говорит она. — Это мой выбор. Мой выстрел. Я должна быть единственной, кто это сделает. И тебе не прискакать сюда со своим чертовым ирландским братством и не забрать у меня мой момент славы.

Рука Скарлетт дрожит, даже когда она произносит это, и я знаю, что Скарлетт думает, будто может справиться с чем угодно. Я также знаю, что она натворила много дерьма. Я видел, как она разделала мясника, когда ей представилась такая возможность, не колеблясь ни секунды.

Но она не убийца.

Скарлетт никогда раньше не убивала. И я не намерен позволять ей начинать это делать прямо сейчас.

— Как только ты это сделаешь, пути назад не будет, — говорю я ей. — Я отвезу его обратно в Бостон. Там мы с ним разберемся. Все, что захочешь, Скарлетт. Мне просто нужно, чтобы ты была честна со мной.

— Ее зовут не Скарлетт, — прошипел Итан, освобождаясь от ее туфли. — Что за бред. Если кто-нибудь из вас хоть пальцем тронет меня, моего отца...

Скарлетт бьет его ногой в рот, и два его зуба летят на асфальт, а я бросаюсь вперед и хватаю ее сзади. Я борюсь за заряженный пистолет в ее руке, а Скарлетт не отпускает, но я не хочу причинять ей боль... а чертов Итан создает слишком много шума.

У нее уже взведен курок, и когда она нажмет на него, я ничего не смогу сделать. Но это револьвер, и она не рассчитала отдачу, и очевидно, что она никогда не стреляла из него раньше. Даже ни на йоту близко к Итану, но все равно слишком громко, и все в радиусе трех кварталов услышали выстрел.

А если и не слышали, то теперь услышат, как Итан ведет себя как плакса.

Господи, мать твою.

У меня связаны руки, а времени на другие варианты нет. Я тянусь вниз, выхватываю нож с бедра Скарлетт и вонзаю его в гребаное горло Итана, перерезая артерию.

Скарлетт в шоке смотрит, как его кровь стекает на асфальт под ним, поэтому я отворачиваю ее и делаю то, что считаю должным. Я забираю бумажник Итана и часы, чтобы все выглядело как ограбление, а затем встаю и забираю пистолет из ослабевшей руки Скарлетт. Ее глаза закрыты, и она дрожит.

Она не говорит и не спорит, когда я хватаю ее свободной рукой, а другой застегиваю куртку.

Я тащу Скарлетт через квартал прямо в гараж отеля и усаживаю на пассажирское сиденье, пристегивая ее, прежде чем занять место водителя.

Дорога обратно в Бостон долгая и спокойная. Я останавливаюсь в «Слейнте» и звоню Конору, поручая ему выйти и забрать у меня ключ от отеля. Похоже, сегодня Жнец отправится в Нью-Йорк.

Когда мы возвращаемся в мой дом, я запираю Скарлетт изнутри и тащу ее с собой в ванную. Она уже не дрожит, но все еще молчит. Я снова усаживаю ее на стойку и срываю с себя пропитанную кровью рубашку.

Прежде чем я успеваю добраться до душа, Скарлетт останавливает меня, тянется в карман джинсов и достает карточку Шарлотты, разрывая ее на кусочки.

— Ах, Господи, — кричу я. — Вот о чем ты хочешь сейчас поспорить? После всего, что только что произошло?

Скарлетт не отвечает. Вместо этого она тянется вверх, чтобы пальцами размазать немного крови Итана по моей груди.

И на кратчайшее мгновение в ее взгляде мелькает спокойствие.

— Что он с тобой сделал? — спрашиваю я.

— Теперь я поняла, — отвечает она.

— Что поняла?

— Ревность, — говорит она. — Должно быть, вот что это такое. Это чувство. Мне оно не нравится.

— Господи, Скарлетт.

Я притягиваю ее к себе и целую. Целую ее до умопомрачения. Она самая худшая вещь для меня, и я ничего не могу с этим поделать. Я все равно хочу ее.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — говорит Скарлетт, и на этот раз по-настоящему. — Пока ты весь покрыт его кровью.

Скарлетт

Я не хочу вернуть свою невинность. Я хочу снова ощутить, как приятно было её терять
Ф. Скотт Фицджеральд

Руками Рори переходит к молнии моего платья на спине, и только когда он расстёгивает ее, я отталкиваю его.

— Я тут за главную.

Рори не упускает из виду высокий тон моего голоса.

— Хорошо, милая, — говорит он мне. — Все, что пожелаешь.

— Раздевайся, — говорю я. — И сядь в это кресло.

Рори все еще не доверяет мне и все еще раздумывает, не стоит ли ему уже просто бросить меня, и я его не виню. Я бы тоже себе не доверяла.

Но он делает так, как я прошу.

Рори расстегивает джинсы, и они падают на пол. На нем черные боксеры, и тело Рори твердое, как у зверя, и такая характерная буква V, как у моделей, и идеально плоский живот, так что вполне логично, что так много женщин хотят его.

Рори мог бы сделать со мной все, что захочет, если бы у него действительно было такое желание. Он мог повалить меня на кровать и трахать так, как ему заблагорассудится, независимо от того, нравится мне это или нет.

Но Рори хочет, чтобы мне понравилось с ним, и это глупая надежда, но когда он садится в кресло, раздвигает ноги и дает мне полный доступ к своему телу, я тоже хочу, чтобы мне понравилось с ним. Я хочу запомнить эту ночь. Я хочу смыть кровь Итана чем-нибудь другим. Чем-нибудь получше.

Игра началась.

Итан мертв, и хотя он умер не от моей руки, но я чувствую облегчение, и я благодарна

Рори, и я хочу показать ему, как я благодарна.

Мои пальцы дрожат, когда я позволяю платью упасть на пол, отбрасываю его от себя в сторону. Рори уже возбудился от вида меня, его член буквально разрывает трусы по швам, когда он смотрит на красный кружевной бюстгальтер и стринги. Но все же он возбуждается и от вида туфель. Он любит меня на каблуках, и взглядом продолжает скользить по моим ногам, и я знаю, что он хочет, чтобы я не снимала их.

Так я и делаю.

Чувствую что-то прямо сейчас. Какое-то чувство. В этой комнате. С ним.

Я точно не знаю, что это такое. Но оно зарождается в моей груди. В животе. В крови, текущей по моим венам.

Я хочу его.

А еще я не хочу, чтобы он принадлежал кому-то еще.

Мой пульс сильно бьется у меня в горле, и мое тело жаждет быть сверху. Для меня это чуждо — настолько терять всякий контроль.

Я всегда все контролирую.

Рори угрожает этим. Забрать это у меня.

— Скарлетт? — спрашивает он. — С тобой все в порядке?

Я моргаю и натянуто киваю ему. А потом я стягиваю стринги вниз по бедрам и выхожу из них, отбрасывая каблуками.

Я подхожу к Рори.

Его пальцы сжимают подлокотники кресла, и Рори хочет прикоснуться, но он снисходителен. Его шея напряжена, но он сохраняет со мной зрительный контакт. И я рада, что я не единственная, кто сейчас чувствует себя не в своей тарелке.

— Ты сушая чертова пытка, — стонет он, когда я занимаю место меж его мускулистых бедер. — Чистый грех.

Я хватаю его за плечи и перемещаю свое колено рядом с его бедром, прежде чем перекинуть другую ногу таким образом, чтобы оседлать Рори.

Мои обернутые в кружево груди у его лица, и Рори склоняется вперед, совсем немного, прежде чем я хватаю его за волосы и притягиваю ближе.

Я хочу, чтобы он это сделал.

Я хочу, чтобы он делал то, что хочет, но мне также нужно держать себя в руках.

Это сбивает с толку.

— Прикоснись ко мне, — бормочу я.

Что он и делает. Рори руками скользит вверх по задней части моих бедер, чтобы сжать плоть моей задницы в своих ладонях, в то время как его рот захватывает мой покрытый кружевом сосок.

Рори царапает мою кожу, и засасывает сосок, и это совсем другое, и это хорошо, и это так сексуально. Он лижет меня через тонкую преграду лифчика, пожирая и потираясь лицом о мои сиськи. Одну их рук Рори положил мне на бедро, прижимая меня ей к своей эрекции. Он твердый и уже истекает спермой, и такой пухлый, что мне может быть больно.

Я тоже хочу прикоснуться к нему, поэтому я наклоняюсь и обхватываю его через трусы, возбуждая Рори через хлопок и пробуя на вкус кожу его горла.

— Скарлетт, черт возьми, — бормочет он.

Рори запутал пальцы в моих волосах, и сильнее вжимает мое лицо в свою шею. Ему нравятся мои губы на нем. Рори нравится, когда я посасываю его горло и оставляю следы.

В какой-то момент мой лифчик летит в сторону, и Рори прижимает меня к своей груди. Мне нравится, как мои соски ощущаются на его коже, шершавые и горячие. И теперь его рот тоже на моем горле. Рори проводит носом по моей коже, а затем зарывается в волосы, приглушая свои стоны, когда я двигаю бедрами по его члену.

Я протягиваю руку, хватаю Рори за спину и говорю Рори, что хочу, чтобы он был внутри меня.

Это не ложь.

Я мокрая для него, а раньше мне была ненавистна только мысль об этом.

— Достань мой член, — говорит он мне.

Я залезаю в трусы Рори и достаю его, и он больше, чем я помню, когда наблюдала за тем, как он принимает душ, и его кожа чистый бархат.

Когда я поглаживаю его ладонью, Рори наклоняется и останавливает меня.

— Презерватив?

Его голос напряженный, грубый. И мне это нравится.

— Трахни меня грубо, — говорю я ему. — Я хочу, чтобы ты это сделал.

— Я этого не сделаю, — говорит Рори, но уже делает это со мной, потому что он скользит по мне и впитывает мое желание к нему.

Он снова издает стон. Но все еще не проникает внутрь, и теперь я в нетерпении.

— К чему такая спешка? — спрашивает он.

Рори пытается отыскать в глубине моих глаз ответы, а у меня их нет. Только то, что мой пульс теперь бьется сильнее. И я боюсь, что я права.

Боюсь, что это не принесет мне удовольствия, а только боль. Я протягиваю руку и постукиваю пальцами по его груди в такт биению сердца, пока он наблюдает за мной.

— Ты стираешь границы.

Он не понимает, но как ему понять?

— Это плохо?

— Да. Это не то, чего хочу я.

Рори целует меня в губы, и я приоткрываю их для него. Мое тело слегка расслабляется, и одной из его рук Рори опускается вниз, чтобы обхватить меня, прежде чем проводит большим пальцем по моему клитору.

— Я хочу, чтобы ты кончила на мой член, — говорит он. — И тогда ты сможешь получить то, что захочешь.

Я киваю, и Рори скользит внутри меня. Мы оба неподвижны, и я довольна, что мне не больно, но я слишком напряжена, и Рори это видит.

— Скарлетт? — шепчет он, покусывая мое ухо.

— Да?

— Ты не будешь использовать меня, чтобы наказать себя, — говорит он. — Какая бы безумная идея ни пришла тебе в голову, отпусти ее сейчас. Расслабься. У тебя есть власть сказать мне остановиться, когда захочешь, милая. И я так и сделаю. Но доверься мне хоть немного, можешь?

Я наклоняюсь к Рори и прислоняюсь к его груди. Где его кожа теплая, и он пахнет солью, цитрусовыми и океанским бризом. На его бицепсе все еще есть шрам в том месте, куда я ударила его ножом, и я оставила на Рори свой след, и мне это нравится.

Я прикасаюсь пальцами к Рори, и он тоже прикасается ко мне.

Сейчас он играет со мной. Двигая пальцами по мне и шепча мне на ухо. Рори говорит

мне, что я самая красивая женщина, настоящее исчадие ада, которое он когда-либо видел. Ему нравятся мои сиськи и моя задница, и что эта киска теперь принадлежит ему.

Линия поднимается все выше и выше. Я на пике американских горок. И я вот-вот упаду.

Освобождение приходит насильно.

Я кончаю на член Рори, как он и хотел, и сжимаю его внутри себя, и он стонет с каждым сокращением. Мое тело падает вперед, и его огромные размеры поглощают меня целиком, когда Рори обнимает меня.

— Теперь я хочу, чтобы ты трахнула меня, — говорит он.

На этот раз Рори откидывается на спинку стула и шире раздвигает ноги.

— Мяч на твоей стороне. Я бы ничего так не желал, как смотреть, как ты скачешь на моем члене, как ты хотела.

Я хватаю его за плечи и использую их как рычаг давления, делая в точности то, что он сказал.

Я скачу на нем верхом.

Сначала медленно. Выходит неуклюже.

Я хорошо разбираюсь в соблазнении. Это искусство, которое я довела до совершенства. Но в этот раз это мне в новинку. Ведь я всегда была той, кого трахали, по крайней мере, те несколько раз, когда это случалось.

Теперь я трахаю его.

И это приятно. Чем сильнее я насаживаюсь на него, тем больше он стонет, и тем лучше мне.

В зеркале на другом конце комнаты могу видеть наше отражение. Мое маленькое тело насажено на его массивный торс, который не вмещается в кресло. Рори широко расставил ноги, а руками удерживает меня на месте за пятки.

Он тоже наблюдает за нами в отражении. И его глаза устремлены на меня. Есть только я.

Рори тянет меня за волосы и заставляет выгнуть спину, чтобы он снова смог попробовать мои соски на вкус.

В какой-то момент одной из рук Рори снова перемещается между моими бедрами. И я снова кончаю. Происходит это не менее жестко, и Рори, черт возьми, не может этого вынести.

Он хватается за бедра и останавливает, удерживая на месте, пока толкается снизу вверх так глубоко, как только может. Его голова откидывается назад, губы приоткрываются, и он изливается в меня с глубоким стоном.

Его тепло разливается внутри меня. Наполняет меня.

И мне это нравится. Мне нравится представлять, как это тепло уничтожает все плохое в моем прошлом. Уничтожая любого другого, кто был внутри меня таким образом.

Ни один из нас не двигается, даже когда его член смягчается внутри меня.

Рори снова целует меня, а затем, в конце концов, несет на кровать. Я слишком устала, чтобы бороться с этим, но потом он обнимает меня.

— Что это ты делаешь?

— Обнимашки, — шепчет он мне в спину.

— Но... это же...

На этот раз мое красноречие меня подвело.

Я чувствую улыбку Рори на своей коже.

— Привыкай к этому, милая, — говорит он. — Со мной ты станешь намного более странной.

Рори

Утром Скарлетт пытается улизнуть от меня, поэтому я хватаю ее за запястье и дергаю обратно в кровать, прижав ее к себе.

— Уггг, — простонала она. — Отстань от меня. Хватит с меня этой ерунды с обнимашками.

Я целую ее горло, и Скарлетт прижимается ко мне.

— Как ты предпочитаешь яйца?

Она замолкает на мгновение, а потом интересуется:

— Что это еще за вопрос?

— Похоже на тот, который ты спрашиваешь у женщины на следующее утро. До того, как ты снова на нее набросишься.

— Боже, какой ты заботливый, — размышляет она. — Спрашиваешь, в каком виде я предпочитаю яйца, пока ты все еще покрыт кровью Итана.

Ее слова провоцируют меня, и именно на это Скарлетт и нацелилась, потому что она напугана и хочет убежать от меня и от того, что она сейчас чувствует.

— Это не шутка про кровь, Скарлетт, — говорю я ей. — И мы еще вернемся к обсуждению этого вопроса.

— Здесь нечего обсуждать, — возражает она.

Я делаю глубокий вдох. А потом еще один.

— Я без проблем найду для тебя нужного парня. Все, что тебе нужно было сделать, это попросить. Но всему свое время и место. И это было не оно.

— Ничего страшного, — огрызнулась она. — В новостях сказали, что это было неудачное ограбление.

Телефон Скарлетт лежит на тумбочке, и она, должно быть, достала его в какой-то момент в течение ночи. Мысль о том, что она проснулась посреди ночи, а потом вернулась ко мне, когда у нее был выбор уйти... это заставляет меня что-то почувствовать.

Я прижимаю Скарлетт к своей груди и провожу губами по мягкой коже ее шеи. Вдыхаю угасающий аромат ее духов со слабым шлейфом своего аромата в том месте, где я отметил ее. Мне это тоже нравится.

— В новостях говорили, что это было неудачное ограбление, потому что нам повезло. Мы так не поступаем, Скарлетт. Ты чуть не поимела нас обоих прошлой ночью.

— Ну тогда можешь просто отвалить.

Она снова пытается отстраниться.

— Если ты так чертовски обеспокоен перспективой огрести проблем.

Я прижимаю Скарлетт к кровати и наваливаюсь на нее всем весом, заставляя смотреть на меня.

Она снова делает то же самое. Дышит быстро. Ее пальцы впиваются в мои бицепсы, а глаза при этом закрываются.

— Скарлетт.

Она не отвечает.

— Это же я, куколка. Со мной тебе нечего бояться.

— Отстань от меня.

Ее голос мягкий, как у ребенка, и сломленный, как никогда прежде из того, что я слышал от нее раньше. А я — придурок высшего порядка. Я сажусь и тяну Скарлетт за собой.

Я даю ей достаточно пространства, чтобы она могла дышать, но не настолько, чтобы позволить ей снова броситься на меня.

Через несколько мгновений все становится таким, как будто ничего и не было.

— Ты либо со мной, либо против меня, — говорит она. — Это единственно верный путь.

— Я всегда на твоей стороне, милая, — заверяю я ее. — Но мне нужно понять, что здесь происходит.

Скарлетт смотрит на меня, и видно, что она держится из последних сил. Что бы ни происходило, это медленно разрушает то небольшое здравомыслие, которое у нее осталось. Внутри нее столько ярости. Так много боли. И я хочу избавить ее от страданий, только она не позволяет мне этого сделать.

— Тебе кто-то угрожает? Этот урод угрожал тебе?

— Они все представляют угрозу, — говорит Скарлетта. — Они все должны сдохнуть. Потому что либо они, либо я. А я никогда не должна быть той, кто сдохнет.

Я пытаюсь понять смысл загадок. В обрывках информации, которые Скарлетт мне сообщает, но это нелегко.

— Они, — повторяю я. — Значит, есть еще.

— У меня есть список, — отвечает она.

И почему это меня не удивляет?

В комнате воцаряется тишина, и я не имею ни малейшего представления о том, как ей

помочь. В голове Скарлетт эта история уже написана. В ее взгляде зарождается ураган, и он направляется прямо на того, кто ее поимел.

Я могу предложить ей только одно. То, что поможет ей не разрушить себя в процессе.

— Позволь мне помочь тебе.

Скарлетт смотрит на меня, и ее лицо снова ничего не выражает. Снова пустое. И мы снова возвращаемся в квадрат.

— Кто сказал, что мне нужна помощь? — спрашивает она. — Ты можешь быть в самом верху моего списка, насколько ты знаешь.

— Позволь мне перефразировать, — говорю я ей. — Я собираюсь помочь тебе. И ты примешь это без лишних «но» и стонов.

Она открывает рот, и я закрываю его ладонью.

— Я не закончил. — Скарлетт смотрит на меня, и я продолжаю. — У меня есть условие, при котором ты примешь мою помощь.

Ее глаза прожигают меня насквозь, вероятно, Скарлетт мысленно убивает меня десятком разных способов, но молчание в ее случае — золото, хотя это и вынужденное молчание.

— Ты скажешь мне свое настоящее имя.

Скарлетт убирает мои пальцы со своего рта один за другим, и что-то внутри нее переключилось. Переключатель. Ее взгляд — это взгляд хищницы, когда она наклоняется вперед, охотясь на меня через кровать.

И я должен признаться, что меня немного пугает, когда Скарлетт тянется вниз и сжимает мой член через материал трусов. Я понятия не имею, собирается ли она оторвать его или ублажить меня. Со Скарлетт можно ожидать и того и другого в равной степени.

Пальцами Скарлетт обхватывает твердую плоть, на ее дьявольских губах играет кривоватая улыбка, когда она чувствует, как мое тело отвечает ей.

— Все женщины, которые хотят тебя... они дают тебе обещания, что будут лучшими в твоей жизни?

Я тянусь к руке Скарлетт, чтобы отдернуть ее, убежденный, что она собирается в любую секунду наброситься на меня. Но Скарлетт отпихивает мою руку и садится на меня.

— Кто-нибудь из них был лучше меня?

Она целует меня в Скарлетт ней нет трусиков, и она трется о мой член.

Она впивается пальцами в мои плечи и смотрит на меня.

— Я задала тебе вопрос.

— Честно, куколка, — признаюсь я. — Я никогда никого не хотел так сильно, как тебя. Ты разнесла мой гребаный мир.

Скарлетт снова улыбается, и это пугает меня.

Гребаный Сатана у меня на коленях, выглядящий сексуальнее, чем когда-либо должен выглядеть любой падший ангел.

— Давай сделаем это еще раз, — говорит она. — Просто на случай, если ты попытаешься уйти и забудешь о своем обещании.

— Не забуду, — заверяю я ее, даже когда стаскиваю с нее лифчик и зарываюсь лицом в грудь.

У Скарлетт идеальные, мягкие и податливые груди, и я мог бы провести здесь всю свою жизнь, дремать, трахаться и пировать ее безбожной плотью.

Мы оба в полном дерьме, и я все еще в крови Итана. Но ей похуй. На самом деле, я

думаю, что во второй раз Скарлетт нравится еще больше, когда она целует мою грудь и слизывает немного крови с моего соска.

Господи, блядь.

Это было бы хуево, если бы не было так сексуально.

Мой маленький садист.

Скарлетт пытается сразу перейти к делу, намереваясь засунуть мой член внутрь себя и скакать на мне так, будто у нее на это всего восемь секунд.

Но я не собираюсь позволять ей контролировать все во второй раз, и Скарлетт должна это знать. Первый раз был из вежливости к ней. Взаимное доверие и уважение. Но в этот раз я главный, и она, блядь, должна это знать.

Я переворачиваю Скарлетт на спину и смотрю, как подпрыгивают ее груди, когда я перемещаю ее по кровати. Скарлетт вскрикивает и сопротивляется, пока я не притягиваю ее кisku к своему лицу.

— Господи Иисусе, — кричит она.

— Рори, вообще-то, — улыбаюсь ей. — Но и так сойдет.

— Без понятия, что ты себе возомнил, что делаешь...

Слова Скарлетт резко обрываются, когда я начинаю пожирать ее, как будто Скарлетт моя последняя трапеза в жизни. Пальцами она путается в моих волосах, словно хочет оттащить меня, но вместо этого притягивает меня ближе, оседлав мое лицо, потому что не может удержаться.

Мне нравится видеть ее такой. Спина прогнулась, губы приоткрыты, голова откинута назад. Ее идеальные сиськи выставлены напоказ, круглые и набухшие соски, и я хочу, чтобы и они тоже оказались у меня во рту. Я хочу ее всю. Каждый оргазм, каждую психопатическую мысль. Ее гнев, ее остроумие, ее потерю самоконтроля на моем лице.

Я хочу быть единственным, кто когда-либо видел Скарлетт такой.

Я собираюсь сделать с ней все.

Все грязные, мерзкие, сексуально неудержимые и развратные вещи, которые только могут прийти мне в голову.

Отныне эти моменты принадлежат мне, и я говорю ей об этом.

— Трахни меня, — кричит она, заводясь сильнее. — Мне это не нравится.

— Тебе, блядь, нравится.

Скарлетт откидывает голову назад и без усталости кончает, просто чтобы доказать, как ей это чертовски не нравится. Моя маленькая лгунья. Я пробую ее на вкус, пока она не умоляет меня остановиться, пыхтя и задыхаясь.

Когда я пытаюсь подавить ее, надеясь, что она слишком издергана, чтобы спорить со мной, она отталкивает меня назад.

Возвращая себе контроль.

— Моя очередь, — говорит она. — Надеюсь, я не кусаюсь.

А потом Скарлетт ныряет лицом в мой пах. И, черт возьми, ее рот — это рай. Я передумал насчет ее сисек. Я хочу жить здесь.

Она пихает меня на кровать, чтобы обеспечить себе лучший доступ к моему члену, и, видимо, к яйцам тоже.

Скарлетт трогает их рукой. И лижет и их теперь. И господи, блядь, блядь, блядь, дерьмо, мать твою.

Я хочу спросить Скарлетт, первый ли это ее минет. В основном потому, что я хочу

услышать от нее утвердительный ответ.

— Вообще-то да, — говорит она мне, и я думаю, что действительно произнес это вслух. — А теперь скажи мне, что у меня это хорошо получается.

— Ты лучшая, детка.

Я отрываю спину от кровати, мои руки в ее волосах, и Скарлетт покачивается на мне, и я не знаю, ложь ли это, но мне все равно. Скарлетт обхватывает меня губами, они созданы для того, чтобы сосать мой член.

Вытащите мое тело в поле и пристрелите, потому что мне конец.

Она то твердая, то мягкая, и как только я думаю, что знаю, что получу, она тут же меняет правила.

Это так чертовски приятно, что я не хочу, чтобы Скарлетт останавливалась.

Но я как ребенок, у которого слишком много игрушек, и я разрываюсь. Я хочу кончить в нее снова. Я хочу снова трахать ее мокрую киску. Я хочу кончить на ее сиськи, на ее задницу, в ее горло и в ее рот. В машине, в самолете, в поезде, блядь. Я хочу трахать ее весь день, каждый день, и, блядь... вот оно.

Я взрываюсь внутри ее рта.

Она глотает все, и все еще облизывает мой член, а я падаю обратно на кровать и закрываю лицо рукой.

— Господи Иисусе.

— Скарлетт, вообще-то, — передразнивает она меня.

Мне приходится оттащить Скарлетт от моего члена, потому что она все еще продолжает делать это, и ей это нравится так же, как и мне. Но мне нужна передышка, и нам нужно поговорить.

Она ложится рядом со мной, мы оба молчим, и я думаю о том, что хочу сделать с ней сегодня. Скарлетт, очевидно, думает, как все испортить.

— Итак, мы теперь квиты, так?

— Что?

Я отдергиваю руку от лица и смотрю на нее.

— Я сделала так, чтобы тебе было хорошо. Так что мы квиты.

— Неужели ты никогда не отдыхаешь? — спрашиваю я ее.

Скарлетт смотрит на меня и прикрывает свои сиськи, и это все неправильно.

— Не люблю никому быть ничем должной.

— Ради всего святого, — рычу я себе под нос. — Не могла бы ты обойтись без этого дерьма? Всего пять минут, Скарлетт. Это не было чертовой «синицей в руке».

— Ты прав. — Она встает и начинает собирать свою одежду. — Это был пустяк. — Она смотрит мне в глаза, подначивая меня. — Даже меньше, чем ничего, — уточняет она. — Потому что я должна была позаботиться о том, чтобы это превратилось в нечто для нас. А как ты уже знаешь, у меня просто есть такая штука, когда... ну, мне действительно наплевать. На всех.

— Вот так ты вознамерилась играть? — спрашиваю я.

Я устал от этой игры, и когда Скарлетт вытворяет такое дерьмо, трудно не быть таким. Она всегда отталкивает меня. Всегда пытается ранить меня и заставить меня истекать кровью. Она так быстро достает свое оружие, и самое опасное — это ее язык.

Но стоит мне взглянуть на нее, и я понимаю, что всегда буду играть с ней в эту игру.

Потому что мне не все равно.

А Скарлетт нужно, чтобы кто-то позаботился о ней. Хотя бы раз в жизни.

Скарлетт

Наденьте свои боксерские перчатки, любители спорта. Похоже, есть еще один претендент.

Конор подбрасывает меня домой по настоянию Рори.

Он тихий и задумчивый, что мне крайне импонирует. Не знаю, что я такого сделала, чтобы оскорбить его деликатные чувства, но мне на самом деле похуй.

Когда он подъезжает к моему многоквартирному дому, я бросаюсь напрямик к нему, потому что меня нужно было только подвезти, а не выразить свое чертово отношение. Но Конор поднимается за мной по лестнице — без приглашения — и я уже раздражена, и какого черта он все еще здесь?

— Мне не нужен конвой, — говорю я ему.

— Святоша не хочет, чтобы ты входила в квартиру одна, — говорит он. — У меня есть приказ, и я собираюсь его выполнить, нравится тебе это или нет.

То, как он говорит, что у него есть приказ, звучит так, будто Конор собирается вторгнуться на Ближний Восток. И я хочу сказать ему, что если он хочет завербоваться, то ему достаточно просто сказать об этом. Но один взгляд на него, и я понимаю, что Конор не сдюжит мой напор.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю я. — Защищать меня от большого плохого серого волка?

— А ты и правда сука, — бормочет он.

Слова — это просто слова, палки и камни и все такое, но меня беспокоит, что он так думает, потому что я сука, но ему не следует напоминать мне об этом.

— Не веди себя так, будто ты меня знаешь.

Я отпираю дверь, и он врывается внутрь раньше меня, выполняя свои обязанности, как

хороший солдат. Конор проверяет ее на наличие монстров и убийц, совершенно не обращая внимания на то, что худший симбиоз и тех, и других уже стоит прямо перед ним.

— Удовлетворен? — спрашиваю я.

Он останавливается у кухонной стойки и смотрит на меня.

— Мне было жаль тебя, — говорит он. — Ну, знаешь, вся эта история с мясником? Ты этого не заслужила. Никто этого не заслуживает, Скарлетт.

Шрамы на моей груди горят так, как они всегда горят, когда кто-то вспоминает об этом. Я хочу, чтобы он умолк, и говорю об этом.

Но Конор все равно продолжает.

— Понимаю, что у тебя в голове полный пиздец. Но у нас у всех были дерьмовые времена, ясно? Даже у Рори. Это не дает тебе права вымещать свою ненависть на всех остальных.

— Хватит болтать, — говорю я ему снова. — И убирайся на хрен из моей квартиры.

— Он заботится о тебе, — говорит Конор. — И еще я знаю, что ты над ним стебешься. Я вижу это в твоих глазах. Мы все видим. Он заслуживает этого не больше, чем ты заслуживаешь того, что с тобой случилось.

Конор продолжает говорить о мяснике, он ведет себя как мудака, и теперь это все, что я могу видеть. Все, что я могу чувствовать. Его тело на мне. Внутри меня. Его колкие слова и лезвие его ножа, режущее мою кожу.

Конор смеется. Или это только в моей голове?

Нет, это смеется мясник. А потом все умножается. Александр и его друзья. Они тоже смеются. Пять пар рук удерживают меня. Душат меня. Его смех начинает множиться, и я кричу, чтобы он прекратился. Но это пять пар рук, голосов, лиц и...

Слова Конора.

— Тебе нужно поговорить об этом с кем-нибудь. Если ты будешь держать это в себе, это будет продолжать отравлять тебя. Изматывает тебя. Я знаю, ты думаешь, что я глупец. Но я знаю лучше, чем кто-либо другой.

— Хватит болтать, — говорю я, и это уже третий раз, и большинству везет, если они доживают до этого предупреждения.

Но Конор не прислушивается к моим словам. Он не понимает, что он сейчас делает. Это поднимается внутри меня, как вулкан.

— Разве ты не хочешь, чтобы тебе стало лучше? — интересуется он.

А я не хочу выздоравливать, я хочу убить его на хрен.

Я тянусь к ножу на бедре, но его там нет. Потому что Рори забрал его у меня прошлой ночью. Он забрал мою силу. Так делает каждый из них.

Я все равно бросаюсь на Конора, готовая наброситься на него с голыми руками.

Он держит меня в удушающем захвате, которого я не ожидала.

— Мак научила меня, — говорит он.

— Отпусти меня! — кричу я.

Мой голос с надрывом, дыхание сбилось, и когда он слышит это, он, черт возьми, слушается на этот раз. И теперь он смотрит на меня. Осуждает меня. И даже хуже. Жалеет меня.

— Тебе нужно уйти.

— Хорошо.

Конор поднимает руки знак капитуляции, демонстрируя что ему жаль, и он не знал.

— Я уйду, — говорит он. Но не уходит. — Есть только одна вещь, которую я должен сказать сначала.

Я не подначиваю его, но я недооценила Конора. Он молод, и он не так крут, как другие парни, но он упрям.

— Рори спас меня, — говорит он мне. — Я обязан ему всем. Я был очень похож на тебя, когда он встретил меня, и у меня ничего не было. Но теперь у меня есть все. Благодаря ему. Так что считаю нужным предупредить тебя, Скарлетт. Если ты причинишь ему боль... Я вырву твое холодное, черное сердце своими собственными руками.

Ах, вот оно что.

У него действительно есть хребет. И теперь я его уважаю. Кто бы мог подумать?

— Звучит справедливо, — соглашаюсь я.

И я серьезно.

Потому что я думаю, что к тому времени, когда я закончу с Рори, во мне не останется ничего хорошего, что можно было бы спасти.

Скарлетт

Если выпить слишком много из пузырька с надписью «Яд», то почти наверняка, рано или поздно, почувствуешь недомогание.

Льюис Кэрролл

Галочка.

Палочка.

Дни Александра сочтены.

До новой встречи остались считанные дни.

У этого придурка-агента, наверное, будильник на телефоне установлен на час темноты.

Напоминание:

Разрушить жизнь Тенли. Снова.

Прошло четыре дня, и только один из них мертв, потому что я была слишком поглощена общением с Рори, а не тем, что нужно было сделать.

На меня не похоже быть такой рассеянной.

Возможно, это было слишком амбициозно с моей стороны.

Или, возможно, дело в чем-то другом.

Рядом со мной бутылка «Джека»^[7] и настойчивая мысль, что во всем виноват Рори. Я была так опьянена идеей, что он убил Итана, что была слепа к этому.

Я должна была убить Итана.

Я не только не убила Итана, но и побежала прямо в объятия Рори и упала в его постель, как какая-то благодарная дурочка.

Кто так поступает? Я имею в виду, действительно... кто, блядь, так поступает?

Эта граница внутри меня сходит с ума, я пьяна и больше не могу отличить левое от правого.

Моя гостиная превратилась в свалку бумаг и новостных статей. Все идет не по плану, и, как оказалось, трудно вести войну, когда твоя армия теперь состоит только из одного человека.

Плана «Б» не было.

Плана «Б» не существует.

Но исключения делаются не просто так. Я скорее проползу через ложе из битого стекла, чем признаюсь Рори, что мне нужна его помощь.

Он не хочет мне помогать. Он хочет спасти меня.

А я не могу сомневаться в себе.

Они обидели меня.

Если я не исправлюсь, то к концу недели мое тело будет лежать в мусорном контейнере. Таковы факты.

Я могу быть кошкой или мышкой.

А я гребаный кот.

Я говорю об этом бутылке виски, и клянусь, маленький джентльмен закатывает глаза.

— Три дня, Джеки, — говорю я. — Не недооценивай меня. За три дня многое может произойти.

Но Джеки направляется к двери, и даже он не хочет быть в моей армии.

Поэтому я звоню единственному человеку, который захочет.

Если бы я могла доверять кому-то, Мак была бы в начале списка.

Она была еще ребенком, когда я спасла ее задницу на улице. Я сказала ей, что это было один раз. Она не послушала. Она и ее подруга Талия ходили за мной по пятам, как бродячие собачки, и просились в мою стаю. Я сказала им, что никакой стаи нет, потому что я волк-одиночка. Мак сказала, что тогда нам стоит быть одинокими волками вместе, а я же ответила ей, что это просто другой способ создать стаю. Она настаивала, что это не так, и, в конце концов, я устала, а Мак организовала эту чертову стаю, и вот что происходит, когда ты помогаешь людям.

Мак — упрямая. Она делает все, что хочет. И я думаю, она считает, что обязана мне.

Она говорит, что мы друзья, что бы это ни значило.

Поэтому я знаю, что теперь могу рассчитывать на помощь подруги.

Когда она отвечает, я говорю ей громко и четко.

— Мне нужен частный детектив.

— Хорошо, — говорит она.

— Это должно остаться строго между нами, — добавляю я.

— Хорошо.

И все.

Наверное, иметь друзей не так уж плохо. Мак уважает мой уровень нетерпения. Она не пристаёт с ненужными вопросами, потому что знает, что я раздражительная и необщительная. Она не просит меня измениться, не говорит о моих чувствах и не поет Кумбайю[8]. И именно такой человек мне нужен в моем углу.

Но это также сопряжено с неловкими разговорами, потому что я не думаю, что она знает, что мне ответить.

А поскольку я общаюсь с людьми только по крайней необходимости, я тоже не знаю, что ей сказать.

— Все в порядке? — спрашивает она.

— Отлично.

— Круто, — отвечает она.

На минуту в трубке повисает тишина, а потом она говорит:

— Значит, Рори, да?

— Неужели все разучились нынче держать язык за зубами?

— У Кроу только и разговоров, что бо этом, — смеется Мак. — Думает, что ты придумала какой-то коварный план, чтобы поиздеваться над Рори просто так.

— Ха.

— Я постаралась убедить его, что ты этого не сделаешь, — говорит Мак, и ее смех сходит на нет, а на смену приходит деловой тон.

Я ей нравлюсь, но эти сумасшедшие мафиози теперь ее семья. И у нее нет проблем с тем, чтобы дать мне или кому-то еще это понять.

— Рори все равно весь день был зол, как черт, — продолжает Мак. — Так что я решила, что все закончилось, даже не начавшись.

— Там нечему было заканчиваться, — говорю я ей.

— Точно, — говорит она. — То же самое я сказала Лаку. Именно так.

Снова тишина.

Ребенок Мак издает странные звуки на заднем плане, и это все еще пугает меня. Я никогда не представляла ее в роли матери. Но, думаю, она хорошо справляется с этой ролью.

— Тебе нужно зайти и навестить Киву, — говорит она. — Позволить мне сфотографировать вас двоих. Обещаю, она не укусит.

— Я как-нибудь найду, — вру я.

Дети меня пугают.

Такие люди, как Мак... они могут приспособиться. Но я — ни за что. У меня нет ни малейшего понятия. Я имею в виду, ты держишь их на руках, а они плачут. Ты кормишь их, а они плачут. Ты меняешь им подгузник, а они плачут.

Единственное, что мне нравится видеть, как плачет взрослый мужчина после того, как я поставила его на колени.

— Ты собираешься на бои сегодня вечером? — спрашивает Мак.

— Думала, что Кроу запретил тебе ходить на них.

— Да, точно, — хмыкает она. — Я быстро поставила крест на этой ерунде. Кроме того, Жнец и Святоша сегодня дерутся. Я должна быть там, чтобы поддержать своих парней. Поболеть за них со стороны.

— Не знала, что Рори дерется, — говорю я. Язык мой враг.

— О да, — зевает Мак через динамик. — Мик повредил плечо, поэтому Рори занял его место. Наверное, я не подумала об этом. Наверное, тебе лучше не приходить.

— Что это значит?

— Ну, знаешь... — Мак говорит небрежно. — Сомневаюсь, что ты хочешь увидеть его с другой девушкой в конце ночи. Даже если ты скажешь, что между вами ничего не было. Я просто говорю, что если бы это была я...

Я знаю Мак, и я знаю, когда она приманивает меня. Моя голова, может быть, и понимает ее, но мой рот — нет.

— Какая еще другая девушка? — частю я.

— Знаешь, у парней есть такая традиция, когда они позволяют нескольким девушкам из толпы подняться, чтобы позаботиться о своем парне после. Это типа бразильская фишка.

— О.

Ударяю пальцами по столу и смотрю вниз на кипу бумаг, в которых мне нужно разобраться.

— Ну, для меня это не имеет значения. Как я и сказала.

— Верно, — соглашается Мак. — Как ты и сказала.

— Мне нужно идти, — говорю я ей. — У меня есть дела.

— Кей.

В ее голосе звучит улыбка, и это меня раздражает.

— Пришлю тебе номер телефона частного сыщика, когда мы повесим трубку.

— Спасибо, — бормочу я.

— Если ты придешь, я буду слева в дальнем углу.

— Я не приду.

— Тогда ладно, — щебечет Мак. — Увидимся.

Скарлетт

Она была прекрасна... больше того, она была безжалостна.

Ф. Скотт Фицджеральд

С кем Рори проводит или не проводит свое время, меня не касается.

Я здесь только как зритель, как и все остальные.

Чтобы посмотреть, как он дерется, протрезветь и на минуту выбросить все мысли из головы и вернуться к работе.

Вот и все.

Я протискиваюсь сквозь толпу и стараюсь избегать Мак. Я надела шляпу, что смотрится чертовски нелепо.

Музыка громкая, толпа тоже, и тут диктор начинает представление.

Первый парень — русский, как и трек, под который он выходит, что достаточно патриотично. Присутствующим озвучивают печальную статистику этого парня, услышав которую все драматично охают и ахают. Парень рядом со мной говорит своему приятелю, что этот парень — чертова легенда. Согласно его словам.

Я не парюсь.

Рори может справиться со своим дерьмом.

Затем представляют уже его оппонента — Святошу — и он входит под трек Remember the Name группы Fort Minor. Он входит так же, как и всегда. Он не позирует, и я рада, потому что ему это не нужно, ведь он тоже чертова легенда. И мне неприятно, что я вижу это сейчас, но я вижу.

Я в моменте.

Я возбуждена, как и другие дураки рядом со мной, кровью, потом и видом хищника Рори. Он горяч, строен и собирается выбить все дерьмо из этого ублюдка, а я буду

наблюдать.

Я подталкиваю локтем девушку рядом со мной.

— Он мой, — говорю я ей, и ложь еще никогда не была такой сладкой на вкус.

Она скептически кивает мне, а затем пожимает плечами.

— Рада за тебя, милая.

Начинается бой.

Он громкий, но оно того стоит, решаю я.

Ты никогда по-настоящему не узнаешь человека, пока не увидишь его в своей стихии.

Это стихия Рори.

Его тело создано для борьбы.

Он там как гладиатор. Весь потный, примитивный и хищный. У него хорошие инстинкты, и он быстр. Я смотрела бои Мак, и хотя я не знаю всех тонкостей, я наблюдательна.

Он ранит противника сильным ударом в первые две минуты, а потом играет с ним. И, возможно, мы действительно не такие уж разные.

Когда все заканчивается, и Рори выходит победителем, я наполовину ожидаю, что он утащит пару девственниц в свою пещеру на ночь.

Но он этого не делает.

Как и сказала Мак, его друзья делают это за него. Я наблюдаю за ними — чисто из любопытства — чтобы увидеть, кто сегодня утешит Рори.

Она блондинка... серьезно, что за блондинки... и в ней нет ни одной примечательной вещи, на которую я могла бы обратить внимание.

Обручи в ушах такие большие, что она улетит, если их подхватит ветер.

А джинсовая мини-юбка? Это что, восьмидесятые?

Я преследую девушку по коридору, а Конор слишком занят флиртом с другой блондинкой, чтобы заметить это.

Когда она потянулась к ручке двери в комнату Рори, я стукнула ее по плечу.

— Что?

Она щелкает жвачкой и оборачивается.

— Погуляй, подружка, — говорю я ей.

Она ухмыляется и скрещивает руки. Мы что все еще в средней школе, а эта девчонка кривит губы от отвращения, как будто это у меня нет вкуса.

— Пошла ты на хрен. — Она снова щелкает жвачкой. — Малышка.

Вздых.

Они все так чертовски усложняют. Люди должны знать, когда видят, что я иду, что им стоит убраться с моего пути.

Я хватаю девушку за воротник и прижимаю к стене.

— Убери от меня свои руки, — говорит она.

Я уже готова позволить девушке убежать, пока она снова не открывает свои розовые губы.

— Они послали меня сюда. Я должна была позаботиться о нем.

Она хочет безумия, и она его получит.

— Ты не справилась бы с ним. Он любит грубость.

— Думаю, я прекрасно справилась с ним, когда была здесь в прошлый раз.

— О, мне жаль, — говорю я ласково. — Я сказала «он»? Я имела в виду себя. Ты не

справились со мной, милая.

Я вытаскиваю нож из ножен и прижимаю плоский край к ее горлу.

И наконец-то... наконец-то... у девушки появляется в глазах проблеск понимания.

— Ладно, ладно... Господи, ты чертовая психичка. Отпусти меня. Можешь забрать его себе.

Я отпускаю ее, и девушка отходит от меня, следя за мной через плечо, пока ретируется. Преследовать ее неинтересно, но мне все равно нужно что-то сказать.

Ей и всем остальным женщинам, которые думают, что получают кусочек Рори.

Он — моя игрушка, а я не имею привычки делиться.

— Еще раз подойдешь к нему, и я вырежу твое сердце.

Она смотрит на меня безумными глазами и чуть не спотыкается о собственные каблуки. Но теперь она ушла, и я счастлива.

Чертовы дилетантки.

Рори сидит в кресле, накинув полотенце на голову, наклонившись вперед и положив локти на бедра.

Если бы в моем теле была хоть одна поэтическая жилка, я могла бы сказать, что это его лучший образ.

Но я не склонна поэтизировать, и мне все равно, а вот моя потребность в нем первична.

Я двигаюсь позади Рори, а он неподвижен и тих, он знает, что здесь кто-то есть, но не спрашивает кто. Мышцы его спины и плеч расслабляются под моими пальцами. Он потный, твердый и весь как настоящий самец.

По правде говоря, Рори не вызывает у меня отвращения.

Ни капельки.

Я наклоняюсь, чтобы прошептать ему на ухо.

— Что я могу сделать для вас, мистер Святоша?

— Для начала вы можете обойтись без игр, Скарлетт.

— Как ты узнал, что это я? — надулась я.

— Для начала, эта дверь не звуконепроницаема.

По моим щекам разливается жар, а пальцами впиваюсь в спину Рори. Он не должен был ничего из этого слышать.

— А что еще? — спрашиваю я.

— Ты единственная женщина в мире, которая так пахнет.

Это не похоже на комплимент, и голос у Рори странный.

Рори пытается выбить меня из колеи, чтобы я позволила себя трахнуть.

Мои пальцы тянутся к его талии и спускаются к шортам. Но Рори хватает мое запястье и отдергивает его.

— Я больше не знаю, хочу ли я этого, — говорит он.

И это не та игра, в которую я хотела бы играть. Мой голос становится пустым, когда я пытаюсь шутить с ним.

— Уже списываешь меня со счетов? Думала, ты хотя бы доиграешь до последнего раунда.

— Для меня это не игра, Скарлетт, — говорит он. — Но для тебя игра. И дело в том что...

Рори делает паузу на мгновение, и сгорбливается, когда отводит полотенце от лица, позволяя мне увидеть его.

— Я действительно в состоянии позаботиться о тебе, — говорит он. — И я хочу этого. Но не в том случае, если ты не можешь ответить мне взаимностью.

Я готова солгать ему.

Но когда я открываю рот, слова выходят не так, как обычно.

Что-то дергает меня за эту ниточку внутри меня. Тянет меня прочь от Рори, туда, где я снова могу быть собой. Где ничего не меняется и все остается прежним.

Но я не собираюсь отпускать его, не оставив следов когтей.

Это мое оправдание для того, чтобы забраться к нему на колени и поцеловать его.

Я не приникаю сразу к губам. Я хватаю Рори за лицо и осыпаю его мелкими поцелуями по всей челюсти и горлу, я чувствую вкус его пота своим языком, и он стонет. Когда я прижимаюсь губами к его губам, Рори все еще пытается удержать меня.

Но я нежна с Рори, как ему нравится, а потом становлюсь непреклонной. Его губы открываются для меня, они холодные и никогда не были такими вкусными.

Он сдается, как я и предполагала.

Это победа, и я хочу отпраздновать ее, но сейчас это кажется неправильным. То, как он целует меня и одновременно обижается на меня.

Я в замешательстве. И эта чертова линия ползет вверх и вниз, и везде, где только можно, и мой моральный компас внезапно повернул на север, очевидно.

— Она не имела права называть тебя своим, — говорю я ему, присасываясь к его горлу и дергая его за волосы. — Да кем она себя возомнила?

— Я никогда не трахал ее, — бормочет он, прижимаясь ко мне.

— Да, точно.

— Вот о такой ерунде я и говорю, — простонал он. — Ты мне не доверяешь.

— Кому нужно доверие, когда у нас такая химия? — рассуждаю я. — Я действительно хочу трахнуть тебя. И хочу, чтобы ты меня трахнул. И едва ли половина вещей, которые вылетают из твоего рта, меня раздражают. Это правильно, Рори. Так и есть.

— Ты действительно дьявол, — говорит он.

— Но разве не приятно грешить со мной?

Я забралась рукой в его шортах, и я играю с Рори, и он больше не сопротивляется, потому что знает, что я выиграла. Я всегда побеждаю. И Рори нравится, что моя рука на его члене, что я дrouchу ему под шортами. Он прикрывает глаза от удовольствия, его ресницы подрагивают.

Я контролирую ситуацию, и это приятно.

Но Рори никогда не позволяет мне получить то, чего я хочу.

Он поднимает меня без предупреждения и крутит, прижимая грудью к столу перед нами. Я оказываюсь задницей вверх и лицом вниз, а он задирает мое платье на талию. Рори откидывает мою голову назад, сжимая в кулаке мои волосы, и говорит, чтобы я убрала свои чертовы сиськи.

Я стягиваю верхнюю часть платья, и теперь я действительно в ловушке, но я прекрасно дышу.

Он хватается мои пальцы и засовывает их мне в рот.

— Соси.

Я сосу.

Он тянет их вниз к моим стрингам и отбрасывает их в сторону.

— Поиграй с собой и скажи мне что-нибудь настоящее.

Я играю с собой, потому что Рори велит мне делать это, но это не хорошо и не реально, пока он не заменяет мои пальцы своей рукой.

— Говори, или я уберу руку, — говорит он, когда я снова прижимаюсь к его руке.

Пальцы Рори — волшебные, и он может использовать их для пыток, потому что я не выдерживаю.

— Ты был таким чертовски горячим сегодня вечером, — говорю я. — Ты мне нравишься такой.

— А что еще?

— Нам не обязательно быть на равных. Ты можешь заниматься этим всю ночь, если хочешь.

— Тебя это не устроит, — говорит он.

— Нет, не устроит, — соглашаюсь я.

Рори вознаграждает мое согласие еще большим количеством того, что я по-настоящему желаю. Его ладонь на моих сиськах, он лапает меня, другая между ног. Он кусает мое плечо и трахает меня своими пальцами, и я уже близка к краю, поэтому я даю ему еще пищу для размышлений.

— Обнимать тебя — не самая худшая вещь на свете.

Рори позволяет мне кончить. И это тяжело и грязно, и у меня звенит в ушах, и я хочу, чтобы он был внутри меня. Я говорю ему об этом.

— Почему я должен трахать тебя? — спрашивает он.

— Потому что никто другой никогда не почувствует себя с тобой так хорошо, как я.

Рори хватается за задницу и сжимает. Кусает мою шею. Признает, что я права. И это действительно победа.

Рори захватывает мои бедра и погружается в меня.

— Гребаный сатана.

Он трахает меня с ненавистью и благоговением. В одну минуту он говорит мне, как это приятно, а в другую — что я не заслуживаю этого, что я плохая девочка, что это для него, а не для меня.

Я дуюсь, и Рори делает самое худшее, что он мог со мной сделать.

Он разворачивает меня и поднимает на руки. Обхватывает меня ногами за талию, опускает на свой член и говорит, чтобы я держалась.

Теперь мы на уровне глаз.

И глупо с моей стороны думать, что он не может удерживать меня одной рукой и продолжать трахать, потому что он так и делает, когда я отворачиваю лицо.

Он убирает одну руку с моей задницы и хватается за челюсть.

— Посмотри на меня.

Я смотрю на него. Он заставляет меня продолжать смотреть на него.

— Мы больше не играем по твоим правилам, — говорит он мне.

— Ты думаешь, что будешь командовать мной и указывать, что мне делать?

— Да, — говорит Рори. — Так и есть, блядь.

Я не отвечаю.

Это совсем другое, иметь его внутри себя и наблюдать за его лицом. Я могу слушать его звуки весь день напролет. Как он хрипит и стонет, и говорит мне что-то, пока погружается в меня. Иногда грязно, иногда сладко. Но смотреть — это другое.

Это интимно и грубо.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я кончил в тебя, — говорит он.

И он уже набухает. Спазмирует. Сжимает мою задницу так сильно, что на ней появляются синяки.

— Я хочу, чтобы ты кончил в меня.

Он прижимает мое тело к своему и целует меня. Его член пульсирует во мне, изливаясь в меня, и ему это было нужно.

И мне тоже.

Рори

— Давай сегодня вечером поедem ко мне, — предлагает Скарлетт с пассажирского сиденья моей машины.

Это странная просьба, учитывая, как навязчиво она относится к своему личному пространству. Но на меня навалилась усталость — та, которую я чувствую всякий раз, когда вступаю в противоборство со Скарлетт, — и я не могу не отметить этого.

То место, где она живет — дыра, и чем больше я там бываю, тем больше ненавижу его. Какой-то парень притаился в коридоре, грязный членосос, и рассматривает Скарлетт, когда она проходит мимо, и я говорю ему, чтобы он отвалил.

— Это просто Ронни, — говорит она, махнув рукой. — В каждом доме есть свой урод. Ронни — местный урод.

Ронни — не единственная проблема, которую я здесь вижу. В коридоре пахнет мочой и сигаретным дымом, освещения недостаточно, и если бы Скарлетт убили, я сомневаюсь, что кто-нибудь вообще открыл бы дверь.

— Мне не нравится, что ты живешь здесь, — говорю я ей.

Она не отвечает.

Я хочу собрать ее вещи. Я хочу, чтобы Скарлетт поехала со мной домой и осталась там. А я никогда не хотел этого ни с кем.

Если бы только со Скарлетт все было так просто.

Я никогда не утверждал, что терпение — одна из моих добродетелей, но я думал, что хотя бы немного им обладаю. Эта женщина уже исчерпала его.

Она отпирает все шесть замков на своей двери, а потом смотрит на меня, потому что знает, что мне есть что сказать и по этому поводу.

— Я установила их после случая с мясником, — оправдывается она. — На самом деле они мне не нужны.

— Ага, заливай, — огрызаюсь я.

Она меняет тему.

— Ты был хорош там сегодня.

Она говорит это, пока пересчитывает ручки на плите.

— Ты должен научить меня так драться, — добавляет она.

Это мило, что она так серьезно к этому относится. Как будто это так просто.

Я все равно соглашаюсь, потому что хочу, чтобы она начала относиться к этому серьезно.

— Хорошо, — говорит она. — Хочешь принять душ?

— Да. Ты присоединишься ко мне?

Скарлетт улыбается и кивает, и это слишком приятно. Но я снова плыву по течению... потому что я устал как черт, и все, чего я действительно хочу, это снова зарыться между ее бедер и трахать ее, пока мой член не отвалится.

Ее ванная комната маленькая, но аккуратная, и в ней пахнет духами Скарлетт.

Она раздевается для меня, оказываясь в центре моего внимания, и встает под горячую струю.

Скарлетт знает, что она сексуальная. Но она использует это не для привлечения внимания. Она использует сексуальность как оружие. Скарлетт состоит из изгибов, мягкости и чистого секса. И сейчас, когда она заманивает меня глазами и влажным телом, мне все равно.

Я следую за Скарлетт к своей верной гибели и присоединяюсь к ней в замкнутом пространстве. Я хочу притянуть ее к себе и не трахать, а хочу обнять. Но вместо этого Скарлетт поворачивается в моих руках и тянется к бутылке с мылом. Это дерьмовое мыло с девчачим ароматом, но это не имеет значения, потому что сейчас она намыливает меня.

Ее руки нежно касаются моего тела, натирая меня ленивыми круговыми движениями. Она не торопится, и это больше не похоже на уловку, потому что Скарлетт нравятся ее руки на моем теле так же, как и мне. Я ей нравлюсь. И она говорит мне об этом разными действиями.

Теперь Скарлетт массирует мой член в своей руке. Смотрит на меня сверху. Тушь стекает по ее лицу, а помада размазалась после поцелуя. Она никогда не выглядела такой собственницей, как сейчас.

— Ты знаешь, что я сделаю с тобой, если ты меня наебешь? — спрашивает она. — Ты знаешь, что бывает, когда нарушаешь сделку с дьяволом?

Скарлетт сжимает мой член, и она имеет в виду, что если я трахну кого-нибудь еще.

Я говорю ей, что не буду, и я серьезно.

Слова пустые, и Скарлетт им не верит. Поэтому я целую ее и трахаю, прижимая к стене душа, пока мы не можем двигаться, а вода не становится холодной.

Мы спотыкаемся о ее кровать в беспорядке полотенец и спутанных конечностей, заваливаясь под одеяла в кучу.

В ее комнате тихо и темно. Здание — дыра, но это — убежище. Здесь пахнет Скарлетт, ее одеяла мягкие, ее кожа прижимается к моей, теплой. Наши ноги сплетены вместе, и Скарлетт прижимается лицом к моей груди под одеялом, прижимаясь ко мне и всем телом. Ее руки неловко свисают по бокам, а зубы стиснуты, поэтому я делаю то, что она не может. Я обхватываю ее руку и прижимаю к себе.

Темнота всепроникающая, и я не могу разглядеть ее лица. Но сердце Скарлетт бьется об меня в тревоге. Она первая нарушает тишину.

— Ты любишь сказки на ночь?

Этот вопрос кажется решающим. Как будто то, что я скажу или сделаю в следующее мгновение, определит ход перемирия, которое мы, кажется, объявили. Ее голос слишком мягок, и это не совпадение, что она спрашивает меня под покровом темноты.

— Я живу ради них, — говорю я ей, и это правильный ответ.

— Я знаю одну хорошую, — предлагает она.

Скарлетт сама не своя. Ее голос другой. Нервный. И она теперь теплая, но все еще не отстраняется.

— Весь во внимании, куколка.

Скарлетт наклоняет голову, пробираясь под мой подбородок и держит ее там, ее губы прижимаются к моему горлу, когда она говорит.

— Давным-давно, — говорит она. — Все сказки начинаются именно так, так что смиришься с этим... жила-была девочка по имени Тенли. Весь мир был ее устрицей. Но особенно — Верхний Ист-Сайд Нью-Йорка. В ее королевстве было больше платьев и нарядов, чем большинство девушек могли бы понадеяться иметь. Тенли на самом деле не заботилась об этих вещах, но подыгрывала им ради видимости. Она училась в школе-интернате в Лондоне и изучала разные языки. Лето она проводила в Хэмптоне, а всю зиму путешествовала за границей. Ей были доступны все преимущества, которые только может дать серебряная ложка. Котильоны^[9], тайные общества, святая троица Лиги плюща. Она готовилась к ним всю свою жизнь. Для нее уже все было приготовлено. Правила были написаны, доска разработана. Она двигалась в одном направлении, с положенными остановками и значимыми вехами на пути. — Скарлетт делает паузу, и я сжимаю ее. — Тенли было суждено выйти замуж за принца, — продолжает она. — Он был хорошим принцем. Хороший принц, из уважаемой семьи, со всеми драгоценностями и замками, которые можно было купить за деньги. Поначалу Тенли не очень заботилась о нем, но со временем она стала его уважать. Ей было трудно все время притворяться. Днем она практиковалась и репетировала каждое свое слово, а ночью теряла себя в книгах и мечтах о других мирах. Мир, где она могла быть самой собой, и никому не было бы до этого дела. Мама, конечно, говорила ей, что эти мечты неосуществимы, и она должна считать, что ей повезло, что перед ней такая прекрасная жизнь. Так что Тенли сделала то, что ей сказали. Она влилась в коллектив и выступала. Она двигалась по доске и превзошла все ожидания, возложенные на нее. Но этого было недостаточно. Этого никогда не было достаточно.

Волосы Скарлетт падают на меня, щекоча, но я не двигаюсь. Я даже не дышу, пока она шепчет свои признания в темноте. Единственным способом, на который она способна. Ее голос отдаляется, когда Скарлетт говорит о том, как ее воспитывали, и она слишком увлечена моментом, чтобы понять, что я вообще сейчас здесь.

— Тайные общества не были бы желанными, если бы в них принимали любого старика Джека или Джилл. Ты должен быть особенным. Ты должен заслужить это право. Хотя

некоторые люди — как Тенли — должны вступать в них из-за своей родословной. Она знала, что ее примут, несмотря ни на что, даже если она не понравится девочкам. Даже если они не хотели, чтобы она там была. И они не хотели этого. Поэтому в ночь ее посвящения в «Птицы пера» ее предали. Не только Птицы, но и ее принц. Она была жертвенным агнцем, принесенным на заклание. Ценной игрушкой, которую принц со своими друзьями использовал, чтобы заслужить право быть допущенным в свой орден. И они использовали ее. Безжалостно украв ее добродетель и оставив умирать посреди леса.

— Скарлетт.

Я хочу просить её остановиться. Я услышал достаточно. Но это эгоистичная просьба, и она меня не слышит. Секреты свободно льются с ее губ.

И я знаю, что завтра на моих руках будет еще больше крови.

— Она не могла вынести возвращения туда. Встретиться лицом к лицу с принцем и его друзьями. Поэтому она позволила им всем думать, что она мертва. Она бежала из королевства и никогда не оглядывалась назад. Она была одна, но счастлива.

— А была ли она счастлива? — шепчу я ей на ухо.

— Истории должны заканчиваться счастливым концом, — отвечает Скарлетт.

— Но, возможно, история еще не закончилась.

Она вздыхает.

— Ты прав. История все еще пишется.

— Расскажи мне, что будет дальше. Та часть, где она встречает своего нового короля. Потому что к черту принцев. Тенли нужен король.

Она кивает мне и продолжает.

— Ладно. Итак, она встречает своего короля. Он был хорошим королем. Хорошим королем. Сильным королем. И по пути его следования всякий раз, когда он улыбался девицам, они кидали к его ногам трусики.

Я фыркнул, и она улыбнулась мне в плечо.

— Он был очаровательным, забавным и храбрым, в общем, всем, чем должен быть хороший король.

— Но... — говорю я.

— Но, — отвечает она. — Дело в том, что при всех хороших качествах короля, у принцессы их не было.

— Чушь, — говорю Скарлетт.

После этого она некоторое время молчит, погружившись в размышления. Я не давил на нее, и, в конце концов, она сама пришла в себя.

— Рори, — шепчет Скарлетт, прижимаясь к моей коже.

— Да?

— Я думаю, она могла бы отдать ему свое сердце. Если бы ей еще было что отдать.

— История еще не закончена, — напоминаю я ей.

Скарлетт кивает и позволяет себе расслабиться, вдыхая мое дыхание так же, как я вдыхаю ее.

— Тенли.

Она не отвечает, да я и не жду от нее ответа. Поэтому я просто говорю ей то, что должно быть сказано.

— Они мертвы, милая. Они просто еще не знают об этом.

Скарлетт

Иной, знаете ли, никому не враг, а только самому себе.

Чарльз Диккенс

Я до сих пор очень живо помню дискуссию, которая состоялась у нас на уроке английской литературы в тот роковой день. Мы читали «Гамлета». Темой обсуждения было то, как он пожертвовал своими отношениями с Офелией в пользу погружения в безумие.

Именно с этой мыслью я просыпаюсь. Запутавшись в Рори.

Мне предстоит свой собственный спуск в безумие, и придется идти на жертвы.

Прошло всего два дня.

Два дня, а я еще не рассказала Рори об Александре.

Я ничего не делаю без умысла. Я не была уязвима прошлой ночью. Я была готова пожертвовать собой. Иногда правда — лучшая мотивация, чем уловка.

И я умышленно рассказала Рори эту историю. Он вызвался отомстить за меня, как я и предполагала.

И тут все пошло наперекосяк.

Ловушка была расставлена. Все, что мне нужно было сделать, это рассказать ему об Александре, он же агент Ройс.

Такие девушки, как я, не просят о помощи.

Они подстраивают все так, чтобы кто-то предложил им помощь.

Рори предложил ее, по-своему.

Я знаю, что не могу справиться с Ройсом в одиночку. Он хорошо знает, как я буду действовать, и у меня нет ни единого шанса посадить его на наркотики. О физической схватке не может быть и речи, потому что я не Мак и не могу справиться с ним в одиночку.

К этому добавляется тот факт, что он федеральный агент. А это значит, что он должен

исчезнуть без следа. В буквальном смысле.

Без ДНК. Никакой крови. Никаких хлебных крошек, ведущих ко мне.

У меня нет ресурсов для такого, но у Рори есть.

Все, что мне нужно сделать, это сказать ему.

Но ноющий голос в моей голове не умолкает.

Ройс не просто бывший парень.

Он из ФБР.

ФБР и мафия не совместимы.

Это может означать неприятности для синдиката, и, без сомнения, Лаклэн Кроу не одобрил бы такой риск ради меня.

Рори, вероятно, сделает это, в любом случае.

И я разрываюсь.

В моей голове сейчас воюют два голоса.

«Не тягивай его в это», — говорит первый голос.

В то же время другой говорит мне, что нам наплевать и давай уже сделаем это.

Моральные дилеммы — не моя сильная сторона.

Меня парализует нерешительность, когда рядом со мной просыпается Рори.

Он целует божиху, на которую я смахиваю без макияжа, не моргнув глазом, и это не облегчает ситуацию.

— Спортзал? — спрашивает он.

— О. Точно. Конечно.

Мы снова принимаем душ. Снова вместе.

И все становится слишком комфортным. И я чувствую, что не могу дышать.

С наступлением утра становится только хуже.

Когда мои волосы собраны в прическу, и я накрасилась, Рори подходит ко мне сзади и фотографирует нас с помощью своего телефона.

— Ты только что сделал со мной селфи? — спрашиваю я в ужасе.

— Да, — ухмыляется Рори.

— Привыкай к этому, Сатана. Я хочу много красивых фоточек с тобой на своем телефоне.

Как будто этот комментарий был недостаточно плох, он представляет меня «парням» в спортзале как свою девушку.

— Не хочешь надеть на меня ошейник, пока будешь тренироваться? — спрашиваю я. — Ну, такой с надписью «Собственность Святоши»?

— Неплохая идея.

Рори ухмыляется и демонстрирует мне чертовы ямочки, а я говорю ему убрать их, потому что на меня это дерьмо не действует.

— Хорошо.

Он бросает мне какие-то штуки для обертывания рук и говорит:

— Давай сделаем это.

Показав мне, как оборачивать руки, он переходит в режим профессора. Но профессора не должны быть такими, как Рори, и он слишком близко, и он продолжает шутить о том, что придет за моей задницей, сиськами или чем-то еще. Рори лапает меня, и я ничему не учусь, кроме того, что я не способна учиться, когда в дело вмешиваются гормоны.

Я не могу сосредоточиться.

Я даже не должна быть сейчас здесь с ним, возиться на матах и слушать его грязные разговоры/самооборону.

Я должна быть дома и решать, как победить Александра. Потому что очевидно, что я не собираюсь Рори о нем говорить. Что хоть раз за последнее десятилетие моей жизни я собираюсь поступить правильно по отношению к кому-то.

И я понятия не имею, почему.

— Дорогая, ты даже не обращаешь внимания, — говорит Рори. — Я бы уже три раза убил тебя, если бы это был реальный бой.

— Просто покажи мне, что нужно сделать, чтобы нанести максимальный ущерб, — настаиваю я.

Рори хмурится, а затем говорит самое худшее, что он мог мне сказать.

— Скарлетт, что случилось?

Я оглядываю зал, и люди смотрят на нас. На меня. Как будто я взбалмошная сука и мне вообще не следует здесь находиться.

Я знаю, что они правы.

Я просто хочу, чтобы Рори понял это.

— Мне нужно идти, — говорю я ему.

Рори выходит за дверь и останавливает меня.

— Почему тебе всегда нужно это делать?

— Что делать? — огрызаюсь я.

— Ты всегда пытаешься поссориться со мной, когда происходит что-то хорошее.

— Ничего хорошего не произошло, — возражаю я. — С тех пор как ты появился в моей жизни, все пошло наперекосяк. Все идет не так.

— Отлично, Скарлетт, — вздыхает он и отворачивается от меня. — Это просто прекрасно. Тогда иди и беги. Делай все, что тебе нужно, чтобы убедить себя, что это неправильно.

— Сделаю.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Рори хватает меня за руку. И я знаю, что на этот раз он имеет в виду то, что говорит.

— А в следующий раз, когда ты хочешь пойти и поиграть со мной? — говорит он. — Не надо.

Рори захлопывает дверь у меня перед носом и оставляет меня стоять на улице.

Одну.

И, как оказалось, я не сломлена, а некоторые вещи меняются.

Я чувствую.

Я чувствую себя как в аду.

Виски сегодня в своем особом настроении, ходит за мной по коридору и непрерывно мяукает.

— У меня нет времени на твое дерьмо, — говорю я ему. — Достаточно плохо, что у меня есть чувства к одному засранцу. Мне не нужен еще и ты в этом списке.

Ему все равно, видимо, потому что он гребаный кот, и поэтому он продолжает выть.

Я сдаюсь и глажу его, прежде чем сказать Виски, чтобы он отвалил. Но он все равно продолжает тащиться за мной. До самой моей двери, ругая меня на кошачьем языке. Сама я не владею этим языком, но даже я понимаю, когда он на что-то злится.

Я говорю коту, чтобы он вступал в клуб, прежде чем открыть дверь в свою квартиру и

жестом приглашаю его внутрь, но он не идет.

— Ладно, как хочешь, — говорю я. — Все вы, мужчины, одинаковы.

И затем я закрываю за собой дверь.

Только для того, чтобы врезаться головой в стену.

Рори

Я оказался в «Слейнте», как и большинство одиноких парней в свободное время. Виски льется рекой, девушки устраивают хорошее шоу на сцене, и все как всегда. Только я обеспокоен как черт.

— Есть что-нибудь для меня, босс? — спрашиваю я Кроу.

— Нет, приятель, — отвечает он. — Почему бы тебе не взять выходной.

Я бы предпочел окрасить костяшки пальцев кровью, чтобы снять напряжение, но не говорю об этом. Найл быстро предупредил Кроу, что я могу быть вспыльчивым, и мне не нужно, чтобы он сомневался во мне сейчас.

Тем более из-за женщины.

Мой взгляд падает на Конора, и мне приходит в голову кое-что еще.

— Пойдем-ка со мной, парень, — говорю я ему. — Мне нужна твоя помощь.

— Не могу, приятель, — говорит он.

— С каких это, блядь, пор? — рявкаю я.

Он кивает через бар, и там оказывается та самая блондинка, на которую он положил глаз во время драки. Айви. Та, которую я привел домой, чтобы мучить и испытывать его.

Мне нравится парень, и он тоже заслуживает того, чтобы время от времени получать тычки и затрещины.

Он не был с женщиной с тех пор, как его последняя девушка умерла от передоза. Так

что, хотя у меня и пиздатое настроение, я не намерен портить ему вечер.

— Ну, давай, — говорю я ему. — Вали на хуй отсюда.

— Увидимся позже, — говорит он.

И тогда остаюсь только я и Кроу, который снова смотрит на меня косо.

— Думал, я дал тебе выходной.

— Мне нужно поговорить с тем русским парнем. Алексеем. Можешь дать мне его номер?

— Могу, — говорит Кроу. — Но он уехал из страны. Так что все, что тебе от него нужно, может подождать.

Я наполовину подозреваю, что он меня обманывает, потому что знает, что речь идет о Скарлетт. Но прежде чем я скажу что-нибудь, о чем могу пожалеть, я беру бутылку «Джеймсона»[\[10\]](#) из бара и направляюсь в VIP-зал.

— Я дал тебе выходной, — снова орет мне Кроу.

— Да, — отвечаю я. — И я намерен насладиться им сполна.

Скарлетт

Трус переживает тысячи смертей, храбрый же умирает лишь раз.

Шекспир

У меня пульсируют ВИСКИ.

Разбитые клетки мозга порхают вокруг, как конфетти, когда я переворачиваюсь с боку на бок. Что-то булькает, и я думаю, что это могу быть я.

Воспоминания — забавная штука. То, как они играют с тобой злые шутки.

Я чувствую запах сосны.

Логика подсказывает мне, что я нахожусь в помещении. Привязанная к стулу. Путы на моих запястьях и лодыжках осязаемы, и все же мой разум перенес меня куда-то еще.

Гравий впивается мне в спину. Палки, грязь и холод обрушились на меня. Тяжело.

Я одна.

Пока я не умру.

Едкий запах металла проникает в мой рот.

И воспоминания меняются.

Радиатор, мясник, нож.

Кровь. Кровь повсюду, даже когда я открываю глаза.

Но сегодня передо мной не мясник.

Или даже не пять лиц из моих кошмаров.

Это всего лишь один.

Александр.

И совсем недавно знакомое лицо.

Это была подруга Кайли, Кэти.

Та, кто рассказала мне о шраме в форме полумесяца на губе Александра. Та, кто

признался мне, что причинил Кэйли боль, и она боялась, что он причинит боль и ей тоже.

Я сказала Кэти, что этого не произойдет. Я сказала ей, что доберусь до него первой.

Но ее опасения были верны, а я ошибаюсь так сильно, как никогда раньше.

Сейчас он причиняет ей боль.

Жестокость и жесткость его разврата выставлены напоказ, и это хуже, чем любое воспоминание. Александр душит ее своим членом. Сжимая горло Кэти и волоча ее по полу.

Слезы текут по ее щекам вместе с потеками черной туши, и надежда покинула ее.

Я бессильна что-либо сделать, кроме как наблюдать за разворачивающейся передо мной сценой. То, как он плюет в нее и унижает ее.

Мои узы нерушимы. Непоколбимы.

Не могу пошевелиться.

Но я и не могу сдаться.

Не часто бывает, чтобы я давала свое слово и имел его в виду. Но я серьезно относилась к Кэти. Эта девушка еще так молода. И она не такая, как я. В ней еще осталось что-то хорошее.

Она рассказала мне о своих снах. Как она хочет оставить уличную жизнь позади и пойти в школу красоты. Я предложила ей помощь, и я имела ввиду именно это.

Предложение все еще в силе, и я отказываюсь верить, что для нее это конец.

Глаза Александра находят мои через всю комнату, и он стонет от удовольствия, когда понимает, что я проснулась.

— Посмотрите, кто наконец решил присоединиться к нам, — бормочет он.

Он отталкивает Кэти и идет за мной. И меня это вполне устраивает. Теперь я сделаю все, что он попросит. Я буду его марионеткой.

Его пальцы с благоговением касаются моей щеки, когда он опускается передо мной на колени.

— Я не мог дожждаться, — говорит он. — Время вышло, Скарлетт.

— Делай со мной все, что хочешь, — говорю я ему. — Но отпусти Кэти. Она не имеет к этому никакого отношения.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — говорит он.

В голосе Александра нет раскаяния. Его никогда не было, так что я не знаю, почему я думала, что смогу найти его сейчас. Но если есть что-то, что я узнал об Александре, так это то, что есть и другие способы добраться до него.

— Ты отвратителен, — рычу я. — Неудивительно, что тебе приходится трахать девушек таким образом. Ты и этот ничтожный придаток, который ты называешь членом. Это то, что тебя бесит, Алекс? Ты должен компенсировать свое отсутствие...

Александр рукой скользит по моему лицу, откидывая мою голову в сторону. Один раз. Второй. А затем в третий раз для пущей убедительности. Он хватает меня за волосы и откидывает мою голову назад, пристально глядя мне в лицо.

— Ты думаешь, я настолько глуп? — спрашивает он. — Правда, Тэнли. Отдай мне должное. Я, блядь, федеральный агент, детка. Ты не понимаешь, куда меня ведут обычные уличные шлюхи вроде тебя.

Кэти рыдает на заднем плане, и мне нужно, чтобы она замолчала. Мне нужно, чтобы Александр забыл о ней и сосредоточился на мне.

— Ты можешь делать со мной все, что захочешь, — снова говорю я ему. — Я та, кого ты хочешь наказать. Признай это, Алекс. — Его глаза вспыхивают, и я думаю, что чего-то

добиваюсь, поэтому продолжаю в том же духе. — Пригласи всех мальчиков на встречу выпускников, — я сглатываю. — Все будет как в старые добрые времена. Это может быть твой путь обратно.

Александр откидывает мою голову назад и рвет на мне майку, обнажая мою грудь. Мои ноги уже раскинуты поперек стула, беззащитные, когда он стягивает мои брюки до лодыжек. Теперь я обнажена и открыта для него. Позывы к рвоте сильны, но я подавляю их.

Кэти обмякла, рыдает, и мне нужно, чтобы она боролась.

Я говорю ей бежать, пока у нее есть шанс.

Она смотрит на меня, потом на Александра и встает на дрожащие ноги. Она бежит к двери.

И у нее ничего не получается.

Александр валит ее на пол, а затем заставляет встать на четвереньки, пока Кэти беззвучно плачет.

— Это была чертовски неудачная попытка, из всех, которые я когда-либо видел, — говорит Александр.

Он толкается в Кэти сзади и хватает ее за волосы. Он трахает ее, но его глаза прикованы ко мне. Это как бензин для его враждебности.

Это заводит этого мудака так, как ничто другое. Воображая, что я — это она. Вымещает свою ненависть ко мне на Кэти.

Становится только хуже. Его заблуждение достигает точки невозврата, когда он начинает называть ее Тен. Десять шлюх. Десять пизд. Десять грязных шлюх.

Кэти кричит, и Александр заглушает крик, закрывая ей рот рукой.

Он получает удовольствие от воспоминаний о той ночи. То, как он задушил меня до потери сознания и оставил умирать. Он заново переживает кайф с Кэти.

Путы врезаются в запястья, и мое сердцебиение отдается в ушах. Звуков слишком много. Свет режет мне глаза, а стул впивается в кожу. Я очень хорошо осведомлена о каждом толчке. Перевозбужденный и недостаточно насыщенный кислородом.

Голос Рори — это то, за что я цепляюсь. Его слова, сказанные сегодня утром в спортзале.

Говорит мне сохранять спокойствие. Всегда сохранять спокойствие и обдумывать свой следующий шаг. Он сказал мне, что я совершу ошибку, если позволю панике победить, и он был прав.

Хватаю ртом воздух и заглушаю шум перед собой.

Клейкая лента.

Мак однажды рассказал мне о клейкой ленте. Как если вы опустите обе руки вниз с достаточной силой, она сломается сама по себе.

Мак показала мне, и сделала все так, что именно так все и выглядело. И это никогда не бывает так просто, когда ты делаешь это сам.

С уками, заложенными за спинку стула, мне приходится напрягаться, чтобы получить необходимый импульс. Но пока я переворачиваюсь, на мою икру давит физический стимул. Мои ножны все еще там, где я их оставила.

Либо Александр этого не заметил, либо уже убрал нож.

Я не буду знать наверняка, пока не смогу дотянуться до него.

Время на исходе.

Его хрюканье становится громче, и его жестокость тоже.

Кэти не двигается. Она не дышит. Ее лицо пепельное и неправильное. Одна рука Александра все еще обхватывает ее горло, другая зажата у нее во рту и носу.

Для него не существует ничего другого, кроме тисков его буйной фантазии.

Я кричу на Александра, и он ударяет Кэти лицом об пол. Снова и снова. Трахает ее, пока кровь брызжет по всей комнате.

Уже слишком поздно.

Я, блядь, опоздала.

Кэти безвольно падает на пол, и Александр рушится на нее сверху, издавая стон от своего освобождения одним последним толчком в ее мертвое тело.

Мое сердце бьется быстрее, и волна ярости, приправленная адреналином, наполняет мои вены. Я напрягаю руки и толкаюсь вниз так сильно, как только могу.

Это должно произойти сейчас.

Он должен умереть сейчас.

Клейкая лента рвется с отчетливым звуком, и Александр начинает двигаться.

Ползет ко мне — весь в крови Кэти — с выражением на лице, которое я не скоро забуду.

Я следующая.

Следующей он собирается прикончить меня.

Мои пальцы дрожат, когда я тянусь к ножнам и дергаю за ремешок на липучке. Я спотыкаюсь, дрожу, хватаюсь... и это реально. Ручка настоящая, и она у меня на ладони.

Александр тянется ко мне, когда я поднимаю клинок и вонзаю его ему в грудь.

Мой кулак сжимается вокруг дерева и отскакивает, выдергивая клинок из его плоти. Александр отступает и прикасается к тому месту, куда я его ударила. Место, где кровь сочится из его раны и капает на пол внизу.

Серия эмоций мелькает в его глазах.

Неверие. Шок. Ненавидеть. А потом ярость.

Я ранила мудака, но этого недостаточно.

Я вонзаю окровавленный нож между своей лодыжкой и стулом, разрывая ленту.

Есть время только для одного, прежде чем Александр снова набросится на меня, все еще зажимая рану. На этот раз я целюсь ногой ему по яйцам и не промахиваюсь.

Александр сгибается пополам, и моя вторая лодыжка свободна.

Нож превратился в месиво из крови и клея, а моя рука болит и онемела. Это не работает.

Я вскакиваю со стула и натягиваю штаны, ища глазами альтернативное оружие. На стойке стоит кружка, и я иду за ней, пока Александр ползет за мной.

Я бросаю кружку ему в голову, но промахиваюсь.

Но следующий предмет, сковорода, попадает ему в плечо.

— Пизда, — рычит он. — Ты будешь молить о своей смерти.

Вилка пролетает по воздуху и отскакивает от его лба, что не приносит мне никакой пользы.

Александр ранен и истекает кровью, но адреналин очень силен. Он уже на ногах, хватается за прилавок, обходя его.

Я даже не знаю, что бросаю в него. Я хватаю все, что могу найти, и швыряю ему в лицо.

Пока не хватаюсь за что-то металлическое и тяжелое.

Его пистолет.

Он оставил его на стойке рядом со своими ключами, и какая гребаная ошибка новичка. Пистолет тяжелее, чем был мой револьвер, и я держу его обеими руками и прицеливаюсь в сторону Александра.

Наши глаза встречаются, и мне интересно, знает ли он, что я не смогла ударить Итана, когда пыталась, потому что он смеялся надо мной.

Александр делает выпад, и я нажимаю на курок.

Пуля попадает в живот, и он падает.

Но этот мудака все еще в сознании, и его зубы в крови, и он, блядь, улыбается мне.

Мои руки стали липкими, и я возилась со спусковым крючком, забившись в угол, в который сама себя загнала. Нож упал в хаосе, и в пределах моей досягаемости нет другого оружия, и пистолет больше не выстрелит.

Его заклинило или... Я не знаю, как заставить это работать.

Я кричу, чтобы это, черт возьми, сработало, отчаявшись так, как никогда раньше.

Мои глаза затуманены и искажены, а в ушах все еще звенит от выстрела.

Но когда я снова смотрю вниз, все, что я вижу, — это окровавленный кафель.

Александра там нет.

И после того, как я вооружилась несколькими кухонными ножами и трижды проверила квартиру, я понимаю, что его нигде нет.

— Господи, — снова говорит Мак.

— Я знаю, — говорю я снова.

Квартира — это кровавая баня.

Я все еще не могу заставить себя взглянуть на тело, лежащее посреди пола. Я даже не могу вспомнить ее имя, потому что это делает все реальным.

Меня уже дважды рвало с тех пор, как Мак был здесь.

Теперь в моем организме ничего не осталось.

Ничего, кроме сожаления и пустоты.

— Ты же знаешь, мне понадобятся ответы на некоторые вопросы, — говорит мне Мак. — Верно, Скарлетт?

— Знаю. Но я просто не могу... прямо сейчас.

— Мне не нравится хранить секреты от Лака, — говорит она.

Я молчу, и на минуту мне кажется, что я снова одна. Что она не собирается помогать. Она предана им, и я ее не виню. Но потом она заговорила.

— Я позвоню Фитци, — говорит она. — Он позаботится об этом.

— Спасибо, — шепчу я.

— Просто сделай мне одно одолжение.

— Что? — спрашиваю я.

— Пожалуйста, не оставайся сегодня одна, — умоляет она. — Приходи к нам домой.

— Спасибо, — снова говорю я ей. — Но мне нужно быть в другом месте.

Скарлетт

Те дни прошли. Я должен быть завоеван снова и снова каждый раз, когда ты видишь меня

Ф. Скотт Фицджеральд

Есть одна универсальная истина о мужчинах.

Они хотят чувствовать себя королями.

Они хотят есть как короли. Трахаются как короли. Сядьте на диван (ОН же трон) и смотрите телевизор, как короли. Если они что-то починили в доме, тебе лучше, черт возьми, сказать им, что они гребаные короли. Потому что в глубине души они чувствительные маленькие зверьки, которые хотят, чтобы все их собратья и любая женщина, которая может случайно встретиться на их пути, считали их Альфой.

Рори ничем не отличается.

Поэтому я без особого удивления нахожу его в VIP-зале отеля «Слейнт».

В VIP-зале темно. Он окрашен малиновым и черным, в то время как здесь явственно ощущается духота. Мужчины должны чувствовать себя здесь королями, в то время как женщины снимают с себя одежду и танцуют только для них.

На сцене танцовщица, и она прекрасна, и я уважаю то, что она делает, потому что когда-то давным-давно я тоже это делала.

Я также хочу вырвать ее сердце.

Я не знаю, наблюдает ли за ней Рори или нет. Трудно сказать, стоя у него за спиной. Но я некоторое время наблюдаю за ним в тени.

Если бы я просто ушла, то все вернулось бы на круги своя. Наши пути не пересекались, за исключением редких случаев. Не было бы пьяных телефонных звонков, полных сожаления, потому что мы с Рори не такие люди.

Он возвращался к быстрым трахам, чтобы удовлетворить свой аппетит, а я возвращалась к своей мести, либо выполняя то, что намеревалась сделать, либо умирая в процессе.

Я должна идти.

Он заслуживает лучшего, чем это. Лучше, чем я. Та воображаемая семья, для которой он строит свой дом. У него должны быть эти вещи.

Я хорошо умею ухаживать.

Отталкивать людей. Держать всех на расстоянии и сжигать любого, кто подлетает ко мне слишком близко.

Но я не могу бросить Рори.

Сегодня вечером я сломлена и измучена, и в глубине души эгоистична. Я хочу его тела, его тепла и спокойствия, которое существует только тогда, когда мы вместе. Я хочу этих вещей, даже если я облажалась и оттолкнула его, и я готова сыграть свою роль, чтобы получить их.

Я двигаюсь вокруг него. И Рори не смотрит на танцовщицу на сцене. Его голова откинута назад, глаза закрыты, и он дремлет. Рядом с ним стоит полная бутылка «Джеймсона». Он приехал сюда, чтобы почувствовать себя Королем, но я все еще преследую его.

Я не умею быть беспомощной, поэтому я делаю то, что у меня получается лучше всего.

Я забираюсь к нему на колени, и его глаза медленно открываются.

— Скарлетт.

Он злится на меня, и я его не виню.

Но я тоже на него злюсь.

На весь гребаный мир, если уж на то пошло.

— Наслаждаешься шоу?

— А тебе какое дело? — отвечает он.

— Я думала, мы уже установили, что ты принадлежишь мне, чтобы играть с тобой?

Мои руки движутся вверх по его груди, прежде чем Рори ловит их между нами.

— Ну, я закончил играть. Так что найди другую жертву.

У меня дрожит подбородок, но я продолжаю разыгрывать шараду, потому что это единственный известный мне способ.

— Ты знал, что я тоже когда-то была танцовщицей?

Я втираю свою задницу в его стояк для пущего эффекта.

Глаза Рори темнеют, и я наклоняюсь к нему, предъявляя права на его губы, прежде чем Рори снова оттолкнет меня.

— Нет, — говорит он.

— Я знаю, что ты хочешь меня, — возражаю я. — Я чувствую, как много ты делаешь.

Он не отвечает. Не сдается. Ни капельки.

И угроза слез реальна, и я не могу позволить Рори увидеть, как я плачу. Потому что ты никогда не позволяешь им видеть, как ты плачешь.

Я зарываюсь лицом в его шею и вдыхаю его запах. Никто и никогда не пах так хорошо.

— Знаешь, ты здорово меня запутал.

Он не отвечает, но прикасается к моей спине.

— Это правда или ложь? — спрашивает он.

— На этот раз это правда, — клянусь я.

Однако это не убедило Рори.

— Пожалуйста. — Мой голос срывается. — Только на сегодня. Тогда тебе больше никогда не придется видеть мое лицо.

На долгое мгновение я задерживаю дыхание, не зная, что будет дальше. Но одна рука на моей спине превращается в две, и он обнимает меня, притягивая к себе. Его губы у моего уха, пробуждая первобытную потребность в нас обоих, когда Рори шепчет.

— Тогда потанцуй для меня.

Только он не отпускает меня.

Я протягиваю руку и запускаю пальцы в волосы Рори, откидывая его голову назад, чтобы я могла поцеловать его в шею, пока двигаю бедрами по его эрекции.

Я отчаянно нуждаюсь в этом. В нем. Я отчаянно хочу почувствовать что-то хорошее. Все, что угодно, лишь бы избавиться от боли внутри меня.

Рори забирает ее так, как никто другой не может.

Он наклоняется вперед и захватывает мой рот своим. И мы целуемся так, как никогда раньше не целовались. То, что происходит между нами, — это сила природы.

Я хочу его.

Я хочу его так чертовски сильно, и я говорю ему об этом.

Он берет меня за руку и тащит через заднюю дверь к своему полностью черному «Доджу Челленджеру». Как и большинство мужчин, Рори наслаждается вибрациями и звуками, которые издают эти малыши. И я дам ему это.

Он чертовски горяч за рулем.

Он не такой броский, как Кроу, в своем синем спортивном «Гран Туризмо», потому что Рори — классик. Ему не нужны навороты и свистки.

Все, что ему нужно, — это кто-то, кто его поймет.

И я здесь, и я говорю ему, чтобы он не забирал меня обратно к себе.

— Давай сделаем что-нибудь сумасшедшее, — умоляю я его.

— Что ты имеешь в виду, сатана?

— Покажи мне, из чего сделана эта машина.

Рори улыбается, и на его щеках появляются ямочки.

— Тебя это заводит, милая?

— Есть только один верный способ выяснить это.

Я расслабляю голову и устраиваюсь поудобнее, пока Рори ведет машину. Далеко, на пустой участок шоссе. Я хочу, чтобы он продолжал ехать, во веки веков, держа одну руку на моем бедре, а другую на руле.

Я играю с радио и нахожу хорошую станцию.

Начинает играть «Navos[11]» Скайлар Грей.

Рори прибавляет газу, и переключает передачу и давит на акселератор. Семьдесят. Восемьдесят. Девяносто и выше.

Он опускает стекла, и мои волосы развеваются вокруг лица. Я смеюсь, кричу и высовываю лицо из окна. Он просовывает руку между моих бедер и внутрь меня.

— Без трусиков? — он кричит, перекрикивая музыку и ветер.

— Никаких трусиков.

Я раздвигаю для него ноги и расстегиваю верх своего платья. Я мокрая из-за него, из-за этого, из-за адреналина, в котором я так нуждалась.

Он дает мне это с трудом.

Трахает меня своей рукой, пока ведет машину.

— Это достаточно быстро для тебя?

— Быстрее, — говорю я ему.

Стрелка спидометра поднимается вверх, а вместе с ней и темп движения его руки. Я близка к этому, и я мог бы получить удовольствие от этого.

Вместо этого я отстегиваю ремень безопасности и перелезаю через рычаг переключения передач.

— Господи Иисусе, — ворчит Рори, когда я оседлаю его.

— Я сделаю всю работу.

— Скарлетт.

Этот недоделанный протест обрывается, когда я стягиваю верх его джинсов и достаю его член.

— Держи руки на руле, — говорю Рори.

А потом я использую его, чтобы возбудиться. Трусь о него всем телом, но не впускаю внутрь.

Вибрация машины отдается под сиденьем, в то время как вибрация его стонов отдается в моей груди.

Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Рори отчаянно хочет, чтобы это началось. Его член пухлый и болезненно набухший, из него вытекает сперма, когда я трусь о него.

Рори лижет мою ключицу, а затем кусает меня. И на долю секунды я позволяю ему пощупать мои сиськи, прежде чем заставляю его снова положить руку на руль.

— Я собираюсь трахнуть тебя по-королевски, — говорю я ему.

— Скарлетт?

— Да?

— Садись, блядь, на мой член. Сейчас.

Я опускаюсь на его член.

— Господи, — стонет он. — А теперь трахни меня так, как будто от этого зависит твоя жизнь.

Я наклоняюсь вперед и шепчу ему на ухо.

— Держи руки на руле. Сатана собирается прокатить тебя.

Я впираюсь пальцами в плечи Рори и трахаю его до беспамятства. Это дико, и громко, и нет ничего в мире более горячего, чем мы вдвоем. Сочетание скорости и адреналина швыряет нас обоих через край.

Он резко разгоняется, а затем нажимает на тормоза, съезжая на обочину.

Мы задыхаемся и все еще цепляемся друг за друга. Поцелуи, ласки, толчки и трения.

Я оттягиваю его назад и целую в шею, посасывая кожу, пока не оставляю след.

— Скажи мне, что меня нельзя превзойти, — требую я.

— Скарлетт, что, черт возьми, с тобой происходит?

— Скажи это. Скажи мне, что ни одна другая женщина никогда не доставит тебе такого удовольствия, как я.

Рори целует меня, и на этот раз нежно.

— Ни одна другая женщина и близко не подходит.

— Мне просто нужно забыться. — Я зажмуриваю глаза, когда они начинают гореть. — Заставь меня забыться.

— Как, милая?

Рори откидывает мои волосы назад, на плечи, и целует меня всю. Его действия полны благоговения, и именно так я понимаю, что он действительно влюблен в меня.

У меня тоже есть определенное ощущение падения.

В водоворот, из которого я не могу выбраться.

— Мне все равно, — говорю я, и это безумно. — Мне просто нужно получить кайф. Тебя. Мне нужно чувствовать себя живой.

В его глазах читается беспокойство, но Рори не выражает его вслух.

— Все, что ты захочешь, куколка, — бормочет он. — Я держу тебя.

Рори

Скарлетт не из тех девушек, которых можно сводить в кино.

Вы не покупаете ей цветы и шоколадные конфеты, чтобы поднять ее настроение.

Вместо этого вы везете ее пострелять

— Что это за место? — спрашивает она.

Я не отвечаю, потому что мне нравится наблюдать, как Скарлетт сама складывает пазл, который я ей подложил.

Это частная территория. Это место принадлежит нашему русскому приятелю Алексею. Оно затерялось где-то посреди пустыни, и мы с ребятами время от времени приезжаем сюда выпустить пар.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает Скарлетт, и теперь она жестче доски, вделанной в мое пассажирское сиденье.

Что-то изменилось, и, как обычно, я не смог уловить этот момент.

— Ты сказала, что хочешь кайфануть.

— И ты решил свозить меня на прогулку в лес?

Блядь.

Лес.

Скарлетт крепкий орешек, поэтому иногда легко позабыть обо всем том аде, через который ей пришлось пройти.

Я показываю в окно, вдаль, где расставлены мишени.

Она молчит с минуту, смотрит на мишени, потом снова на меня. Она вопросительно смотрит на меня. И пришло время разобраться с этим.

— Скарлетт, ты не чувствуешь себя в безопасности со мной? — спрашиваю я. — Ты правда полагаешь, что я когда-нибудь сделаю что-нибудь, что причинит тебе боль?

— Нет, — говорит она. — Я знаю, что ты ничего такого не сделаешь.

Ее голос искренен, и это маленький шаг.

— Да, — отвечаю я. — Теперь хочу спросить тебя, как ты относишься к тому, чтобы немного пострелять?

Она улыбается.

— Мне бы это хотелось.

— Отлично, детка.

Мы выходим из машины, и я беру Скарлетт за руку. Она не сопротивляется.

Бункер находится под землей и вход туда только по отпечаткам пальцев. Я открываю дверь, показываю дорогу, пока Скарлетт идет следом.

Через минуту она уже в полном восторге. Ходит по помещению и разглядывает арсенал. Я никогда не видел ничего столь сексуального, как то, как она осматривает оружие, обутая в эти ее чертовы черные туфли на шпильках. Они смотрятся как кандалы на ее ногах, и я напрягся и рассматриваю ее ноги, когда она спрашивает, может ли она бросить гранату.

— Не-а.

Она дуется.

— А что это за штука? — показывает она на тяжелую артиллерию.

— Это базука.

— Базука? — вскрикивает она, а затем откидывает голову назад в приступе смеха. — Естественно, вашей братии и базуки в руки.

— Нам нравится идти на дело во всеоружии.

— А что насчет этого? — спрашивает она, указывая на другой.

— Огнетет.

— Точно. А это?

— Это катана.

— И для чего тебе нужна катана?

— Без особой причины, — признаю я. — Они просто смотрятся чертовски круто.

Она кивает в знак согласия и проводит пальцем по тупой кромке лезвия меча.

Боже, один вид этого уже сводит с ума.

— И с чем же мне предлагаешь поиграть? — интересуется она.

Скарлетт подлавливает меня как раз в тот момент, как я поправляю штаны.

— Ты завелся? — улыбается она. — Потому что я бы соврала, если бы сказала, что меня это не заводит.

Как бы я ни хотел снова втиснуть в нее свой член и трахнуть в этой комнате, это не то, для чего я ее сюда притащил. Поэтому я обхожу Скарлетт и беру несколько пистолетов. Револьверы и полуавтоматы разного веса и калибра.

Но потом Скарлетт указывает на АК-47 на стене.

— И его прихвати, — говорит она. — Хочу опробовать его.

Конечно, все чего бы она ни захотела.

Я прихватываю еще парочку стволов, а затем снабжаю патронами, прежде чем жестом

предложить Скарлетт выйти наружу. Мы раскладываем все на деревянной скамейке перед мишенями, и Скарлетт уже не терпит. Она подпрыгивает на ногах, пальцы так и чешутся коснуться ее.

— Прежде всего, — говорю я ей. — Нам нужно определиться с тобой, какой глаз у тебя ведущий.

— Хорошо, — соглашается она. — Расскажи, что мне нужно делать.

Я встаю позади Скарлетт и тянусь к ее рукам, образуя руками треугольник, а затем раздвигая их.

— Посмотри туда, на мишень, — говорю я. — И встань так, чтобы она оказалась заключенной в этом треугольнике.

Скарлетт так и делает.

Когда она отводит руки чуть назад, то говорит мне, что ведущий у нее левый. Мы проверяем эту догадку еще несколько раз, чтобы убедиться в правдивости этого утверждения, а затем продолжаем.

— Мы начнем с «Глока».

Сначала я показываю ей азы. Магазин и предохранитель.

— Я стреляла из такого, — говорит она мне. — И он не выстрелил во второй раз.

Это разговор для следующего раза.

— Видишь вот здесь эту маленькую часть. Это затвор.

Я показываю ей, как он работает, а затем объясняю, что такое спусковой крючок.

— Вес твоего пальца должен быть равномерно распределен. Нужно до упора нажать и на эту среднюю часть, иначе второй раз он не выстрелит. Это предохранительный механизм.

— Хорошо.

Я передаю ей ствол.

— Прицелься и просто привыкни к тому, как он лежит в твоей руке, — говорю я. — К его весу.

Скарлетт протягивает руку и берет пистолет, он тяжелый в ее маленьких руках, но она хорошо с ним справляется.

— Ты все время носишь эту штуку с собой? — спрашивает она с недоверием.

— Ага.

Я ухмыляюсь.

— Верно.

— Господи.

— Немного согни колени.

Хватаю ее за бедра и прижимаю руку к пояснице.

— Выпрями локти и наклонись по направлению к цели.

— Как ощущения? — спрашиваю я.

— Все отлично, — говорит она. — Теперь я могу стрелять?

Скарлетт любит чувствовать себя сильной. Нет ничего более сильного, чем это. То, что она сейчас почувствует.

И я хочу дать Скарлетт это почувствовать.

Я научу ее всему, чему научился за эти годы. Всему, чему научил меня Найл. Я показываю Скарлетт детали и то, как они работают вместе. Я объясняю разницу между револьверами и полуавтоматами, и она чувствует разницу в отдаче между ними.

Скарлетта решает, что ей подходит полуавтомат. И в отличие от уроков самообороны,

которой я пытался ее научить, на этот раз я полностью завладел ее вниманием.

Скарлетт — хорошая ученица. Она ни в коем случае не профессионал, но я уверен, что она сможет защитить себя, если ей когда-нибудь снова понадобится взять в руки оружие. Она быстро учится и хорошо выполняет мои указания. Вскоре от мишени разлетаются осколки, когда она бьет по ней снова и снова.

Когда мы переходим к АК, она удивляется, как легко ими пользоваться.

— Как думаешь, почему страны третьего мира выдают их завербованным детям? — спрашиваю я.

Скарлетт хмурится, и я не хочу портить ей настроение, но мне также нужно, чтобы она поняла, что такова реальность. У нас с ребятами, конечно, есть арсенал, но мы не живем на Диком Западе и не ходим и не стреляем по всем подряд при каждом удобном случае.

Мы собираем вещи, а она притихла.

— У тебя здорово получилось, — говорю я ей.

— Мне понравилось, — говорит она. — Ты был прав. Стрельба дарит ощущение некой эйфории.

Я киваю, и знаю, о чем она думает. О ком она думает.

— Мне нужны их имена, Скарлетт.

— Нет, — говорит она. — Не нужны.

— Я не смогу помочь тебе, если ты не будешь честна со мной. Если ты мне не доверяешь.

— Дело не в доверии, — говорит она. — Я посеяла эти семена, и можешь быть уверен, что я одна их и пожну.

— Ты хоть представляешь, каково это — причинить боль тому, кому бы ты не хотела причинить ее? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Скарлетт. — Каждый, кому я хотя бы раз в жизни причиняла боль, этого заслуживал.

Я вздыхаю, и это только еще больше распаляет ее.

— Я знаю, ты думаешь, что спасешь мою душу, или что-то в этом роде. Вы, ирландские парнишки, очень на это надеетесь. Но ты не можешь спасти то, чего нет, Рори. Ты думаешь, что я буду жалеть об этом, но я точно не буду.

— Ты не можешь этого знать, — возражаю я. — И я не позволю, чтобы ты это узнала.

— Ты не обязан мне ничего позволять, — говорит она. — Я буду делать то, что хочу. С тобой или без тебя.

Я хватаю Скарлетт за талию и поднимаю на скамейку, обвивая ее ногами свой торс и закрывая ее лицо ладонями. Я не знаю, что ей сказать, чтобы она поняла. Это тот же самый спор, который мы ведем уже несколько месяцев.

Она все еще истерит, потому что я не дал ей убить мясника.

При всей силе и упрямстве Скарлетт, она не видит, что скрывается под ней. Ее хрупкое сердце. То, которое бьется в ее груди прямо сейчас, под другой моей ладонью.

— Ты все время убиваешь людей, — шепчет она мне. — И ты все равно хороший.

— Все не так просто, — говорю я ей. — Ты не знала меня до.

— До чего? — спрашивает она.

— До моего отца. Он был моим первым. Первым, кого я убил.

Скарлетт молчит, взглядом изучает мое лицо, и некоторые из ее стен рушатся под тяжестью моего признания. Тогда я говорю ей то, что не смел произнести вслух, не говорил

никому, даже своим братьям по Синдикату. Я признаюсь в своих грехах, чтобы она поняла меня.

— У него была тяжелая рука. Иногда прилетало мне. Но особенно жесток он был с моей мамочкой.

— Ты не должен мне этого говорить, — шепчет Скарлетт.

В ее глазах вспыхивает беспокойство. Беспокойство о том, что эта вещь между нами — это постоянное давление и притяжение — становится сильнее. Разрастается. И она не может остановить это.

Я не хочу, чтобы она это останавливала.

— Он был пьяницей, тупицей и вел праздный образ жизни. Не мог удержаться ни на одной работе. И он приходил домой и вымещал все на ней. Он делал это годами. Я слышал, как она плакала в спальне по ночам. Она сказала мне не беспокоиться об этом, ради ее блага. Так я и делал. Я задвинул свои чувства глубоко и брал то, что папаша нам предлагал, провоцируя его, чтобы он вымещал на мне все свои худшие дни. Я думал, что если он будет отыгрываться на мне, он перестанет гнобить ее. Но этого не произошло.

— Рори... — Скарлетт прижимается ко мне, умоляя не продолжать.

— Мне было тринадцать. И я был чертовски зол. Полон ярости и ненависти. К нему и ко всему живому. И однажды вечером он пришел домой и начал вести себя, как всегда. Я устал. К тому времени я вырос. Стал сильнее. Я пять минут слушал, как он ее бьет, пока не сорвался. — Я смотрю прямо в глаза Скарлетт и признаю правду. — Избил отца голыми руками. И когда я закончил, от его лица ничего не осталось.

— Ты хороший, — настаивает она. — Да, Рори. Ты не он.

— Только вот это уже не вычеркнешь, — говорю Скарлетт. — Я никогда не смогу выбросить этот образ из головы. Смыть кровь с моих рук. С тех пор моя мама никогда не смотрела на меня без осуждения во взгляде. Мне пришлось просто уйти.

Она больше не утверждает, что я хороший.

— Мне было приятно убить его, Скарлетт. Но убийство изменит тебя навсегда. Я не позволю тебе так жить. Я не хочу, чтобы ты была такой.

— Я уже плохая, — настаивает она. — Я худшее, с чем ты когда-либо мог столкнуться.

— Это не так.

Скарлетт поднимается и хватается за мое лицо, прижимается губами к моим губам, она завладевает моим телом. Прижимается ко мне так, как никогда раньше.

Это не сексуально. Это что-то более глубокое. Первобытная потребность чувствовать себя в безопасности.

— Ты можешь считать наши своды правил смешными, — говорю я ей. — Но мы заботимся о наших женщинах. Я собираюсь позаботиться и о тебе. Это значит, что я именно тот, кто должен вытащить тебя из того дерьма, в котором ты оказалась. Запятнать свою душу, чтобы твоя осталась незапятнанной. Я хочу сделать это для тебя. И я хочу, чтобы ты мне позволила.

— Рори.

Теперь она целует меня, покрывая мою шею и лицо поцелуями. Отвлекает меня сексом, как она всегда это делает.

— Отвези меня к себе, — умоляет она.

— Нет, пока ты не назовешь мне хотя бы одно имя.

Она стонет от разочарования.

— Просто дай мне день, — говорит она. — Один день, Рори. Я пытаюсь. Пытаюсь. Но я не готова.

Я киваю, потому что это лучшее, что я могу от нее получить.

Скарлетт

Как обычно заканчиваются дела, когда сталкиваешься со злой королевой. Правильно, голова летит с плеч. Его голова.

ПОКА ЗЕМЛЯ ВЕРТИТСЯ и мир постепенно эволюционирует, есть вещи, которые всегда остаются неизменными.

Летний дом семьи Трипа под Нью-Хейвенем — одна из них. Это место, в котором законсервированы воспоминания. Гробница кошмаров и последнее пристанище моего детства.

А я тогда была совсем ребенком.

Все еще невинной и наивной девочкой с большущими глазами.

Но покинула я этот дом другим человеком.

Я выполза из этой неглубокой могилы и оставила все эти детские мечты — вместе с моим сердцем — умирать той смертью, которую они заслуживали. Я выпорхнула отсюда в броне, которой раньше не было. Жесткая внешняя оболочка коконом обвилась вокруг меня, и родилась новая я.

Эта оболочка хорошо мне послужила.

Но это не облегчает прогулку по дорожке моей памяти.

Почва под ногами все та же — голая, потому что я хочу ощутить правильный настрой. Я хочу пережить эти воспоминания и изменить свое отношение к ним.

Воздух прохладный, лес тихий.

Это место — мертвая зона. Ничего вокруг на многие мили.

За домом есть искусственное озеро, где Трип проводил вечеринки в течение всего учебного года.

Я так и не попала ни на одну из этих вечеринок.

Единственная вечеринка, на которую меня пригласили, была закрытой. В ночь посвящения.

Трип до сих пор часто приходит сюда, по крайней мере, если верить отчету, который я добыла. Он проводит целые недели, налегая на кокаин и дешевую водку, хотя винный шкаф его отца забит лучшими сортами виски, которые только можно купить за деньги.

Это привело бы почти любого к такому же выводу. Трип такой же отмороженный, как и Александр. Интересно, он тоже грезит наяву событиями той ночи, пока трахает своих платных шлюх? Наведывается ли он сюда, чтобы пережить их снова.

Пока жду в темноте комнаты отдыха, я думаю, действительно ли мы настолько разные. Годами я только и делала, что представляла себе, как отомщу. Я наблюдала, как они спотыкались о каждое препятствие, которое я воздвигала на их пути, а они продолжали жить своей жизнью, как будто той ночи никогда не было.

Рори хочет, чтобы я поверила, что во мне есть что-то, что стоит сохранить. Что если я переступлю эту грань, я буду сожалеть об этом.

Но он ошибается.

Потому что, когда я выскользнула из его постели посреди ночи, оглянувшись через плечо, посмотрев на его спящее лицо, ничто и никогда не было для меня таким ясным.

Есть некоторые границы, которые даже я не готова переступить.

И привлечение его к этому, использование его в качестве солдата для моей личной вендетты — одна из них. Моральная дилемма отнятия человеческой жизни отходит на второй план, когда ты на войне. Это вопрос действия и реакции.

Я никогда не буду свободна, пока они живы.

Это моя битва. И только моя.

И только мне жить с ее последствиями.

В замке входной двери скрежещет ключ, и я замираю.

Кто-то спотыкается в темноте и ударяется о приставной столик, бормоча проклятия. Ключи падают в ключницу, топот ног следует на кухню.

Открывается дверь холодильника. А потом он возвращается.

Трип не выключает свет. Он падает на диван напротив меня и хлещет водку прямо из горла. Пространство вокруг него быстро пропитывает запах пота вперемешку со спиртом. Вот во что он превратился.

Ему требуется несколько минут, чтобы освоиться в темноте, и он совершенно не замечает никого рядом с собой. Это комфортное чувство безопасности и покоя доступно только тому, кто уверен, что его жертва мертва.

Трип кладет голову на диван. Он проводит рукой по лицу и стается лежать так в течение нескольких коротких мгновений, спокойный, почти в состоянии полной нирваны. Затем он наклоняется вперед, упираясь локтями в колени, возится со своим маленьким черным кейсом на журнальном столике.

В этот момент он понимает, что в комнате есть кто-то еще. Даже самые одурманенные наркотиками мозги способны пробудить шестое чувство. А может быть, именно наркотики заставляют его видеть монстров, таящихся за каждым углом. Но сегодня он видит призрака.

И этот призрак — я.

Я бы все отдала, чтобы узнать, о чем он сейчас думает: челюсть отвисла, лицо бледное.

Он не говорит. Его руки все еще полудеревянные, пока Трип готовит свою очередную порцию.

Только в этом случае это не кокаин. Это героин. Даже в тусклом свете легко заметить, что он давно употребляет.

Лицо Трипа исхудало и осунулось, губы окрасились в синий цвет. В его теле не осталось жизненной силы. Он едва может поднять руку. Все движения замедлены. Как и его мысли, его реакции, его слова.

Это место изменило и его.

— Я знал, что ты придешь, — говорит Трип наконец.

— Откуда? — спрашиваю я.

Я мертва для него. Была мертва для него. Он никак не мог знать этого, если только Александр уже не сказал ему.

Трип качает головой.

— Александр сказал нам, что вернулся сюда и убрал твое тело, — объясняет Трип. — Но он солгал. Потому что я вернулся сюда первым.

— Почему? — спрашиваю я, и это не имеет значения. Раскаяние не спасет Трипа, но мне любопытно.

Он молчит, постукивая иглой по пальцам, пока ногой отбивает тот же ритм на полу.

— Ты мне действительно нравилась, Тен. Но я не был тем, кого бы выбрала твоя мать. Она никогда бы не выбрала меня вместо Алекса.

Он не говорит мне ничего такого, чего бы я не знала. Его влюбленность была очевидна, но, как и у него, у меня не было права голоса в этом вопросе.

— Значит, ты все равно просто взял то, что хотел.

Трип снова молчит.

— Да, — говорит он. — Я взял. Я взял это. И я хотел убить каждого из этих ублюдков за то, что они прикасались к тебе.

— Как по-рыцарски с твоей стороны.

— Я знаю, что это не имеет значения, — говорит Трип. — Но меня это заедало, Тен. Меня это так заедало. Я не мог перестать думать об этом. Думал, где ты. Интересовался, все ли с тобой в порядке. Знал, что ты не умерла, но они этого не знали. И я всегда думал, что ты вернешься за нами.

— Ну, вот я и здесь. Прости, что была так предсказуема.

— Ты хочешь сделать мне больно, — говорит он. — Понимаю. И я не виню тебя.

— Боль подразумевает кратковременное страдание. Мне жаль переубеждать тебя в том, что ты ошибаешься.

Он кивает, и в нем нет даже унции борьбы, когда он смотрит на меня.

— Я был тем, кто наполнил бутылку во второй раз. Водой. Я просто хотел, чтобы ты отключилась, чтобы ты ничего не помнила. Но я дал тебе слишком много.

— Вода под мостом, — говорю я. — Я пришла сюда не для того, чтобы пересказывать, что ты сделал или не сделал. Я знаю. Я все знаю. И я все это помню. Мне не нужно, чтобы ты рассказывал мне, как все было.

Трип кивает.

Никто из нас не двигается. Пока он не машет иглой в своей руке в вопросе.

— Ты не против? В последний раз.

Я его совсем не знаю.

Как мы стали такими?

Этот наркоман, который принимает смерть без вопросов, его единственная просьба —

последний раз ширнуться. А я, принцесса общества, превратившаяся в холодную и расчетливую стерву, сидящую напротив него.

Я киваю Трипу, чтобы он продолжал.

Я пришла сюда спонтанно, на самом деле.

Какая-то часть меня знала, что Трип не будет бороться.

В душе он всегда был трусом. Слишком мягкотелым, чтобы пойти против того, чего хотели другие парни. Слишком боялся сказать мне, что я нравилась ему все эти годы.

Он ищет пальцами вену на руке, но не сводит с меня глаз.

— Ты очень красивая, — говорит он. — Намного красивее, чем я помню.

— Внешность может быть обманчива, — говорю я ему. — Все мое уродство — внутри.

Трип со вздохом втыкает иглу в руку и откидывается на спинку дивана, вытянув ноги и глядя в потолок.

— Я в это не верю, — говорит он. — Ты всегда была слишком хороша для нас. — Игла болтается у него в руке, слова звучат невнятно. — Чего бы это ни стоило. Мне действительно жаль, Тен.

Он снова нажимает на иглу, на этот раз вводя все содержимое мутной жидкости в вену.

Я не дура. Да и Трип тоже.

Это смертельная доза.

— Трип?

Я придвигаюсь к нему, и Трип открывает глаза лишь на краткий миг.

— Всегда был трусом.

Трип откидывает голову в сторону, лицо становится серым и липким, когда он погружается в бессознательное состояние. В его горле раздается булькающий звук, а затем Трип задыхается.

Я тянусь к Трипу и не знаю, могу ли смотреть на это.

Но все заканчивается так же быстро, как и началось.

Его тело застывает неподвижно, и он умирает.

Я падаю обратно на диван рядом с ним и остаюсь там надолго.

И я скорблю.

Я скорблю о том, кем мы оба стали. Я скорблю о несправедливости жизни и о тяжелом выборе.

Когда все закончилось, я вытерла слезы.

И просто ушла.

Скарлетт

Ужас сделал меня жестоким.

Эмили Бронте

СТОЛКНУЛАСЬ С Виски по дороге в квартиру. Он вел себя как обычно, рассказывая о чем-то, что его расстроило.

— Поняла, — говорю я ему. — Не послушала тебя, хотя следовало бы. Ты пытался предупредить меня.

Кот машет хвостом и кружится по кругу, и я понятия не имею, что это значит.

Но когда я наклоняюсь, чтобы погладить его по голове, в его шерсти запеклась кровь. Я сглатываю и чешу у него между ушами, пока ищу в его кошачьих глазах подсказку.

Он проходит несколько шагов впереди меня, а затем оборачивается, чтобы посмотреть, иду ли я за ним.

Я забираю нож и иду за Виски к двери миссис Роджерс. Она треснута, и в коридор проникает отчетливый металлический запах.

Именно такую сцену вы видите в каждом фильме ужасов.

Миссис Роджерс не может быть мертва. Она просто старая леди, и она никого не ненавидит. Кроме, может быть, меня, потому что иногда я краду ее кота.

Я отгоняю Виски и толкаю дверь ногой.

На полу в кухне кровь.

А там, в своем кресле, как обычно, сидит миссис Роджерс. С ножом для стейка, воткнутым ей в горло.

Горячие слезы текут по моим щекам, но я не произношу ни звука.

Он пришел сюда.

Я знаю это. Александр пришел сюда после моей квартиры и сделал это с ней.

На стойке лежит разорванная аптечка. Отрезанные полоски ткани, полотенца и кровь

повсюду.

Я пытаюсь осмыслить все это, когда дверь захлопывается за мной. И когда я поворачиваюсь, там стоит незнакомый мне мужчина с одинаково недоуменным и раздраженным выражением лица.

Он подносит телефон к уху рукой в кожаной перчатке и говорит.

— Небольшая проблема. Здесь женщина.

Я не слышу голоса на другом конце линии, но это может быть только один человек.

Мужчина передо мной пробегает глазами по моему телу и описывает меня, так будто он чертов патологоанатом. Нечеловеческим способом. Люди делают так, когда им нужно отключиться от ситуации. Когда они видят в человеке перед собой потенциальную угрозу.

Нож все еще в моей руке, прижат к боку, и он не знает, что он у меня.

Человек на другом конце провода говорит, а парень слушает.

Он похож на морпеха. И сейчас ему очевидно проводят инструктаж.

Мужчина кладет трубку и убирает телефон в карман. Следующим его движением, скорее всего, будет попытка взяться за пушку, спрятанную у него на боку. Или это, или он попытается меня задушить. Это более вероятный сценарий, так как этот способ тише и не очень-то чистый.

Но он не сделает ни того, ни другого, если у него не будет такой возможности.

Я бросаюсь на мужчину и вонзаю нож ему в брюхо.

Он хрипит и отшатывается назад, и мы оба тянемся к его пистолету. Он в шоке, но я быстрее.

За те секунды, что мужчине понадобились, чтобы осознать свою потерю, я прижимаю пистолет к его виску. И представьте себе, это гребаный «Глок». Спасибо тебе, Рори Бродрик, что поделился своими знаниями.

— На диван, — говорю я. — Живо.

Он не спорит. И я здесь не для того, чтобы придуриваться. Я не знаю этого парня, и технически он мне ничего не сделал. Поэтому, как только он падает на диван, я выскакиваю через входную дверь и бегу по коридору.

Когда я вижу Виски, я подхватываю его на руки.

Он мяукает, и я киваю.

— Знаю. Рори меня убьет.

— СКАРЛЕТТ.

Рори находит меня в своей кровати, завернутую в одеяло а-ля буррито.

Он садится рядом со мной, но не прикасается ко мне.

Виски выбирает именно этот момент, чтобы дать о себе знать слабым мяуканьем рядом с моей подушкой.

— Что это за чертовщина? — спрашивает Рори.

— Принесла тебе подарок.

Он молчит, и я протягиваю руку, чтобы коснуться его руки. Она теплая, сильная и твердая... и напряженная. Я сбежала от него прошлой ночью, и уверена, что какая-то его часть хотела бы уже покончить со всем этим.

Единственный известный мне способ получить то, что я хочу, — это манипуляция.

Это нечестно по отношению к нему.

Так что, может быть, хоть раз я попробую быть честной.

— Я сделала это, — шепчу я. — Я запятнала свою душу.

— Скарлетт.

Рори не хочет в это верить. Он качает головой, не хочет, чтобы мне было плохо, но мне сейчас плохо. И все же Рори забирается рядом со мной, а я выпускаю его в свою крепость из одеял, и Рори обнимает меня.

На нем слишком много одежды, и я хочу того, что может дать мне только Рори. Я дергаю за молнию его брюк, пытаюсь стащить их вниз.

— Нет.

Он останавливает мои руки, но не понимает этого. Мою грудь словно наполнили тротилом. Я вот-вот взорвусь.

— Мне нужно почувствовать тебя, — настаиваю я. — Мне просто нужно почувствовать трение твоей кожи о мою.

Рори не может мне отказать. Даже когда пытается, это только оттягивает неизбежное.

Он стягивает рубашку через голову и заключает меня в тиски своей крепости. Наши ноги переплетаются, и я хочу, чтобы он прямо сейчас оказался внутри меня.

В том месте, до которого еще никто не добирался.

— Я знаю, что ты устал от меня, — говорю я ему. — Но не отказывайся от меня.

— Скажи мне почему я не должен этого делать, — интересуется Рори. — Назови мне вескую причину, Скарлетт.

— Потому что ты нужен мне здесь, рядом со мной, — признаю я. — Когда я разделяюсь с остальными.

Звучит эгоистично, но честно. И Рори не пытается отговорить меня от этого. Это тревожный знак, если я его вообще уловила, потому что даже если Рори мягкий со мной... он не слабый.

— Я не хочу втягивать тебя, — объясняю я. — И знаю, что нечестно просить тебя об этом, но ты должен верить, что это к лучшему. Что я знаю, что делаю.

— Расскажи мне, что случилось, Скарлетт.

— Я сделала это, — повторяю я, потому что он все еще не верит мне. — Я убила кое-кого. И это все, что тебе нужно знать.

Губами Рори впился мне в шею, а затем он прокладывает путь к моему уху. Пальцами Рори тянется вниз по моей спине, чтобы сжать мою задницу и притянуть меня к себе; его сердце бьется в тандеме с моим.

— Позволь мне позаботиться о тебе, — говорит он. — Позволь кому-то другому делать грязную работу за тебя, куколка. Ты больше не одна.

Он не понимает.

Он уже дал мне больше, чем я могла бы у него попросить. Уютное место в моем жестком мире. Рори — единственное, что иногда напоминает мне, что я жива. Единственная вещь, которая кажется настоящей.

— Я пытаюсь быть терпеливым, — пробормотал он мне в шею. — Но не злись на меня, когда это терпение испарится.

Я тянусь к его бицепсам и притягиваю к себе.

Рори хочет контроля.

Он получит его. Прямо сейчас.

Он устраивается меж моих ног, он тяжелый, но не давящий.

Я пальцами пробегаю по спине Рори, твердой, мускулистой и теплой.

Мое тело полностью открыто для него. Расслабленное, и Рори может брать его, как ему

вздумается. Он подается вперед и упирается бедрами в мои трусики, проверяя меня.

— Ты уверена в этом?

Я провожу пальцами по его шее и притягиваю лицо Рори к своему.

— Трахай меня так, как будто ты меня любишь, — шепчу я. — Только на эту ночь.

Рори замирает надо мной, и с его губ не успевают сорваться слова. Слова, которые я боюсь услышать. Отвержение, признание... в любом случае я не справлюсь с этим. Я не даю им выплеснуться наружу, прижимаясь к его губам.

Тогда Рори набрасывается на меня.

Он языком проникает в мой рот. Рори стонет, пробуя меня на вкус. Одной рукой Рори обхватывает мой затылок, удерживая меня на месте, а другой рукой забирается в мои трусики.

Рори пальцами двигает внутри меня.

Он задает медленный темп, и так продолжается до тех пор, пока я не кончаю. На кровати происходит какое-то шевеление, пока он снимает свои джинсы и мои трусики, а затем мы прижимаемся обнаженными телами друг к другу в темноте.

Губами Рори завладел моим ртом, проникая внутрь языком. Он благоговеет, полон поклонения, целует меня везде. Сначала медленно.

И мы смакуем удовольствие.

Но Рори знает меня.

Он знает, что если я хочу, чтобы меня любили, это должно быть жестко.

Он любит меня сильно прямо сейчас.

Когда я ногтями впиваюсь в его спину, зубами Рори впивается в мою шею, и скользит по моей ноге вверх, чтобы обернуть ее вокруг своего торса.

Его следующий толчок глубже. Сильнее.

Я тянусь вниз, сжимаю его задницу и выгибаюсь для Рори.

Он шепчет мне на ухо.

— Ты единственная женщина, которую я трахал таким образом.

— Каким образом?

— Без резинки, — простонал он.

Я издаю звериный рык в ответ на его заявление. Мы — животные, поглощенные этим первобытным жаром между нами. Инстинкт берет верх.

Мы руками ощупываем, сжимаем и вдавливаем друг друга, сталкиваясь губами и зубами. Мы не можем насытиться. Безумие царит меж нами сейчас. Мы стремимся быть ближе. Глубже. Сильнее.

Нам нужно больше, больше, больше.

Мы ненасытны. И когда мы кончаем, это происходит подобно взрыву.

Когда Рори падает рядом со мной и зарывается лицом в мою грудь, он не произносит три маленьких слова, которых я так боюсь. Он произносит только два.

— Спасибо тебе.

Рори

— Привет, горячий парень, — приветствует меня Мак, шлепая по заднице.

Я бросаю взгляд через всю комнату на ее мужа — моего босса — но, слава богу, он не смотрит в нашу сторону.

— Пытаешься лишить меня пары пальцев? — невинно интересуюсь я у нее.

— О, да ладно тебе, — говорит Мак. — Лаку ли не знать, что не стоит пытаться надевать на меня поводок.

— Ага.

Я снимаю Киву с рук Мак, чтобы обнять ее.

— Думаю, да.

— С кем ты сегодня дерешься? — спрашивает она.

— Ни с кем.

— Ни с кем?

— У меня другие дела, — говорю я. — С Алексеем.

Мак молчит, но наблюдает. Эта женщина чертовски умна, и я не представляю, как Кроу успевает уследить за ней.

— Ей это не понравится, — говорит мне Мак.

— Я все решил.

— Не копайся в ее прошлом, — настаивает она. — Она должна сама тебе все

рассказать. — Я занят ребенком, но Мак все еще говорит за нее. — Скарлетт отвернется от тебя так быстро, что ты даже не заметишь, как это произойдет, — говорит Мак. — Ей нелегко впускать людей в свою жизнь, Рори. И она воспримет это как предательство, если ты будешь действовать у нее за спиной.

— Она уже рассказала мне кое-что, — признаю я. — Мне просто нужны имена.

Мак пристально смотрит на меня, и мне это не нравится.

Я был терпелив. Я позволил Скарлетт многое, что не позволил бы, если бы это была другая женщина.

И все лезут ко мне со своими дерьмовыми советами, полагая, что они знают лучше, что нужно мне.

Только сегодня утром Кроу ворчал и стонал, что я слишком долго не могу приехать в клуб, когда я ему так нужен. Он весь извелся, потому что я устроил встречу с Алексеем и поставил ее во главе своего списка важных дел.

Но он сделал то же самое для Мак, когда оказался в похожей ситуации.

И она сделала то же самое для своей подруги Талии, как того требовали обстоятельства. И все же они оба пытаются вдолбить мне прописные истины. Оставить Скарлетт на произвол судьбы и надеяться, что ее не убьет один из тех придурков — не вариант. И если они не могут этого понять, то это их проблема.

Я передаю Мак ребенка, и она хмурится.

— Я серьезно, Рори, — кричит она, когда я отступаю. — Если ты это сделаешь, ты поставишь крест на наших отношениях. Это факт.

Дверь захлопывается за мной, а через минуту мне звонит Кроу.

Я игнорирую звонок и сажусь в машину.

— **ВЫПЬЕШЬ** чего-нибудь? — спрашивает Алексей, когда я занимаю место в его кабинете.

— Нет, спасибо, приятель.

Он кивает и переходит сразу к делу, и это то, что мне нравится в этом парне.

Если есть кто-то, кого нужно найти, Алексей сделает это. Он профи по части компьютера, а насколько он силен в нем, проверять не приходится.

И хотя технически он не является членом нашего Синдиката, Алексей наш союзник. Поэтому он время от времени помогает нам в обмен на нашу помощь, когда она ему требуется.

Алексей уже накопил что-то на Скарлетт, он положил на стол папку с досье передо мной и оставил меня один на один с этими сведениями.

Уровень детализации оказался выше, чем я предполагал.

Каждая часть жизни Тенли Олбрайт отражена в этих бумагах. Важные этапы. Отчеты. Фотографии и новостные статьи.

Все это прямо здесь, в моих руках.

Я жажду этих подробностей. И это не кажется неправильным, как бы не пыталась меня убедить Мак. Я хочу знать все подробности о ее жизни, независимо от того, насколько глубоко придется копнуть.

Нет ничего удивительного в том, что моя девочка была гением даже двенадцать лет назад. Но она определенно не похожа на ту застенчивую, немного неловкую девочку с фото из семейного архива. Девочка, одетая в бальные платья и школьную форму.

Скарлетт не улыбается ни на одной из фотографий. И на ее лице печаль, которую она

больше не демонстрирует открыто, но печаль все еще живет глубоко внутри нее.

Я хочу знать, о чем она думает, когда вот так позирует рядом со своими друзьями и семьей, которая так отличается от ее нынешней жизни. Она не принадлежит этому миру, и никогда не принадлежала.

Теперь она принадлежит мне. И очень эгоистичная часть меня жаждет знать, как сильно она ненавидит этот мир и всех в нем.

Потому что теперь она в моем мире. В моей постели, в моей машине, в моих мыслях и на моих губах.

Они даже не знают, что она жива.

Дело о ее пропаже все еще открыто, не раскрыто.

Но за последние пять лет новостные заметки делались лишь для галочки. Изредка появляются сообщения о ее пропаже и фотографии Тенли, и кто-то интересуется, не видел ли ее кто-нибудь.

Они все отвернулись от нее. Память о ней со временем стерлась.

Неудивительно, что Скарлетт так и живет одна.

Быть так легко забытой всеми, кого ты когда-то знал. Быть отвергнутой собственной семьей. Мне больно за нее, и я прикасаюсь к ее лицу на фотографиях. Хотел бы я повернуть время вспять. Хотел бы спасти ее.

Я не могу изменить прошлое.

Но я могу сделать это для нее сейчас.

Того, что мне действительно нужно, нет в этой папке, и когда я смотрю на Алексея, он это знает.

— Она никогда не заявляла об этом открыто, — говорит он мне. — Так что найти имена будет нелегко. Но я составил список наиболее вероятных кандидатов, учитывая то, что ты мне рассказал.

В его отчете более пятидесяти имен.

— Ты, черт возьми, шутишь что ли? — спрашиваю я. — Неужели нет другого способа?

— Есть, — говорит Алексей. — Но полагаю, все зависит от того, насколько сильно ты хочешь, чтобы все оставалось в тайне.

Рори

Я проводил не так много времени в Нью-Йорке.

Бостон — это место, где я веду дела и провожу свободное время, не считая редких поездок в Ирландию к маме раз в пару лет.

Вполне логично, что Скарлетт притащила меня сюда, чтобы запустить маховик времени, спровоцировать те события, которые произошли с Итаном той ночью. Интересно, сколько еще поездок она совершила без моего ведома.

Адрес в файле — Парк-авеню.

Когда я вхожу в здание, замечаю, что оно располагается достаточно далеко от того, где сейчас живет Скарлетт.

Швейцар приветствует меня и спрашивает, к кому я пришел.

Я называю ему имена родителей Скарлетт, и он сразу же сообщает, что меня нет в списке. Когда я упоминаю, что хотел бы переговорить с ними об их дочери, маска вежливого слуги тут же слетает с его лица.

Он делает телефонный звонок, а затем без лишних слов провожает меня к лифту.

Когда дверь лифта открывается, меня встречает другая женщина в униформе горничной, которая приглашает меня войти в фойе.

— Вы хотите что-то рассказать о моей дочери?

Я моргаю, смахивая наваждение, которое представляет собой возникшая передо мной

женщина. Она совсем не похожа на Скарлетт. У нее суровые черты лица, и она холодна. Слишком высокая и худая, и судя по ее виду, при одном взгляде на меня у нее во рту появляется горьковатый привкус желчи.

Она оценивает меня, мой прикид (мои джинсы и линялую футболку), так, словно к ее порогу только что подбросили мешок с мусором. А в руке у нее чековая книжка.

Это неправильно.

Все это неправильно.

Скарлетт в этом месте. Прикасающаяся к чему-то из этих вещей. Одевающая эту одежду. Разговаривающая с этой женщиной, которая совсем не похожа на мою маму.

— Ну что? — говорит она.

— Не могли бы мы с вами начать сначала? — спрашиваю я. — Меня зовут Рори Бродик, миссис Олбрайт.

— Мне все равно, кто вы, — огрызается она. — Что вы хотите рассказать о моей дочери?

Я даю ей повод сомневаться. Она мать, которая потеряла свою дочь. Я могу только представить, какими были для нее последние двенадцать лет, когда она гадала и ждала ее возвращения домой. Мне нужно верить, что именно это сделало ее такой бесчувственной.

— Вообще-то, — говорю я, — я надеялся, что вы сможете рассказать мне кое-что о вашей дочери. Я бы хотел помочь.

Она качает головой.

— Вы не репортер, — говорит она. — Или житель Нью-Йорка, если уж на то пошло. Откуда вы?

— Я живу в Бостоне.

Она вздыхает и покорно кивает мне.

— Я так и думала.

Она кладет чековую книжку на стол и драматично пишет, прежде чем сделать паузу и посмотреть на меня.

— Сколько?

— Простите?

— Сколько будет стоить ваше молчание? — требует она.

— Я лишь хочу помочь, — говорю я ей. — Я просто хочу докопаться до правды.

— Мне нечего вам дать, — говорит она. — А если вы решите продолжать в этом копать, то не получите от меня ни цента.

— Неужели у вас нет никакого желания узнать, что случилось с вашей дочерью? — спрашиваю я.

— Я знаю, что случилось с моей дочерью, — говорит она. — У нее с самого начала были проблемы с ассоциативным поведением. Она не хотела слушать. Она была слишком заиклена на себе, чтобы заботиться о том, что по-настоящему важно. И теперь она разрушила эту семью, ведя жизнь, которую ведут только отбросы общества.

— Вы, черт возьми, должно быть, шутите, — огрызнулся я в ответ. — Вы знали, что она жива?

— Конечно, я знала.

Сухой звук вырывается из ее рта.

— Но дело...

— СМИ не нужно об этом знать, — безапелляционно заявляет миссис Олбрайт. — Им

лучше думать, что она мертва. И нам тоже, если уж на то пошло. Так что скажите мне, сколько мне будет стоить ваше молчание.

— Мне не нужны ваши деньги.

Она снова насмехается, и эта женщина — худшая из всех представителей человечества. Теперь я это вижу. Она из тех матерей, которые разводят своих породистых детей и выставляют их напоказ, как выставочных пони.

Скарлетт заслуживала большего.

Она заслуживала лучшего, чем такая мамаша, как она.

— Единственное, чего я когда-либо хотел, это чтобы ваша дочь была счастлива, — говорю я ей. — Но я понимаю, почему она покинула это место. Почему она оставила вас.

— Вы ничего не знаете, — рычит миссис Олбрайт.

— Я знаю, что если бы вы были хоть немного похожи на любящую мать, вы бы перевернули небо и землю, чтобы найти ее. Чтобы отомстить за нее. Но сейчас вам нет нужды беспокоиться об этом. У нее новая семья. Та, которая действительно заботится о ней.

Скарлетт

Пора смахнуть пыль с метлы. Сучка вернулась.

ВИСКИ быстро освоился у Рори в берлоге.

Я все жду, когда он спросит, откуда взялся кот или почему он здесь, но Рори не спрашивает. Он ничего не спрашивает, не велит коту слезть с кровати или слезть с его одежды, и не раз я ловила Рори на том, что он его гладит. Начали появляться вещи. Кошачьи вещи. Игрушки, миски, еда. Даже туалет.

Я их не покупала, так что остается только один возможный виновник всего этого кошачьего безумия.

Появляются вещи и для меня. Маленькие вещи. С каждым днем их становится все больше. Зубная щетка. Расческа. Фен.

Они появляются из ниоткуда, когда я не смотрю.

Рори не спрашивает, почему я провела здесь последнюю неделю.

Это упрощает дело, и так намного лучше. Он счастлив, а я не сею хаос, и думаю, что больше всего он любит, когда я нахожусь в его постели ночью. Жду его. Рори — педант, существо, подчиненное привычному распорядку. Он приходит поздно вечером, принимает душ и проскальзывает в кровать позади меня.

Мы перекидываемся парой слов, сказанных шепотом, а потом он внутри меня. Поверх меня.

Так, как ему нравится.

Сегодня ночью, когда мы лежим в темноте, и он на грани того, чтобы заснуть, я думаю, как долго это будет продолжаться.

Я не могу вернуться в свою квартиру.

Александр жаждет крови, а я не могу целыми днями валяться у Рори и разлеживаться.

Сначала я должна найти его.

Я должна покончить с этим.

— Ты не вернулась в свою квартиру.

От звука голоса Рори я пугаюсь.

Он всегда засыпает после того, как трахает меня.

Но сегодня Виски лежит у него на груди и мурлычет. Мне немного обидно, что кот так быстро к нему привязался. Мне пришлось заслужить его доверие. Но Рори? Он был зачислен в братство одним поглаживанием по голове.

Типичные гребаные мужики.

— Ты бы предпочел, чтобы я спала дома в своей постели? — спрашиваю я.

Рори кладет Виски между нами и переплетает свои ноги с моими, тянется, чтобы коснуться моего лица.

— Я бы предпочел, чтобы ты была в моей постели каждую ночь, — говорит он. — Если быть предельно честным.

— Ну, если быть предельно честной, то мне здесь нравится. Так что, может быть, я останусь здесь с ночевкой на пару дней. Думаю, мне понадобится новая квартира.

— Я знаю, что у тебя была нелегкая жизнь, Скарлетт, — говорит Рори. — И я знаю, что у тебя есть причины никому не доверять. Но есть кое-что, что я хочу сказать.

Я прижимаюсь к шее Рори и вдыхаю его запах, расслабляясь в его объятиях. Бывают такие моменты, когда его сила так осязаема для меня, так мощна, что ничто другое не может меня тронуть. Я никогда ни на кого так не опиралась. В такие моменты легко потеряться. Забыть, почему я так стремилась уничтожить своего единственного настоящего союзника.

Рори силен и умственно, и физически. Но у него есть один фатальный недостаток.

Это потребность заботиться обо мне.

— Я уже говорил тебе однажды, что не хочу играть с тобой в игры, — говорит он. — Что я покончил с этим. С тобой. Я ошибался, Скарлетт. Потому что если я и хочу, чтобы ты знала что-то одно, так это следующее. Я никогда не откажусь от тебя. Я никогда не стану таким, как те люди, которые ушли из твоей жизни и причинили тебе боль. Я всегда в твоём углу ринга. И я буду сражаться за тебя каждый день до конца своей жизни, пока ты будешь рядом со мной.

Я не знаю, откуда все это вылезло. Но его слова превращают меня в параноика. Что-то изменилось, и мне нужно знать, что именно.

— Пришло время пойти с козырей, — говорит он. — Я просто выложу тебе все, куколка. Я хочу пройти через все с тобой, Скарлетт. Да, хочу все испортить. Я хочу, чтобы у нас все было по-семейному. Я хочу дать тебе свою фамилию. И я готов бороться за эти вещи. Так долго, как потребуется. Так что можешь отталкивать меня, но я никуда не уйду. И мне нужно, чтобы ты это знала.

Господи.

Вот оно. Вот так я и помру.

У меня сейчас будет инфаркт. Я не могу дышать, у меня кружится голова, и все, на чем я могу сосредоточиться, это слова, которые он только что впечатал в мой мозг. Дети, брак и то, чего никогда не будет.

Я сажусь и хватаюсь за грудь.

— Я говорила тебе держаться от меня подальше, — кричу я на него. — Ты должен был слушать меня. Я не смогу дать тебе все то, чего ты так страстно желаешь, Рори.

Он молчит, но его рука тянется к моей. Наши пальцы переплетаются, и эта тонкая нить внутри меня вот-вот лопнет.

Я не знаю, как это произошло.

Я должна была стать той, кто его поймает.

Но вместо этого он поймал меня.

Я никогда не признаю этого.

Я никогда не признаю, что он сделал это со мной.

И мне нужно за что-то ухватиться. Что-то, что заставит меня почувствовать себя прежней.

— Ты достал мое досье? — обвиняю я его. — Верно?

Мертвая тишина.

Его пальцы сжимаются вокруг моих, и я получаю ответ.

— У меня не было выбора, — говорит он. — Мне нужно было знать, с чем мне предстоит иметь дело. Мне нужно защитить тебя.

— Тебе понравилось то, что ты нарыл? — спрашиваю я. — Чувствуешь ли ты теперь себя оправданным? Потому что я чувствую себя чертовски беспомощной?

— Я видел твою мать, — выплевывает он.

Вот и все. Вот и конечная. Мы вернулись к тому, где этим отношениям и место.

— Черт. Я не знаю, почему я это сделал, Скарлетт. Я только хотел позаботиться о тебе.

Мысленный образ его и моей матери вместе в одной комнате, говорящих обо мне... это как-то чересчур.

— Пошел ты.

Я спрыгиваю с кровати и хватаю одежду.

Рори настигает меня, и я выхватываю нож и целюсь прямо ему в сердце.

— Приблизись, и на этот раз я не промахнусь.

— Скарлетт.

Голос Рори печален, он сломлен и именно такой, каким и должен был быть в моих мыслях. Но он виноват в этом, и моя милость по отношению к Рори исчерпана. Насколько это вообще возможно.

— Тебе следовало держаться подальше, — говорю я ему снова.

— Не уходи.

— Я говорила тебе, — говорю я. — Я, блядь, предупреждала тебя. И теперь тебе лучше быть начеку, Рори.

Скарлетт

Виноваты не звезды, а наши сердца — эти бессмертные инструменты, которые продолжают биться, несмотря на наши самые доблестные попытки их уничтожить.

БЕЗ ПОНЯТИЯ, почему я здесь.

Ничего не изменилось.

Моя мать все также ходит по магазинам и пьет, как и каждую среду днем. Я наблюдаю за ней через окно. За этой идеально ухоженной и абсолютно несчастной женщиной.

Она одна может поддерживать бизнес по производству ботокса наплаву.

Потому что она не хочет демонстрировать ничего настоящего или истинного.

Она всегда была такой. Она родилась несчастной и умрет несчастной.

Но этот секрет она унесет с собой в могилу.

Важно лишь то, как ее жизнь выглядит со стороны.

Людей не волнует, что в подсобке идет вражда между работниками, когда в витрине магазина выставлены гламурные вещи. Моя мама держит магазинчик по продаже гламура и глянца массам.

Красивые слова и практичные темы для разговоров. Консервативная, но модная одежда и лицо, неподвластное времени и законам гравитации.

Она заняла свое место под солнцем, как предписано родословной. Как и полагается Олбрайт. Она вышла замуж за старого богача, и у нее родился ребенок, как и полагалось. И тогда все пошло наперекосяк.

Я так и не смогла встать в строй, как должна была.

У меня было так много привилегий, что меня от одной мысли об этом тошнило. Я была благословлена всем. Во всей этой ситуации была одна критическая проблема. Я просто была не в состоянии играть ту роль, на которую меня выбрали. Я честно старалась, но так и не

смогла стать той, которой меня хотели видеть. Она никогда не могла этого понять.

Она боролась за то, что имела всю свою жизнь. Она вгрызалась в это зубами и ногтями.

Она никогда не знала другого пути.

А все, что делала, я — это была разочарованием всей ее жизни.

Я смотрю в окно, как она потягивает свое шампанское чуть больше тысячи долларов за бутылку, и впервые в жизни мне становится по-настоящему ее жаль.

Мне жаль ее.

Моя мать никогда не узнает, что такое простое удовольствие — сказать кому-то «отвали». Делать что-то потому, что она хочет этого, а не потому, что от нее этого ждут.

Она никогда не узнает свободы в чистом виде, с теми цепями, в которые она так тщательно себя заковала.

Этот мир принадлежит ей, и мне здесь больше не место.

Ее мир никогда не был моим.

Но сейчас я понимаю это больше, чем когда-либо. Путь, который я наметила для себя, — единственный, по которому я могла бы пойти.

И мне нечего ей сказать.

Мне нечего сказать никому здесь. Кроме трех последних имен в моем списке.

Осталось всего три имени перед тем, как я по-настоящему сброшу оковы этой жизни.

ПОЕЗД кажется старым, хотя в Нью-Йорке я никогда не передвигалась на общественном транспорте. Олбрайты предпочитали личные авто для передвижений по городу.

Первый раз я села на поезд в тот вечер, когда уезжала отсюда. Я не знала, куда хочу поехать. Я просто взглянула на табло и выбрала следующий по расписанию поезд.

Так я оказалась в Бостоне.

С тех пор я ездила этим маршрутом туда и обратно несколько раз. Ни один из них не был таким мрачным, как в тот первый раз.

Теперь это больше похоже на приключение.

Мне нравится смотреть на людей и придумывать о них истории в своей голове. Я избегаю бизнесменов и ищу выделяющихся в толпе. Тех, у кого яркая одежда или чудоковатые татушки. Например, вон тот парень, читающий книгу по самосовершенствованию о том, как завоевать друзей.

Такие найдутся в каждой толпе незнакомцев.

Но сегодня все совсем иначе. Или, может быть, это я изменилась.

Мой взгляд останавливается на мужчине через два ряда напротив меня, читающем газету.

Нет ничего особенного, что привлекло бы мое внимание к нему. Просто ощущение, что, возможно, мы уже встречались с ним раньше.

Но он не бывший клиент и точно не житель Нью-Йорка.

Он старше меня. Думаю, ему около тридцати. Привлекательный какой-то грубоватой красотой. Военный насквозь. Он часто осматривается по сторонам и смотрит на всех, кроме меня.

Я — девушка, внимательная к деталям.

Всегда была такой.

Я подмечаю то, что другие обычно не замечают, потому что они так погружены в себя.

Например, как его брюки поднимаются чуть выше лодыжек, когда он сидит, и как одна из его лодыжек меньше другой.

Не меньше, а искусственная.

Я узнаю сустав протеза, потому что на улице есть девушка — Кеша, которая тоже носит такой протез. Как ни странно, существует целый фетиш на такие вещи, и девушка делает на этом деньги. Она любит повторять, что лучше, что случилось с ней — это ампутация ноги.

Но этот парень, рискну предположить, потерял свою в зоне боевых действий.

Его рука тоже покрыта шрамами, но поскольку он одет в куртку, о степени его увечий остается только гадать.

Взгляд на него заставил меня внезапно подумать о Сторм.

Я давно ее не видела. Но теперь, когда я снова в игре, это, вероятно, скоро изменится.

Я забываю о человеке с протезом, когда выхожу на станции Бэк-Бэй. Теперь у меня на уме только одна цель, и зовут его Куинн.

У него сегодня встреча, и он понятия не имеет, что я тоже получила напоминалку.

Зал ожидания шикарный, заполнен обычными подозреваемыми.

Несколько золотоискательниц разглядывают конкуренток, когда я сажусь, и воротят носы при виде меня. У меня нет легендарной сумки Birkin, а на ногах отнюдь не «лабутены», так что это означает, что я — отброс.

Я скрещиваю ноги и поворачиваюсь к бару. Они понятия не имеют, что у меня может быть сумка Birkin, если я того очень захочу. Или сто пар «лабутенов», если бы я захотела.

У меня такой трастовый фонд, что их будущие мужья покажутся им мелочью.

Когда моя мать узнала, где я, она быстренько и без шума перевела все деньги на мое имя.

У меня нет никаких опасений по поводу того, что спущу их на ветер. Эти деньги никогда не принадлежали ей, а скорее моим дедушкам.

И один из них однажды, на смертном одре, шепнул мне на ухо, что я должна жить, пока есть такая возможность. Что я должна тратить деньги по своему усмотрению, наслаждаться жизнью и радоваться каждому дню, который мне дан.

Он хотел, чтобы у меня были эти деньги.

И моя мать была спокойна, зная, что это означает, что ей не придется больше меня видеть.

Так что я взяла их. Но я, конечно, не разбрасываюсь ими.

Я поступаю так, как советовал мой дедушка. Время от времени я балую себя тем, чего мне действительно хочется. Мороженое, туфли, нижнее белье La Perla.

Сегодня это было черное платье, которое я надела.

Когда Куинн войдет в бар, оно не ускользнет от его взгляда.

А когда бармен подойдет, я закажу «Грязный мартини».

Куинн не пропустит и это.

Я делаю маленькие глотки и играю с телефоном, проверяя бар каждые несколько минут, чтобы убедиться, что не пропустила его.

Рядом со мной садится не Куинн. А тот мужчина из поезда. Тот, что с протезом ноги.

Это не совпадение.

И все же он не произносит ни слова.

Как и я.

Кто-то из нас должен заговорить первым, но это точно буду не я.

Он снимает пиджак и откидывает его на спинку стула, и краем глаза я замечаю татуировку, выглядывающую из-под рукава его рубашки.

Костяная лягушка.

Он выжидает, пока ему не наливают его напиток — старое доброе разливное пиво, — чтобы затем обратить свое внимание на меня.

Это продуманный ход с его стороны, он пытается выбить меня из колеи долгим молчанием. Это тоже работает, по крайней мере, чуть-чуть, но я этого не показываю.

— Могу я купить вам еще выпить? — спрашивает он.

Только вот это уже не действует.

— Извини, приятель.

Я улыбаюсь.

— Думаю, тебе лучше пойти в другое место, если ты хочешь выпить «Раздавленную лягушку». Это не совсем то заведение.

Он улыбается в ответ, и в глазах появляются смешинки.

— Что меня выдало?

— Если кто-то ходит как морской котик и говорит, как морской котик, то это, скорее всего, гребаный морской котик.

— Уже нет, — говорит он.

— Я так и думала, — говорю я ему. — При вашей-то больной ноге.

— От тебя практически ничего не ускользнуло, да?

— Единственное, что меня интересует, так это то, почему вы тратите свое время, сидя здесь рядом со мной в этом баре.

— Хорошо. — Он складывает салфетку под пиво, сворачивая ее своими ручищами, продолжая говорить. — Просто подумал, что ты должна знать, что Куинна не будет здесь сегодня вечером.

Его подколка перестала быть приличествующей обстоятельствам.

— Дайте-ка угадаю. Он нанял вас в качестве личного охранника. Это, скорее всего, какая-то идиотская шутка.

Я встаю, чтобы уйти, но он тянется к моей руке и останавливает меня. Однако, когда я смотрю на него, он быстро отдергивает руку.

— Я не его охранник, — говорит мне незнакомец. — На самом деле, мы с ним даже не знакомы. Но я знаю тебя, Тенли. Или лучше мне звать тебя Скарлетт?

В его голосе нет злобы. Но я, тем не менее, начинаю волноваться.

— Что это значит?

— Расскажу, если позволишь, — говорит он. — В более приватной обстановке, если не возражаешь.

Я уже собираюсь сказать ему, чтобы он отвалил, когда он показывает мне значок.

Гребаное ФБР.

— А у меня есть выбор? — спрашиваю я. — Или мне стоит ожидать еще кого-нибудь?

— Ты можешь мне доверять, — говорит он. — Я не такой, как Ройс.

Резко захотелось свалить. Но что-то в его глазах удерживает мои ноги на месте. Забавно, но я верю, что он один из хороших парней, даже если мужчина собирается превратить мой день в чертов ад. И я также убеждена, что, скорее всего, захочу послушать, что он мне скажет.

Я киваю ему, и он берет свою куртку, жестом приглашая меня следовать за ним.

Мы поднимаемся на лифте на крышу.

— Это та часть, где вы меня отправляете к праотцам, верно?

Он качает головой и закрывает за нами дверь, показывая мне, что она не заперта.

— Ты можешь уйти в любой момент, если не чувствуешь себя в безопасности.

Я скрещиваю руки и смотрю на город, ожидая, что он скажет мне, зачем вообще притащил меня сюда.

— Меня зовут Букер Кейс, если тебе интересно.

— Очевидно, мне нет нужды представляться, — отвечаю я.

— Я уже некоторое время шпионю за Ройсом, — говорит он мне.

— Полагаю, это означает, что вы также шпионите и за мной. — Он кивает. — Это все равно не объясняет, откуда вам известно о его друзьях. Я никому не рассказывала.

— Тебе и не нужно было этого делать, — говорит он. — У Ройса есть свой список Шиндлера.

Список?

Господи, я даже не хочу думать, что это может быть реальностью.

— Как я могу быть уверенной, что хоть что-то из того, что вы мне здесь плетете, правда? — спрашиваю я его. — Я к тому что, власти начали типа принимать всех с ампутированными конечностями в академию ФБР?

— Несколько лет назад был случай, — говорит он мне. — Раненый ветеран. Это создало прецедент. Пока я полностью способен выполнять свои обязанности, это не проблема.

Это звучит законно, но я не знаю. Я вообще не знаю, что делать с этим парнем.

— Почему вы вообще следили за Ройсом? — спрашиваю я.

— У меня были подозрения на его счет. Большинство из них были необоснованными. Я не хотел передавать все, что накопал на него в бюро, пока не буду окончательно уверен.

— И вы говорите мне об этом? Почему?

Я знаю, почему, но, черт возьми. Мне нужно услышать, как он это произнесет. Мне нужно, чтобы он сказал мне, как я облажась.

— Я не виню тебя за то, что ты жаждешь их смерти, — говорит он. — Они заслуживают ее, за то, что они сделали с тобой.

Я смотрю мимо агента, чтобы не видеть его взгляда. Чтобы не видеть выражения его лица, когда он говорит о моем прошлом.

— Я не знаю, что случилось с Итаном, — продолжает он, — но подозреваю, что это было не ограбление. А что касается Трипа? Его передозировка вызывает сомнения, но это возможно, учитывая его историю с злоупотреблением запрещенными веществами.

Я жду, когда молоток упадет. Либо он собирается шантажировать меня, либо отправит меня за решетку в модном оранжевом комбезе.

— Ройс становится все более безрассудным. И у него всепоглощающая одержимость тобой, которая с каждым днем становится только сильнее.

На этот раз я встречаюсь с ним взглядом. И я говорю это словами, которые агент в состоянии понять.

— Вы воевали, — говорю я. — Вам, как никому другому известно, что некоторые люди настолько ебанутые на всю голову, что единственная гуманная вещь, которую можно сделать, это подвергнуть эвтаназии.

— Возможно, это правда, — соглашается он. — Но это не зона боевых действий, Тенли. И я не могу позволить тебе убить его.

Я чувствую, как это происходит. Кирпичи и раствор моего тщательно выстроенного дома мести рушатся сами собой. Он забирает у меня мое право вершить свою месть, и я ненавижу его за это.

— Так что вы предлагаете? — огрызаюсь я в ответ. — Просто позволить ему убить меня? Так обычно все и заканчивается. Или хотите сказать мне, что мне стоит получить судебное решение о запрете приближаться ко мне ближе, хуй знает, сколько метров, и помахала им перед его лицом, когда он придет за мной?

— Зависит от обстоятельств, — отвечает он. — Расскажи мне о Кайли и ее подруге Кэти.

Я отворачиваюсь. Но мою реакцию не скрыть. Букер — не бизнесмен, ищущий дешевых острых ощущений.

Он загнал меня в угол, и ему это прекрасно известно.

— Я хочу засадить его навсегда, — говорит он. — Но для этого мне нужна твоя помощь.

— Не-а. — Я качаю головой. — Ни за что, блядь. Решили поиздеваться надо мной? Думаете, тюрьма его остановит? Если он вообще доберется до тюрьмы. Я знаю, как все это работает, понятно. Вы просите меня выступить перед судом и свидетельствовать против него?

— И Куинна, и Дюка.

— Это чертова шутка, — пробормотал я. — А какова вероятность выиграть это дело? Ни малейшего шанса. Нет никаких доказательств. Мое слово против их слов.

— Есть еще дневник, — говорит он мне. — Трип все записал. Признание.

— Этого недостаточно. Люди думают, что я мертва, и я бы очень хотела, чтобы они продолжали так думать.

— К сожалению, — говорит Букер. — Те, кто важен, в курсе, что ты жива. Так что ты правда скоро умрешь, если не пойдешь на это, Тенли. Потому что я не смогу защитить тебя, если ты не согласишься дать показания.

— Нет, — говорю я ему снова. — Категоричное и бесповоротное «нет».

Я иду к двери, и агент останавливает меня, произнося:

— Дело не только в тебе, — говорит он. — Как думаешь, сколько еще женщин он убьет, прежде чем доберется до тебя?

Моя рука дрожит на ручке.

— Вы не вправе взваливать все это на меня.

— Он собирается вывести тебя на чистую воду, — говорит Букер, и в его голосе звучит покорность. — Есть твои фотографии. Кучи улики. Сын сенатора и многие другие. Он уже связался с несколькими новостными изданиями.

И он загнал меня в угол, потому что я точно знаю, что это правда.

Я поворачиваюсь и встречаю агента взгляд. Я никогда в жизни никого не умоляла, но сейчас я хочу умолять его. Чтобы он прекратил это. Я хочу верить, что он хороший человек.

Как Рори.

Я могу сказать, что он уважает женщин. Он уважает меня. Но хороших поступков не бывает.

— Какой вам от того прок? — спрашиваю я его. — Что получите лично вы за помощь мне?

Он отворачивается, испытывая отвращение к себе, вину... и я права. Я всегда права.

— Когда все закончится, — говорит он. — Я попрошу тебя оказать мне услугу.

— Прости, мистер Трепло. Я не оказываю услуг подобного рода. Вам придется оговорить условия заранее, или и речи не может быть ни о какой сделке.

Его взгляд переместился на небосклон, и он рассеянно потер шрамы на тыльной стороне руки.

— Сорм.

Что ж, вот сюрпризик.

— А что с ней?

— Мне нужно знать, где я могу ее найти.

Я не говорю ему, что не знаю, потому что сейчас это единственный козырь, который у меня есть. И к тому же лучше позволить людям поверить, что они получают от вас то, что хотят.

— Ты лучше всех знаешь, как ее найти, — добавляет он.

— Что вам от нее нужно?

Букер не отвечает. Но в его глазах есть что-то, что говорит мне, что для него это личное. Он желает ее сильно.

Достаточно сильно, чтобы шантажом заставить меня поступить правильно. И я предполагаю, что он не из тех, кто часто идет на сделку с собственной честью.

Но это неважно.

На улицах у нас есть своя Омерта.

Я бы не отдала ее ни за какие его посулы. Но ему не нужно этого знать.

— Хорошо, — говорю я. — Если я сделаю это, вы избавитесь от всех улик против меня?

Он кивает.

— У моей матери будет чертов сердечный приступ, когда она узнает.

— Возможно, — соглашается он. — Но она не была для тебя матерью, так что я бы не стал беспокоиться о ее чувствах.

— Только вот не нужно притворяться, что знаете меня, — предупреждаю я его. — Вы не знаете меня, независимо от того, что нарыли на меня. Вам известно только то, что написано на бумаге.

Букер игнорирует мою колкость и кивает мне.

— Тогда давай сделаем это. Давай покончим с этим. Я дам тебе неделю на размышление, — говорит он.

— Тут и думать не о чем, — возражаю я. — Хотите, чтобы я это сделала или нет? Нет смысла возиться...

— Есть еще кое-что, о чем тебе стоит знать, прежде чем ты дашь свое согласие.

Что бы это ни было, мне это не понравится.

— Этот вид суда будет сложным. Затянутым. СМИ будут шнырять повсюду. За тобой будет пристально наблюдать бюро, репортеры, жаждущие крови враги.

— И что вы хотите сказать?

— Рори Бродрик, — едва слышно произносит он.

И вдруг все, что было таким ясным, стало вмиг очень туманным.

Рори.

— Не хочу показаться самонадеянным, — говорит Букер, — но рискну предположить, что он тебе безразличен.

Он воспринимает мое молчание как утвердительный ответ.

— Если ты не хочешь вмешивать его во все это... если не хочешь вызвать подозрения

Синдиката, обрушив на них весь жар этого суда, тогда тебе стоит держаться от него подальше.

И вот оно.

Моя ясность.

Этим утром отношения с Рори были такими туманными. Мутными, запутанными и неопределенными. Но слова Букера расставили все по полочкам, поделив все на черное и белое. И прямо сейчас мне приходится столкнуться с очень реальными чувствами, которые я так старалась отрицать.

Я забочусь о Рори.

Я влюблена в него.

И это настолько реально, насколько это вообще возможно для меня.

— Зачем вам все это? — спрашиваю я Букера. — Зачем предупреждать меня? Если вы в курсе, чем они занимаются...

— Я не считаю Рори Бродрика плохим человеком, — говорит он. — Но практика преступных Синдикатов в целом одинакова во всем мире. Если они застукают тебя мило беседующей с федералами, что, по-твоему, произойдет?

Я знаю, что произойдет.

Рори не причинит мне вреда. Но Лаклэн? Я не уверена. Я подруга Мак, но если ему придется выбирать между защитой своей семьи и мной, он всегда выберет свою семью.

— Он хороший человек, — говорю я Букеру. — Рори никогда бы не причинил мне вреда.

— Знаю, — говорит он. — Я видел вас вместе.

Остальные слова застряли у меня в горле, но Букер все прекрасно понял.

— Как и ты. Ты не причинишь ему вреда.

Он прав.

Я не могу втянуть его в этот беспорядок. Чтобы он завяз в этом еще глубже. Я не могу рисковать его жизнью или его отношениями с Синдикатом.

Мне нужно, чтобы он меня ненавидел. Только так он меня отпустит. Он сам так сказал. Что он готов сражаться за меня. Что он никогда не сдастся.

Я закрываю глаза, и дрожь прошивает мое тело.

Я паду на свой меч ради него. Чтобы защитить его. И любить его единственным способом, на который я способна. Держа его как можно дальше от себя.

Давая ему реальный шанс на счастье. С кем-то, кто этого заслуживает.

Букер ждет меня, когда я открываю глаза. Ждет слов, которые, как он уже знал, прозвучат.

— Мне понадобится твоя помощь.

Рори

Уже поздно, и большинство парней ушли из зала, но Конон остался. Ему не терпится вернуться к Айви, но я все равно заставляю его провести со мной спарринг.

Когда дверь открывается, и это Скарлетт, Конон выпускает вздох облегчения.

Я никогда не знаю, что меня ждет с ней.

После того, что произошло ранее, я наполовину ожидал, что она снова исчезнет от меня. Но вот она здесь, выглядит мягкой, милой и... какой-то другой.

Я не могу понять, что изменилось.

Смирилась, может быть.

Грусть?

Не знаю.

Она подходит и обхватывает меня за талию, притягивая к себе.

— Свали, Конон, — говорит она.

— Сама свали, — отвечает он.

— Конон.

Он переводит взгляд на меня, и кажется, что парень наконец-то отрастил яйца.

— Отвали, — говорю я ему.

Он так и делает.

В зале пахнет кровью. Запах смешивается с ароматом ее парфюма, и я возбуждаюсь от

этого еще до того, как Скарлетт начинает рвать на мне одежду.

Мы не говорим друг другу ни слова.

Это просто сырой, первобытный трах на полу, словно мы с ней ненасытные животные, которыми мы и являемся. Скарлетт скачет на мне, а потом я переворачиваю ее, ставя на колени, беру ее сзади, пока я дергаю ее за волосы и требую, чтобы она скакала на моем члене всю ночь напролет.

Половина слов, слетающих с моих губ, не имеет никакого критического смысла, даже для моих собственных ушей. Но это неважно.

Важно лишь то, что она знает.

Ей не уйти от меня. Скарлетт не может оттолкнуть меня. Я, блядь, не позволю ей.

Я кончаю в нее дважды, прежде чем мы, наконец, валимся без сил. Голые и задыхающиеся, но я все еще не могу ее отпустить. Рукой обхватываю ее спину, а Скарлетт прижимает лицо к моей груди.

— Ты действительно зверь на ринге, — говорит она.

— Ты когда-нибудь сомневалась, что я не такой?

— Нет. — Она улыбается мне. — Все при тебе, Рори Бродрик. Внешность, обаяние, тело Аполлона и эти твои ямочки.

Это единственный комплимент, который она когда-либо делала мне, и мужчина во мне бьет себя в грудь. Но я все равно не могу удержаться, чтобы не спросить.

— Что изменилось? Я думал, что раньше ты была твердо намерена порешить меня.

— Ничего не изменилось, — говорит она, и голос у нее при этом слишком беспечный, и я ей не верю. — Давай назовем это временным перемирием. Иногда тебе просто нужно напоминание о том, как хорошо то, что у тебя есть, пока оно не исчезло.

Ее слова — угроза, но облечены в шутку. Опять же, со Скарлетт трудно сказать, шутит ли она.

— Назови мне их имена, — настаиваю я. — Я со всем разберусь, куколка. Я высосу из них кровь и заставлю их страдать за свои грехи, а когда я закончу, ты можешь трахать меня до беспамятства.

На этот раз ее улыбка грустная, призрачная.

— Ты действительно это сделаешь, — говорит она. — Правда?

— Я имел в виду то, что сказал. Я всегда буду бороться за тебя, сатана.

— Я все еще ненавижу тебя, знаешь ли, — говорит она.

Я наклоняюсь и целую Скарлетт, и мой член снова готов к следующему раунду.

— Тогда ненавижу меня так, как будто ты говоришь это серьезно, плохая девочка.

— Ты не можешь хотеть меня снова, — пробормотала она.

— Попробуй сказать ему это.

С этими словами обхватываю ее рукой свой член.

Скарлетт дает мне то, чего я хочу.

Она дает мне это всю ночь напролет.

КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ, кровать со стороны Скарлетт уже остыла.

И на ее подушке красовался клочок бумаги.

Асталависта, Бэйби.

Взгляд на часы подтверждает, что уже поздно. После полуночи. И Скарлетт может заниматься только одним.

Я надеваю джинсы и футболку, не утруждая себя душем, и начинаю обходить те места,

где она обычно тусуется.

Я обошел три разных бара, прежде чем нашел ее.

Дьяволица в красном платье. Эти ноги — чистый секс. Она самая красивая женщина здесь, и она не одна.

Она снова решила поиграть.

Это мой первый вывод.

Второй — что я сейчас быстро покончу с этим.

Но всего один взгляд на парня, и что-то не сходится.

Он одет не так, как богатые придурки, за которыми она обычно охотится. И рядом с ними на барной стойке стоят два пустых стакана. Они здесь уже некоторое время, разговаривают и... смеются.

Она смеется вместе с ним.

Он замечает меня, и наклоняется к ней, шепча ей что-то на ухо. Язык их тела слишком знаком, чтобы быть чем-то новым. Что-то определенно не так.

Я подхожу к Скарлетт. Он смотрит, но она повернута ко мне спиной. А потом она наклоняется и...

Она целует его.

Скарлетт

Просто слова мне не нужны. Если это все, что у тебя для меня есть, лучше уйди.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

БУКЕР и правда добивается того, чего хочет.

Его рука на моем затылке, его губы движутся по моим, и он целует меня, как человек, который жаждал этого годами.

Когда я наконец отстраняюсь, я задыхаюсь, волнуюсь и все еще не могу выкинуть из головы выражения лица Рори.

Я даже не знаю, там ли он еще.

Не знаю ничего, кроме этой боли внутри меня.

— Думаешь, он купился? — выдавливаю я из себя.

— О, он купился, — говорит Букер. — Извини, я немного увлекся. Давно не виделись.

— Когда-нибудь тебе придется сказать мне, о ком ты на самом деле думал.

Я пытаюсь выглядеть счастливой, но улыбка больше похожа на гримасу.

Букер потирает шрамы на руке, и мне приходит в голову, о ком именно он думал.

Сторм?

Вот почему он хочет ее разыскать.

Интересно, знает ли он ее?

Я цепляюсь за эту мысль, потому что это отвлекает, и это то, что мне нужно прямо сейчас — отвлечься. Пока я совершаю свой последний поступок в роли этой суки с холодным сердцем.

— Скарлетт.

Голос Рори глубокий и угрожающий позади меня.

Приверженность этой идее исчезает в его присутствии. И я смотрю в глаза Букера, ища

в них необходимую мне решимость.

Может быть, будет лучше, если я просто позволю Александру убить меня.

Или мне лучше отправиться за решетку.

Любой вариант может быть лучше, чем это.

Рори этого не заслуживает.

Но Букер точно знает, о чем я думаю. Он сжимает мою руку в знак поддержки. Напоминание о том, что я делаю это, чтобы защитить и Рори.

Именно на этом я сосредоточилась, пока собирала силы для последнего выступления. Такого хорошего, что даже Рори Бродрик не поймет, что я притворяюсь.

Он будет в безопасности.

ФБР его не тронет. Александр не тронет его. И Синдикат не подумает, что он предал их из-за меня.

Я поворачиваюсь на табурете и фокусируюсь прямо над его глазами. Я заперла себя. Я же выбросила ключ от спасительной двери.

Я могу это сделать.

— Что ты здесь делаешь? — огрызаюсь я.

— Объяснишь?

Это звучит как вопрос, но это не так, потому что он стаскивает меня с табурета за руку. А Букер идет следом, как мы и планировали.

— Убери от нее свои руки, — говорит ему Букер.

И надо отдать ему должное, он тоже неплохой актер.

Но Рори есть Рори... поэтому он просто смотрит на него и говорит, чтобы он отвалил.

— Все в порядке, — говорю я Букеру, как мы и планировали. — Мне нужна всего минута. Принеси мне еще выпить, ладно?

Он колеблется, потом кивает и идет обратно в бар. Оставляя меня наедине с Рори, а это опасное место.

Один неверный взгляд, одно малейшее колебание, и он узнает.

Я не могу позволить себе что-то чувствовать. Я не могу позволить себе потерпеть неудачу.

Я должна защитить его.

Я должна сделать то, что причиняет наибольшую боль, чтобы он не расплачивался за мои грехи.

— Какого черта ты делаешь? — требует он. — Ты была в моей чертовой постели час назад, Скарлетт. Мой член все еще не остыл от твоего жара. Или ты так быстро забыла?

— Мы закончили, — говорю я ему.

Наступает долгая пауза, и Рори хватает меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. Действительно посмотреть на него.

— Это не чертова шутка, — говорит он. — Или очередной раунд твоей игры. Я имел в виду то, что сказал о борьбе за тебя. Но это уже переходит все границы. Ты хочешь, чтобы я убил этого беднягу? Потому что именно это здесь сейчас и произойдет.

— Этот бедняга — моя новая игрушка, — говорю я. — И между нами все кончено.

Его ноздри раздуваются, а пульс в горле бьется опасным стаккато. Рори закрывает глаза и вышагивает передо мной, бицепсы напряжены.

Затем он поворачивается и ударяет кулаком в стену.

— Хуууууллии, — рычит он.

Это не помогает.

Однажды он рассказал мне, как раньше боролся со своей яростью.

Теперь она вернулась.

И я тому виной.

Я призвала его демонов.

И если бы можно было ненавидеть себя еще больше, чем я уже ненавижу, я бы это сделала.

Мне нужно довести это до конца, и мне нужно, чтобы он ушел. Уехал домой и забыл, что он вообще меня знал. Чтобы нашел хорошую девушку, которая сможет дать ему те вещи, которые он хочет и в которых нуждается.

А я увяну и умру, но это будет хорошо. Потому что он будет в безопасности.

— Какое-то время с тобой было весело, — говорю я. — Но это все, что было. Для меня это была игра, как ты и сказал. А ты был просто игрушкой. Вот и все. Я больше не играю с тобой.

Его рука упала безвольно на бок. А забота о других и правда причиняет боль.

Это так чертовски больно.

Угроза непролитых слез реальна, но Рори больше не может их видеть, потому что он не смотрит на меня.

Потому что он верит мне.

Он верит лжи, которая льется из моего рта, больше, чем любой правде, которую я когда-либо говорила ему. Потому что в глубине души он всегда знал, что я чудовище.

Он хотел спасти меня, но он должен был знать, что не сможет.

Прощание должно иметь логический конец. Законченность.

Но Рори не дал мне этого сделать.

Вместо этого он уходит от меня. Прочь от меня и моего дерьма.

Даже не оглянувшись.

Я иду за ним. Потому что к черту его за то, что он мне поверил.

Он не должен был мне верить.

Я так и говорю Букеру, когда он останавливает меня.

— Скарлетт, мне так жаль, — говорит Букер. — Но это то, чего ты хотела. Ты не хотела, чтобы он был замешан.

— Это все твоя вина, — кричу я. — Ты мог бы помочь мне. Ты мог бы найти другой способ.

— Я пытаюсь помочь тебе, Скарлетт.

Я не верю ему.

Я больше ничему не верю.

Кроме одной неизменной истины, которую я знаю.

Я застелила эту постель, и теперь я та, кто должен лечь в неё.

Скарлетт

Я принужден напоминать себе, что нужно дышать... Чуть ли не напоминать своему сердцу, чтоб оно билось.

Эмили Бронте

— Это не входило в сделку.

Я вцепилась в горло Букеру, как только он вошел в дверь. Он говорит другому агенту — тому, который следил за мной, — чтобы тот убирался восвояси.

— Ага, если бы я рассказал тебе, ты бы согласилась, — отвечает он. — Мы должны обеспечить твою безопасность, Скарлетт. А это единственный способ.

— Я могу позаботиться о себе сама.

— Знаю, что тебе хотелось бы в это верить. Но неужели ты думаешь, что есть что-то, чего Александр не сделал бы, чтобы добраться до тебя? — спрашивает он. — Теперь, когда он в курсе.

— Откуда ему знать? Еще даже нет никаких обвинений.

Букер бросает папку на стол передо мной. Толстую папку.

Когда я открываю ее, я сталкиваюсь со степенью больной одержимости Александра мной. В ней фотографии... так много фотографий. И заметки. Рукописные заметки с подробным описанием моих рутинных действий, поиском возможных закономерностей, именами мужчин, которых я обманула, и, что хуже всего, его собственные наблюдения. Его мысли о том, почему я делаю то, что делаю. Бессвязные предложения с вопросительными знаками, нацарапанными рядом с ними.

Он не просто хочет меня.

Он хочет проникнуть в мой мозг, понять ход моих мыслей.

— Это копии, — говорю я.

— Да, у меня есть оригиналы, — отвечает Букер.

— И как вы их раздобыли?

Он вскидывает бровь и на этот раз не отвечает. Потому что он не хочет себя уличать. И потому что, если бы в бюро знали, что у него есть такие улики, а он не пришел с ними куда следует, они бы схватили его за задницу.

— Какова степень вашей уверенности, что это единственные копии? — спрашиваю я.

— Никакой, — говорит он. — У меня есть и другие.

Я забываю, что он следил за Александром. Что это какой-то странный долбаный замкнутый круг, в котором Алекс преследует меня, а Букер преследует его.

— Значит, теперь Александр в курсе, а моя участь быть у вас в заложниках.

— У тебя есть крыша над головой, — говорит Букер. — Еда, одежда, все, что тебе может понадобиться. Это только до тех пор, пока не завершится судебное разбирательство.

— А когда же оно, блядь, начнется?

Букер вздыхает, и я сейчас не самая приятная собеседница, чтобы находиться здесь. Так было с тех пор, как Рори ушел, и я виню его, потому что он сделал это так просто, что сам факт этого не идет у меня из головы.

— Есть много разных факторов, — объясняет он. — Это может занять от нескольких месяцев... до иногда... дольше.

— Дольше нескольких месяцев. Значит, вы имеете в виду годы?

Произнося это, я издаю горький смешок.

— А мне нужно просто сидеть здесь и держать кулачки за то, что со мной все будет нормально, в течение, ну, не знаю... потенциально хуй знает сколько лет... и ты... вы даже не можете гарантировать, что мы в безопасности. И мне придется скрываться, пока они выйдут на свободу под залог. — Так что они выиграют, опять же, в любом случае. Они всегда, блядь, выигрывают.

Букер молчит, и я тоже ненавижу себя сейчас, и, наверное, ему уже пора уходить.

— Мое имя уже всплыло в СМИ?

— Пока нет, — говорит он. — И пока ты будешь скрываться, мы сможем держать это в тайне.

Я должна почувствовать облегчение. Но я думаю о Рори, который видел эти статьи и собирал все воедино в своей дурацкой красивой башке. Он бы знал тогда, что я сделала. И все равно было бы слишком поздно, но, по крайней мере, он бы знал.

Его образ в день нашего незапланированного расставания не покидает мои мысли. Его удаляющаяся фигура в тусклом баре. Покидающий мою жизнь. Это не должно стать последним воспоминанием о ком-то значимом.

Возможно, сейчас он коротает время, пытаюсь выбросить меня из головы, в обществе красивой блондинки. Вернулся к прежней рутине беспрестанного траха и драк. Кроу, вероятно, посылает ему двух девушек в конце его боев. А они не должны получить его.

Он принадлежал мне.

Он и сейчас мой.

Я еще не готова его отпустить. Никогда.

— Это несправедливо.

Букер садится рядом со мной и пытается успокоить меня, но это пустая трата времени.

— Я не виню тебя за то, что ты меня ненавидишь, — говорит он. — Ты и должна меня ненавидеть.

— У каждого всегда есть свои планы, — говорю я ему. — Каждый всегда делает то, что лучше для него. Так устроена жизнь.

Букер, кажется, огорчен моим замечанием, но и не отрицает этого.

— Мы собираемся встретиться со стороной обвинения сегодня чуть позже, — говорит он. — Чтобы зафиксировать твои показания.

— Не могу, блядь, дождаться.

Парни здесь.

В костюмах. Адвокаты и другие люди, которых нужно привлечь по какой-либо причине. Мне все равно. Я просто хочу покончить с этим.

Букер тоже там.

Он о чем-то спорит с ними, и его лицо при этом отнюдь не светится счастьем.

У меня все внутри переворачивается, когда Букер смотрит на меня. Что-то не так.

— Тенли.

Мужчины выходят за дверь, и это определенно неправильно, потому что я должна была сделать заявление.

Так сказал Букер.

А теперь он смотрит на меня так, будто ему пиздец, и я знаю, что мне тоже пиздец. Ебаный ублюдок.

Он пытается заставить меня сесть, а я его отпихиваю.

— Я большая девочка, — говорю я ему. — Я могу справиться с этим. Просто скажи мне.

— Прокурор решил не продолжать дело.

Это пуля мне прямо в живот, но мне не следовало ожидать ничего другого. Именно поэтому я и не подала заявление.

— Вы сказали мне...

— Я знаю, что сказал тебе, — отвечает Букер. — Черт.

Букер откидывается назад в свое кресло и ударяется головой о подголовник. Мне хочется обвинить его, но я знаю, что это не его вина.

— Это потому, что они думают, что я проститутка, — говорю я. — Не так ли?

— Отчасти да, — признает он. — Он не выражал уверенности, что ты будешь надежным свидетелем на суде.

— Конечно, — рассуждаю я. — Потому что если думаешь членом, то мозг весь внизу. — Он вздыхает. — А что еще? — спрашиваю я. — Как насчет Кэти? Или Кайли? Или миссис Роджерс? То есть, я понимаю, что Кэти и Кайли тоже были проститутками, так что какая разница, верно? Но миссис Роджерс точно ею не была.

— Улик недостаточно, — говорит Букер, но даже он не верит в эту чушь.

— Ты... вы, блядь, издеваетесь надо мной.

Я встаю со стула и направляюсь к двери. Я покончила с этим... *«приятно было познакомиться, пока»*.

— Ты должна проявить немного терпения, — говорит он мне. — Мы прижмем их по другим обвинениям.

— Терпение? — огрызаюсь я. — вы хотите, чтобы я была терпелива? Вам ли не знать, на что я пошла, чтобы приехать сюда. Чтобы сделать это. Вы дали мне слово и...

— Они на тебя наедут, — говорит он. — И я не смогу защитить тебя, если ты выйдешь за дверь.

— Кого это уже волнует? — кричу я. — Потому что мне, черт возьми, все равно.

— Тенли.

В его голосе звучит мольба, но это не потому, что ему нужно, чтобы я осталась. Это потому, что ему нужна информация о Сторм.

Я бы ненавидела его за это, если бы он не выглядел сейчас таким жалким, как побитая собака.

— Мы собираемся привлечь их по другим обвинениям, — говорит он, и на этот раз почти убедительно.

— Ты чертов мудака, — говорю я. — Если она тебе так нужна, просто походи и найди ее.

— Дело не только в этом, — говорит он мне. — Знаю, ты мне не веришь, но я действительно пытаюсь помочь тебе, Скарлетт. Просто дай мне еще несколько дней. Это все, о чем я прошу. Ты не хуже меня знаешь, что если ты выйдешь за эту дверь, ты умрешь.

Я дуюсь, прохожу через комнату и опускаюсь на стул. Не потому, что я боюсь.

Просто я чертовски устала от всего этого.

— Что еще я должна сделать? — бормочу я.

Рори

— Сегодня ты не будешь участвовать, — говорит мне Кроу, пока я бью по груше уже окровавленными костяшками пальцев.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему, качая головой.

— Херли, блядь... больше некому же.

— Следи за своим языком, когда разговариваешь со мной, — рычит он. — Ты мне друг и брат, но ты должен помнить, что я еще и твой босс.

— И у тебя нет веских причин не пускать меня сегодня на ринг. За последние две недели я принес тебе кучу денег.

— Да, — соглашается Кроу. — А еще ты повредил плечо и ногу. Посмотри на себя.

Он жестом показывает на зеркало, но я его игнорирую.

— Нужно только приложить немного льда, и все будет в порядке.

— Что тебе и правда нужно, так это немного свободного времени, — говорит он. — И это не просьба, а приказ.

Я хлопнул кулаком по груше, и Кроу ретировался.

— Не хочешь ли ты вместо этого оторваться на мне?

Я оборачиваюсь и вижу того, кого можно назвать самым тупым придурком на планете.

— Решил сдохнуть? — спрашиваю я его. — Поэтому приперся сюда?

— Нет, — отвечает он. — Но у меня есть к тебе другая просьба. И я уже давно ни с кем

не спарринговался.

— Это не открытый спортзал, — говорю я ему. — Отвали.

— Это насчет Скарлетт.

Я игнорирую его и иду поправлять обмотку на руках, хотя на самом деле я хочу только набить ему морду, пока он не перестанет говорить.

Парень снимает рубашку и чувствует себя как дома, выходя на ринг. На мой гребаный ринг в моем гребаном спортзале.

— Я ищу только честного боя, — говорит он. — Так чтоб все по чесноку.

Я смотрю на него, а он закатывает штанину, обнажая протез.

Опять же, у этого парня явно не хватает пары клеток мозга.

— Я знаю, что ты человек чести, — говорит он мне. — Так как насчет спарринга?

— Ты ни черта обо мне не знаешь.

И вот я уже оказываюсь один на один с ним на ринге. Я не возражаю против того, чтобы несколько раз дать ему по башке, прежде чем отправить его отсюда восвояси с поджатым хвостом. Он может бежать обратно к Скарлетт и продемонстрировать ей, какое он ничтожество.

— Меня зовут Букер, — говорит он мне.

— Да мне похуй.

Я иду прямо на него, выбрасывая свинцовый хук, который, как я ожидаю, разmozжит ему голову на полпути к плечу.

Вместо этого он уклоняется и наносит мне неожиданный удар в живот.

И что ж, что вы думаете. Этот ублюдок знает, как драться.

Он пожимает плечами, и мы снова кружим друг вокруг друга, как акулы.

Я человек чести, и мне не нужна сомнительная тактика, чтобы победить, поэтому мы ограничиваемся ударами. Через несколько минут я понял, что ему не очень удобно наносить апперкоты.

С этого момента я наношу ему целую кучу таких ударов.

Но он отдает столько же, сколько получает.

В основном хуками, которые никогда не были моей слабостью, но он быстрый. И хорошо обучен. Он говорит мне, что он бывший военный, как будто это и так не очевидно.

В конце концов, мы объявляем ничью. И мне все еще не нравится этот ублюдок, но, по крайней мере, теперь я могу его уважать.

Букер садится на одну из скамеек и пьет воду из бутылки, которую я ему бросил, пока я вытираюсь полотенцем.

Я знаю, что будет дальше.

Ему есть что сказать о Скарлетт.

Но я не хочу этого слышать.

— Тебе лучше уйти, — говорю я ему.

Он молчит некоторое время, а потом огорошивает:

— Я не ее парень. — Я запикиваю все свое снаряжение в сумку. — Я агент ФБР.

На этот раз он привлек мое гребаное внимание, и он, черт возьми, это знает. Каждый мускул в моей спине напрягся, и боль предательства снова и снова прошивает меня насквозь.

— Это не то, что ты думаешь, — говорит он.

— Тогда что это, блядь, такое?

Я хмурюсь.

— Каждое чертовое слово, слетевшее с ее уст — ложь. Ты знаешь почему, — говорит он. — Она делает это, чтобы защитить себя.

— Меня это больше не касается, — говорю я ему. — Так что переходи к тому, что хотел сказать, когда заявился сюда.

— Я облажался.

Теперь Букер смотрит в пол, и мне это нравится даже меньше, чем то, что он сказал мне, что он кровожадный федерал.

— Я пытался помочь ей. Я пытался поступить правильно. Но я также вел себя как эгоист.

— Скарлетт в беде? — спрашиваю я, потому что это единственное, что имеет значение в данный момент.

— Она должна была дать показания против Ройса Каррингтона, — говорит он. — И против других тоже. Но дело сорвалось.

— Кто такой Ройс Каррингтон?

букер качает головой.

— Один из пяти.

Я поддвигаю стул и сажусь напротив него.

— Почему она мне не сказала?

— Потому что она не хотела втягивать тебя в это. Она знала, что будет под пристальным вниманием. Я сказал ей, что если ты ей не безразличен, она должна отпустить тебя.

Я смотрю на него, и между нами нет секретов. Он знает, чем я занимаюсь. Кто я. И мне трудно поверить, что федеральный агент — который не состоит у нас на службе — мог бы сделать что-то подобное.

Для большинства федералов все черно-белое. Мы — плохие парни, и точка. Для других имеют значение только деньги. Они знают, кто настоящие преступники, и часто это избранные ими же чиновники. Коррупция повсюду, если присмотреться.

Но этот парень не попадает ни в одну из этих категорий. Он, очевидно, прошел войну, и я полагаю, что он знает, что некоторые вещи не так просты и очевидны на первый взгляд.

— Между нами никогда ничего не было, — признается он. — Это было все напоказ. Она хотела, чтобы ты поверил.

— Ну, она меня, блядь, надула, ладно.

Господи Иисусе.

Моя маленькая злобная девушка-киллер. Я собираюсь наказывать ее до потери пульса, когда она снова окажется в моих руках.

— Ты должен знать, что за ее голову назначена награда, — говорит он.

— Где она?

Букер тянется вниз и достает папку из сумки, которую он принес сюда с собой, и бросает ее мне на колени, когда встает.

— Прежде я был морским котиком, — говорит он мне. — Оказывается, я все еще могу проплыть добрых пятьдесят метров на одной задержке дыхания.

Он оставляет мне эту головоломку и собранную им информацию, а затем выходит за дверь. Мне требуется несколько минут, чтобы понять, на что именно я смотрю.

Это уродливая рожа Ройса.

Одного из пяти.

Главарь и ее мучитель. Ее навязчивый преследователь, о котором я даже не подозревал. Я бы сам его убил, если бы этот ублюдок не был уже мертв.

Официальный отчет гласит, что он утонул, когда его машина погрузилась в реку Чарльз. Свидетели сообщили, что в момент трагедии машина ехала без четкой траектории и с превышением скорости, а результаты экспертизы показали, что он был пьян.

Есть также заявления некоторых его коллег, которые сообщают, что в последнее время он вел себя неадекватно.

И надо отдать должное, Букер — солидный человек.

Человек чести.

Он сделал это. Гребаный федерал.

И это еще не все.

Он дал мне карту сокровищ.

Детали о частном самолете, на котором Куинн летает по всему миру. Названия и номера банковских счетов.

Маршрут и приглашения на вечеринку, которая состоится через двое суток.

Значит, у меня не так много времени.

Я беру телефон и звоню Алексею по видеосвязи. Отвечает его жена Талия и говорит, что он ждал моего звонка.

— Ну что? — спрашивает он, когда она передает ему трубку.

— Мне нужна еще одна услуга.

Скарлетт

Тони или пльиви, детка.

БУКЕР ВЕРНУЛСЯ, ключи звенят в его кармане.

— Что теперь? — ворчу я.

— Ничего, — говорит он. — Просто проверяю, как ты.

— Все прекрасно. Именно так, как и должно быть в тюрьме.

Он кивает, и я жестом указываю на кухню.

— Карл там, наверное, ест очередной чертов сэндвич, если ты его ищешь.

— Бюро говорит, что мы больше не можем выделять федеральные ресурсы, — говорит он мне. — Так что ты официально свободна.

— Выпускаешь досрочно, да? Я знала, что тюрьмы переполнены, но не самые безопасные дома.

— Думаю, тебе будет удобнее у Рори, — говорит он.

— Рори?

— Он ждет тебя снаружи.

— Ты издеваешься надо мной? — спрашиваю я, потому что не верю в это. — И там снаружи меня ждет никто иной, как Ройс, и это был план с самого начала?

— Я не издеваюсь над тобой, — говорит он.

Но все равно.

Это не имеет никакого смысла.

Почему Рори пришел за мной после того, что я с ним сделала?

— Я сказал ему правду, — признается Букер. — Поскольку я подумал, что тебе самой будет трудно это сделать.

— И он... не разозлился?

Букер пожимает плечами.

— Не знаю. Это вам двоим и предстоит выяснить.

Я неловко похлопываю его по плечу.

— Знаешь, ты не так уж плох, Букер. Для федерала.

Он улыбается.

— Ты тоже не так уж плоха. Для проститутки.

Я отмахиваюсь от него, и моя рука уже лежит на дверной ручке, когда он спрашивает то, что я ожидала, что он спросит.

— Если ты увидишь ее...

— Сдашь ее?

Я оборачиваюсь и качаю головой.

— Давай не будем увлекаться.

— Я не хочу причинить ей вред. Я просто хочу помочь.

— Боже мой, — простонала я. — Вас таких уже двое. Что это с вами, парни, пытаетесь спасти женщин? Может, Сторм не хочет, чтобы ее спасали.

Букер молчит. И грустный, как щенок, поэтому я бросаю ему кость.

— Я поговорю с ней об этом, — говорю я. — Но я не собираюсь играть в игры. И для справки, я не крыса. Людям, которые оказываются на улицах, и так приходится несладко без моей помощи.

— Я это знаю, — говорит он. — И спасибо тебе. Все, о чем я прошу, это чтобы ты поговорила с ней.

Он пытается дать мне визитку, прежде чем я уйду, и я беру ее.

— Увидимся, — говорит он.

— Ага, — соглашаюсь я.

Но мы оба знаем, что это неправда.

Машина Рори припаркована снаружи, как и сказал Букер. Он опускает окно и даже не смотрит на меня. Он просто приказывает мне.

— Садись.

Я бы послала его на хрен за такой тон со мной, если бы не считала, что заслуживаю этого. Так что я сажусь. И он вдавливая педаль газа в пол.

Я жду, пока мы не выедем на шоссе.

— Рори...

Он смотрит на меня, и все еще явно зол на меня.

— Позже.

Это все, что он говорит.

Остаток поездки проходит в молчании, пока мы не возвращаемся к нему домой.

Я рада видеть, что Виски все тот же котяра, как и раньше. Лежит на совершенно новой кровати, которой не было, когда я уходила.

Он лижет свою лапу и бросает на меня беглый взгляд, прежде чем вернуться к прерванному занятию.

— Он скучал по тебе, — говорит Рори.

— Я тоже по нему скучала, — шепчу я, прекрасно понимая, что никто из нас не говорит о проклятом коте.

Я хочу, чтобы Рори схватил меня и командовал мной. Я хочу, чтобы он говорил гадости и ругался со мной, чтобы мы действительно помирились. Я хочу, чтобы он ненавидел меня и

наказывал меня, чтобы я могла наказать и его.

За то, что он поверил в то дерьмо, которое я ему наплела.

Но он не делает ничего из этого.

— У меня есть кое-что на столе для тебя, — говорит мне Рори.

Затем он исчезает в коридоре и оставляет меня одну.

Это свидетельство о смерти.

Ройса, мать его, Каррингтона.

Мои пальцы вонзаются в бумаги, когда я подношу их ближе, чтобы убедиться, что мои глаза меня не обманывают. Но нет, не обманывают.

Он мертв, и он даже не страдал.

Утонул.

Он, блядь, утонул в водной могиле в реке Чарльз.

Какого черта?

Это не имеет смысла.

Я читаю это, снова и снова.

И тут до меня доходит.

Вода.

Если он ходит как морской котик, и говорит как морской котик, то он, вероятно, чертов морской котик.

В этом замешан Букер.

Он сделал это.

Вот почему он меня отпустил. Потому что он знал, что не сможет провести Александра по своим каналам, не причинив вреда мне или кому-то еще.

Поэтому он прибегнул к своей собственной форме самосуда.

И, черт возьми, я даже не злюсь из-за этого.

Я откидываюсь на стуле и пытаюсь разобраться в своих чувствах.

В кино все всегда просто. Затишье после бури всегда мирное. Персонажи уходят в закат и вновь обретают контроль над своей жизнью.

Но моя буря еще не закончилась.

Куинн и Дюк все еще там, вместе с легионом людей, которые, вероятно, идут по моему следу. В моей жизни не будет покоя, пока они тоже не сгинут.

Рори стоит и смотрит на меня, когда я закрываю папку, и я не знаю, как долго он там находится, наблюдая за мной.

Я устала.

Я измотана, потрепана и немного в синяках. Но с ним рядом я могу пройти остаток пути. Я могу закончить этот бой.

Он скрещивает руки и опирается на стену рядом с собой.

— Мы сделаем это вместе, — говорит он.

Он хорошо меня знает.

Он знает, что я не могу отказаться от этого, и я не позволю ему сделать это за меня.

— Да, — отвечаю я.

— За твою голову назначена награда в миллион долларов.

Ему не нужно объяснять мне, что это значит. Миллион долларов — это большие деньги для некоторых людей, хотя для них это ничто.

Такие деньги привлекут целую армию. Как низкоуровневых уличных бандитов, так и

элитных киллеров. Деньги есть деньги.

— У них, наверное, и охраны полно, — говорю я.

Рори кивает.

Он уже провел собственное расследование. И когда он бросает на кухонный стол несколько приглашений, у него тоже есть план.

Белый картон покрыт золотыми каракулями, подробно описывающими тематическое мероприятие в стиле Гэтсби.

В Нью-Йорке.

— Куинн и Дюк будут там завтра вечером, — говорит Рори. — Их частный самолет должен улететь после вечеринки, так что у нас есть только небольшое окошко.

— Хорошо.

— Вот и будет хорошо, — говорит он мне. — Ты делаешь то, что я скажу, когда я скажу. Ты меня поняла, Скарлетт?

Рори сейчас весь такой деловой, и он никогда не выглядел таким серьезным... и таким сексуальным. Ему надоело валять дурака. Он собирается сказать мне все как есть, и мне решать, понравится мне это или нет.

Мне нравится этот альфа-самец в нем, отдающий свои омега-приказы.

— Что будет, если я тебя послушаюсь? — поддразниваю я. — Ты дашь мне отведать мое же собственное лекарство?

В его глазах вспыхивают искорки, и Рори хочет уже наказать меня, но не делает этого.

— Просто веди себя хорошо хоть раз в жизни, — говорит он. — Мне больше не нужно от тебя никаких неожиданностей.

Игра в дразнилки закончилась, и его слова жалят, но я не показываю этого.

— У тебя есть такие же безумные подружки, как ты? — спрашивает он.

— Сколько их мне потребуется?

— Достаточно одной.

На ум приходит только одно лицо, но это значит, что мне придется ее разыскать. Сегодня вечером.

— У меня есть кое-кто на примете. Но сначала мне нужно найти ее.

— Да, — говорит Рорин. — Тогда нам лучше заняться этим прямо сейчас.

Скарлетт

Безумец, зачем в тот день, когда я решил мстить, не вырвал я сердца из своей груди!
Александр Дюма

НЕУДИВИТЕЛЬНО, что Букеру не удалось найти Сторм самостоятельно.

Если бы я не видела ее во плоти, я бы подумала, что ее вообще не существует.

Мы обратились к обычным источникам — людям, которые всегда готовы предоставить мне нужную информацию, — но они ничего о ней не знают.

Остается только старая добрая детективная работа. Прочесывать бары, гостиницы, клубы и все места, где, по моему мнению, она может быть.

Уже за полночь, и эти каблуки, порой такие сексуальные, стали вдруг неудобными, а Рори ведет себя так, будто вообще их не замечает.

Все, чего я хочу, это свернуться калачиком в его постели. Снова почувствовать его рядом с собой. Вдыхать его дыхание и слышать его шепот.

Я хочу, чтобы он снова и снова давал мне безумные обещания.

Но до этого еще очень далеко.

Когда я смотрю на него сейчас, я не уверена, что мы когда-нибудь вернемся в то место.

Рори едва может смотреть на меня.

Я касаюсь его руки, и он смотрит на меня.

— Поцелуй меня, — говорю я ему.

Он собирается отказаться, поэтому я придумываю целую историю.

— Если она здесь, то увидит это и захочет побороться со мной за тебя. Она любит играть с моими игрушками.

Он хватает меня за запястье, и его хватка становится жесткой и неумолимой.

— Я не чертова игрушка, Скарлетт. И целовать тебя я тоже не буду.

— Ладно, — надулась я. — Тогда, я думаю, мы пробудем здесь всю ночь.

Только моим словам не суждено сбыться.

Потому что вот она.

В другом конце комнаты, в тени, выискивает свою следующую жертву. Сегодня на ней синий парик и очки в роговой оправе, а сама она сосет леденец.

Сторм не испытывает недостатка в жертвах, и мне нужно сделать это быстро.

Я двигаюсь к ней, а она смотрит в мою сторону. И ухмыляется.

Рори следует за мной, и, кажется, она не возражает против моего сопровождающего.

Я не очень хорошо знаю Сторм. Но я знаю, что она похожа на меня. Она не хочет долгих объяснений, и у нее мало времени и терпения.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я ей.

Она улыбается мне, как будто ожидая, что я скажу что-то подобное, а затем наклоняет голову в сторону и рассматривает Рори.

— Что мне за это будет?

— Ты получишь возможность поймать парочку богатых парней, — предлагаю я. — Но на этот раз мы не говорим о поимке и освобождении.

Она все еще смотрит на Рори — все еще сосет свой леденец — и это меня чертовски выводит из себя.

— Как насчет того, чтобы дать мне поиграть с твоей игрушкой? — спрашивает она.

— А как ты смотришь на то, чтобы я засунула эту чертову конфетку тебе в горло, и наблюдала за тем, как ты подавишься?

Рори обхватывает ладонью мой затылок. Это жест собственника и одновременно успокаивающий жест. Он хочет, чтобы я была спокойна, и это его способ сказать мне, что Сторм не представляет угрозы.

Эта игрушка всегда будет моей, и я не хочу ее делить. Ни теперь. Никогда.

— Думаю, я смогу тебе помочь, — говорит Сторм, изящно пожимая плечами. — Не то чтобы мне было чем заняться.

— Завтра днем.

Я протягиваю ей карточку на номер в отеле.

— Не опаздывай.

— И не мечтайте, — говорит она, снова глядя на Рори.

Она облизывает губы и улыбается, подмигивая ему. И тут до меня доходит, что она пытается сделать.

Она проверяет его.

Чтобы узнать, не обманщик ли он.

Как те мужчины, которых она уничтожает.

— Нет, — отвечаю я на ее невысказанный вопрос.

Она смотрит на меня и снова улыбается.

— Мне нравится самой принимать решения по этому поводу.

Рори

Я привел Скарлетт домой, а потом сказал ей, что у меня еще есть кое-какие дела. Она не спорит, потому что устала.

Поражение.

Я снова сомневаюсь, правильно ли поступаю. Позволять ей делать это.

Но когда я вижу, как она снова изучает папку за кухонным столом, я понимаю, что это так.

Скарлетт никогда не сможет жить дальше, пока не почувствует себя в безопасности. Слова для нее ничего не значат.

Я могу дать ей все обещания в мире о том, как хорошо я буду заботиться о ней, но ей нужно почувствовать это самой.

Ей нужно почувствовать, что она сделала это сама.

А до тех пор она находится в ловушке своего прошлого.

Когда Скарлетт засыпает на диване, я переношу ее в свою кровать. Когда ее голова прижимается к моей груди во время прогулки по коридору, она зарывается пальцами в мою рубашку и вдыхает мой запах.

— Мой, — бормочет она во сне.

Это раскаленный нож в моей груди.

Я все еще хочу Скарлетт.

Я люблю Скарлетт, больше всего на свете.

Но я не знаю, смогу ли я когда-нибудь доверять ей.

Я не знаю, сможет ли она когда-нибудь стать свободной от призраков своего прошлого и быть готовой жить со мной в настоящем.

Поэтому, когда я укладываю ее и накрываю, я не присоединяюсь к ней. И пока я не знаю, что принесет завтрашний день, я не могу позволить себе пойти туда.

Не сейчас.

И, возможно, никогда больше.

— У меня есть кое-что для тебя.

Скарлетт берет коробку из моих рук и открывает крышку, показывая малиновое платье внутри. Ее пальцы перебирают материал, и она смотрит на меня.

— Вау, чувак. Ты молодец.

— Дьявол должен носить красное, — отвечаю я.

Она улыбается, и ее пальцы перебирают замысловатые бусины и слои материала.

— Очень в стиле Гэтсби.

— Это идея.

Она расстегивает молнию на другом платье и стягивает его с плеч, позволяя ткани расплыться по полу под ней. Она вся в черных кружевах, ноги, сиськи и задница, и я возбудился как черт, наблюдая, как Скарлетт влезает в новое платье, которое я ей купил.

Она борется с перекрещивающимися бретельками на спине и жестом зовет меня.

— Ты можешь помочь?

— Конечно.

Я поправляю бретели и застегиваю молнию.

А затем, чтобы не отвлекаться от текущей задачи, я приступаю непосредственно к делу. Я достаю чехол, который шел в комплекте, и, клянусь, Скарлетт волнуется, даже глядя на него.

Она знает, что он слишком большой, чтобы внутри были драгоценности, это может быть только оружие. И я готов поставить все деньги на своем банковском счету на то, что у моей маленькой чертовки сейчас мокрые трусики.

— Что это? — спрашивает она.

— Терпение.

Я поворачиваю ее и открываю футляр, доставая сначала два черных ножа. Затем деликатно провожу кончиками ножей по материалу у основания ее шеи, прежде чем найти скрытые ножны под бретельками платья.

Когда они закреплены, Скарлетт поворачивается, чтобы взглянуть в зеркало, и протягивает руки назад, чтобы проверить их на себе.

— Ни фиги себе у меня нарядик, — говорит она с не меньшим благоговением в голосе.

— Твое платье единственное в своем роде, — говорю я ей. — Сделано специально для тебя, Бонни.

Она поворачивается ко мне, и ее взгляд становится голодным. Когда она тянется ко мне, я перехватываю ее запястья и сажаю задницей на стул.

— Я еще не закончил.

На этот раз я опускаюсь на колени рядом со Скарлетт, доставая кружевную кобуру на бедра, которую я заказал для нее. Я скольжу вверх по нежной лодыжке моей девочки и икре, мои пальцы проводят по ее коже, пока я прокладываю путь. Когда я убираю руку из-под

материала ее платья, Скарлетт вздрагивает, и я сжимаю пальцы вокруг ее плоти.

Ее глаза смотрят на мои, умоляя о большем.

Моя вторая рука проникает под платье, надежно фиксируя маленький пистолет внутри.

Она делает вдох, и я тоже.

Но это еще не конец.

Я знаю, с чем любит играть моя маленькая дьяволица. Поэтому я закрепляю на ее противоположном бедре еще одни ножны, предназначенные для ее нового ножа-стилета. Такого же сексуального и опасного, как и сама Скарлетт.

— Не думаю, что ты достаточно меня вооружил, — смеется она.

— Да, — соглашаюсь я. — У меня еще парочка припасена.

Я показываю ей подходящие туфли на шпильках. Они названы в честь того самого кинжала, который покоится недалеко от мягкой, теплой кожи ее кремового бедра.

Они серебряные с черными декоративными шипами.

Но Скарлетт, будучи любопытным котенком, знает лучше. Когда она протягивает руку, чтобы коснуться одного из них пальцем, я пытаюсь остановить ее, но уже слишком поздно.

Она укололась, и из кончика ее пальца сочится багровая капля крови, когда Скарлетт отдергивает его.

— Господи, — говорит она.

— Обсидиан, — объясняю я ей, беря ее палец и поднося его к губам.

Я успокаиваю ее рану своим языком, пробуя ее на вкус самым первобытным образом.

— Ты никогда не говорил мне, что можешь достать все эти приспособления, — бормочет Скарлетт, и она так податлива для меня, что я могу только представить, какой трах мы могли бы устроить прямо сейчас.

— У меня есть свои источники.

Скарлетт наклоняется ко мне, снова пытаюсь заманить меня к своим смертельно красным губам. Но я отстраняюсь, вместо этого подталкивая кейс с оружием ей на колени.

Мой член практически рвет джинсы, и я знаю, что она тоже это знает.

Она чувствует запах моего возбуждения, так близко к ней. Практически чувствует вкус спермы, капающей с головки моего члена, когда она облизывает губы.

Сейчас ее не отвлечь, даже с помощью оружия.

— Рори, — говорит она, ее голос мягкий и сладкий. — Есть кое-что, что я хочу тебе сказать.

Я встаю и отворачиваюсь от нее, потому что не могу сопротивляться Скарлетт, когда она в таком состоянии. Моя решимость улетучивается, чем дольше мы остаемся наедине, и я действительно хочу, чтобы ее подруга поторопилась и приехала сюда.

— Скажешь мне позже, — говорю я хрипло.

— А что, если «позже» не наступит? — шепчет она.

— Скарлетт.

На этот раз я поворачиваюсь и встречаюсь с ней взглядом.

— Если я и могу тебя в чем-то заверить, так это в следующем. Я вооружил тебя до зубов, но оружие тебе не понадобится. Я буду рядом с тобой.

— А когда все закончится? — спросила она.

Она имеет в виду, что будет с нами. Но у меня пока нет для нее ответа. Поэтому я говорю ей единственное, что могу.

— Мы выйдем оттуда вместе, — заверил я ее. — И ты будешь в безопасности.

Скарлетт кивает, и даже волнение по поводу ее оружия проходит.

Я снова опускаюсь перед ней на колени и осторожно помогаю ей встать на каблуки.

— Они могут вырвать яремную вену одним движением, — говорю я ей. — Так что пользуйся ими осторожно.

— Буду, — обещает она.

— Выбери все остальное, что захочешь, — говорю я. — А остальное оставь для своей подруги.

Скарлетт осматривает остальные предметы в футляре. Помада с перцем и кинжалы — заколки, кольца со скрытыми лезвиями. Но больше она ничего не берет.

— Ты прав, — говорит она, откладывая кейс в сторону. — Единственное оружие, которое мне нужно — это ты.

Скарлетт

Когда идешь на войну, важно иметь солдат, которые умеют становиться в строй. А также хорошую обувь.

СТОРМ ОПАЗДЫВАЕТ, хотя это ожидаемо.

Но она готова к работе, так что я немного прощаю ее. По крайней мере, пока она не начинает иметь Рори мозги через всю комнату.

— Отстань уже, — говорю я ей. — Он ничья ни марионетка.

— Кроме тебя, конечно.

Сторм приторно улыбается.

— Держу пари, он сделает все, что ты ему скажешь. И вообще, кто сказал, что я пытаюсь с ним сойтись? Может, мне просто нравится злить тебя.

— Это, наверное, более точно, — соглашаюсь я. — Ты принесла вещи?

Она бросает большой чемодан на кровать в отеле и открывает его.

— Выбирай на свой вкус.

Она жестом показывает на радугу париков и маскировочных костюмов.

— У нас есть вишня, ваниль, черная лакрица, шоколад, даже бубльгум, если ты чувствуешь себя игривой.

Я беру короткий светлый парик и тот цвета шоколада тоже, держу их, чтобы рассмотреть. Рори наблюдает за мной, ожидая, что я выберу.

— Мне быть Дейзи или Джордан? — спрашиваю я.

— Ты должна быть Скарлетт, — шепчет он мне на ухо.

А затем Рори достает сексуальный розовый парик длиной до подбородка и протягивает его мне.

— И надень вот этот.

Тепло, исходящее от него сзади, проникает мне в спину. Я мысленно делаю пометку,

что позже дам Сторм расписку за парик.

— Возьми и их, — инструктирует Сторм, протягивая мне небольшой футляр. — Они будут очень хорошо сочетаться с этим розовым.

Я открываю его и нахожу внутри несколько ярких синих линз.

В течение следующих двадцати минут мы наносим последние штрихи в наши прически и макияж, пока Рори готовится в ванной.

Когда он выходит в своем костюме, наступает моя очередь быть разгоряченной и взволнованной. На нем белая рубашка и черный жилет, на плече кобура и фетровая шляпа. Он самый сексуальный гангстер, которого я когда-либо видела.

— Посмотри-ка на себя в своей родной среде обитания.

— Я так и думал, что тебе понравится, — говорит он.

Рори улыбается, а я давно не видела его улыбки, и мне ее не хватало.

За весельем переодевания легко забыть, для чего мы здесь на самом деле.

Но торжественное напоминание приходит с будильником на его телефоне.

— Десять минут, — говорит он.

Мы еще раз обдумываем план. Мы со Сторм должны выманить Куинна и Дюка с вечеринки. Учитывая армию частной охраны, которую они оба наняли, это будет нелегко.

Раздается стук в дверь, и я смотрю на Рори.

Он кивает мне, давая понять, что все в порядке. И когда он открывает дверь, по другую сторону стоит его собственная маленькая армия.

Кроу, Жнец, Дом и Конор.

Я не знаю, насколько мне нравится идея их помощи, и, судя по выражению лица Кроу, когда он смотрит на меня, я сомневаюсь, что он считает, что я этого заслуживаю.

— Когда один из нас идет на войну, — говорит Кроу, — мы все идем на войну.

Это его способ сказать мне, чтобы я больше не докучала Рори. Я не утруждаю себя тем, чтобы сказать ему обратное, потому что действия говорят громче слов. Он поверит в мою преданность, когда убедится в этом сам.

Они все проникают внутрь, занимают пространство и обсуждают план с Рори.

— Алексей вырубил свет по нашей команде, — говорит Кроу. — Дом позаботился о резервных генераторах, но у вас будет всего пять минут, чтобы вывести их наружу. Рори показал вам обеим, где будут стоять машины?

— Да, — произносим Сторм и я в унисон.

— А что насчет охраны? — спросил Жнец.

— Алексей позаботится об этом после, — отвечает Рори.

— Ну тогда, — говорит Кроу. — Нет времени лучше настоящего. Мне еще нужно успеть отвезти ребенка домой, так что давайте займемся этим сейчас же.

Скарлетт

И хоть мала, она душой свирепа

Шекспир

ЗАЛ ПРИЕМА представляет собой море излишеств. Шампанское и бриллианты, нитки жемчуга и перья, падающие с неба. Мужчины прогуливаются с большими толстыми сигарами, свисающими изо рта (разумеется, незажженными), а женщины сверкают в платьях, кричащих о богатстве. Музыка ревет из динамиков, громкая, быстрая и жесткая.

Маленькая тусовка ещё никому не вредила [12].

Семья Куинн устраивает вечеринку для своей младшей дочери (шестнадцати лет), и она уже напилась в стельку. Светские львицы и знаменитости в изобилии, расслабленные и игривые в своей естественной среде обитания.

— Во что, блядь, мы только что вляпались? — спрашивает Сторм, сидя рядом со мной.

— Добро пожаловать в мой мир, — говорю я ей.

— Сегодня здесь много охраны, — говорит она, и это не преувеличение.

Честно говоря, я не знаю, как мы вообще думали, что сможем это проверить.

Но когда я смотрю на Рори, моя вера восстанавливается. Он спокоен, непоколебим, собран. Так он выглядит перед боем.

Вот чем эти парни зарабатывают на жизнь.

Они вытрезают из всех дерьмо и постоянно совершают невозможные подвиги. Я не знаю, сколько раз я сама была свидетелем того, как они выбирались из передраг за то короткое время, что я их знаю, но одно я знаю точно. Армия Куинна не может соперничать с моей.

Мы со Сторм подходим к бару, и я взглядом окидываю комнату, пока мы ждем свои напитки. Здесь много пьяных богатых придурков, но ни один из них не Куинн и Дюк.

— Где эти клоуны? — спрашивает Сторм.

— Не знаю.

Мы пьем и танцуем с парой парней, которые пригласили нас, прежде чем Рори вклинивается. Он наблюдал за мной из другого конца комнаты, ничем не выдавая себя.

Кажется, его не беспокоит тот факт, что они еще не появились, но меня это беспокоит.

У нас есть лишь небольшой промежуток времени, прежде чем Куинн и Дюк сядут в самолет и улетят бог знает куда. Я не хочу больше ждать.

Вот оно.

Это золотая возможность, и если мы не получим их сейчас, боюсь, что не получим никогда.

— Улыбнись, — шепчет Рори мне на ухо. — У тебя сейчас наступило самое лучшее время в жизни, куколка. Это последний раз, когда тебе приходится притворяться.

Я улыбаюсь. И прислоняюсь к нему.

Следующие две минуты мы просто вдвоем. Его ладонь на моей пояснице, другая его рука в моей. Рори хорошо танцует, и это меня не удивляет. Он никогда ничего не делает наполовину.

Он пахнет солнцем и морским бризом. И выглядит как мое будущее.

Но в истинной манере Рори Бродрика, он не дает мне того, чего я хочу.

Как только песня заканчивается, он отпускает меня.

— Продолжай, — говорит он. — Уже недолго осталось.

Мы со Стормом делаем еще один круг по комнате и возвращаемся в бар. Но прежде чем мы успеваем дойти, свет гаснет.

Как и планировалось.

Только он не должен был погаснуть, пока парни Рори не дадут сигнал.

Мне в спину упирается пистолет, и голос шепчет мне на ухо.

— Скучаешь по мне, Тен?

Куинн.

Это, блядь, Куинн.

Он все такой же хрупкий, как и раньше, тащит меня по полу, пока кто-то другой управляется со Сторм.

В комнате царит черный и чистый хаос, люди кричат друг на друга. Среди этой суматохи голос Рори зовет и меня.

— Открой свой поганый рот, и она умрет, — шипит Куинн. — Но если ты будешь вести себя тихо, мы отпустим ее, когда выйдем наружу.

Я делаю то, что они мне говорят.

Кроу, Жнец и ребята снаружи. И я точно знаю, где.

Надеюсь, они готовы. Потому что, похоже, у нас на хвосте еще несколько парней.

— Не хочешь еще раз съездить в Нью-Хейвен? — спрашивает Куинн, подталкивая меня к лестнице. — Все будет как в старые добрые времена.

— Пошел ты.

— Слышишь, Дюк? — насмехается он. — Я же говорил тебе, что одного раза будет недостаточно. Она хочет меня.

— Я бы не прикоснулся к ней своим членом снова, даже если бы она умоляла об этом, — говорит Дюк. — Но эта...

Рядом с нами происходит какая-то суматоха, затем раздается хрюканье, после чего тело падает на землю и спускается по лестнице перед нами.

Я не могу точно сказать, кто это — Дюк или Сторм, но я ставлю на Дюка.

Затем все превращается в хаос. Потасовки и крики, Куинна отгаскивают от меня и уводят вниз по лестнице. Кто-то сзади занимает его место, хватая меня за руку.

Я втыкаю один из шипов на задней стороне каблука в его икру.

— Господи... Чеееееррт, — визжит он.

Борьба продолжается.

Мужчина хватается за волосы и пытается толкнуть вперед, а я снова бью его другим каблуком. Он отпускает меня, и я достаю ножи из кармана своего платья.

Когда он снова набрасывается на меня, я начинаю наносить удары, куда только могу дотянуться. Рядом со мной раздается шарканье, и я не знаю, кто это — Сторм или кто-то другой. Я знаю только, что мне нужно пройти через этого уroda, прежде чем я смогу это выяснить.

Первый нож вонзается в его плоть, и моя рука соскальзывает с рукояти, когда он отступает. И тут раздается звук взводимого пистолета.

Свет снова мерцает. Дюк и Куинн давно ушли, но их наемники все еще здесь. Сторм жива, здорова и отлично держится на ногах. Она прижала одного из них шипом, нацеленным прямо ему в горло.

Я бы остановилась, чтобы насладиться зрелищем, если бы второй парень не направил свой заряженный пистолет прямо мне в голову.

Дело пошло.

— Отпусти ее, — говорю я ему. — И я пойду с тобой добровольно. Я та, кто им нужна.

— Кто она? — показывает он жестом на Сторм.

А потом он нажимает на чертов курок.

На лестничной клетке стоит мертвая тишина, и, кроме звона в ушах, я ничего не слышу, пока она хватается за руку и натывается спиной на стену.

На ее платье кровь, но я не могу определить, куда ее ударили.

Кажется, я произнесла ее имя, но я не уверена.

Я вообще ни в чем не уверена. Мои ноги пытаются двигаться, но мой мозг парализован. Другой парень поднимается с лестницы и хватается за Сторм, приставляет пистолет к ее голове и тащит назад.

Позади меня открывается дверь, и я слышу пение ангелов.

— Черт, — говорит Рори. — Мне так жаль, детка. Я здесь, я здесь.

Еще один выстрел. Но на этот раз тише.

Я не замечаю, что он был сделан из оружия Рори, пока парень передо мной не падает с лестницы.

— Пойдем.

Рори обхватывает меня за талию, но я не двигаюсь.

Откуда-то появляются Кроу, Жнец и Дом, а за ними Конор в форме уборщика. Он вытирает кровь, а затем тащит тело вниз по лестнице.

Мы все идем следом, к ожидающим машинам.

— Сторм, — говорю я.

— Шшшш, детка, — шепчет Рори. — Я знаю. Мы вернем ее.

На этом мои протесты заканчиваются. Жнец и Кроу уезжают первыми, а Конор пытается запихнуть меня на заднее сиденье «Челленджера». Рори хватается за руку и запихивает меня туда вместо него.

— Скарлетт едет рядом со мной.

Дом запрыгивает с другой стороны, а Рори вылезает вслед за Кроу.

Через минуту он уже разговаривает по телефону, а Кроу в это время дает указания. Когда он говорит Рори, что они на межштатном шоссе, я вклиниваюсь.

— Нью-Хейвен, — говорю я им. — Они едут в Нью-Хейвен.

Ехать долго и в машине слишком тихо. Рори кладет трубку, когда понимает, что ему больше не нужны никакие указания, потому что я знаю их наизусть.

Он протягивает руку и сжимает мое бедро в своей руке, держа другую на руле.

— Мы собираемся вернуть ее.

— Я знаю, — говорю я.

Когда мы подъезжаем к уединенному подъезду к летнему дому Трипа, я даю команду свернуть.

В телефоне мелькает имя Кроу, но у него нет времени предупредить нас. Впереди из ниоткуда появляется квадроцикл, пули летят в нашу сторону.

— Черт, — ругается Рори. — Садись за руль, детка.

Он тянется за своим пистолетом, но я хватаю его первым. Вместе с пистолетом поменьше, пристегнутым к моему бедру.

— Скарлетт, — рычит он.

Но я уже опускаю окно, и Дом с Конором тоже.

— Я же говорил тебе, что она должна поехать на колымаге, — говорит Конор.

— Еще раз скажешь такое о ней, и я сам пушу тебе пулю в лоб, ублюдок.

Я стреляю вслепую, потому что фары на квадроцикле яркие, но прицелиться в общем направлении кажется лучшим вариантом действий. Я делаю все, как учил меня Рори, но это совсем другое дело в движущейся машине и когда у тебя только одна рука в окне. У Дома и Конора больше боеприпасов, чем у меня, поэтому я должна использовать свои с умом.

Я не уверена, кто из нас попадает в водителя квадроцикла, но он резко сворачивает с дороги и катится вниз по склону.

Рори не останавливается и не проверяет. Когда проезжая часть свободна, он вдавливая педаль газа, и мы летим вверх по гравийной дороге к дому. Машина Кроу припаркована на обочине, и стрельба уже началась. Жнец и Кроу используют двери для прикрытия, пока отстреливаются от людей, охраняющих дом.

— Господи, — бормочет Дом, рассматривая открывшуюся перед нами сцену. — Они привели целую армию.

— Все в порядке.

Я протягиваю руку и сжимаю руку Рори.

— Наши парни лучше.

Он подмигивает мне, и мы все выходим из машины.

Рори открывает багажник, и внутри нас ждет целый арсенал. Он и Дом поднимают чемодан и несут его в сторону машины.

— Держись рядом, — наставляет меня Рори.

А потом он начинает стрелять. С впечатляющим мастерством. В течение первых трех минут он убивает двух наемных охранников.

Но полоса везения длится недолго. Как только они начинают получать пули с нашей стороны, они так же быстро стреляют в ответ.

Дом и Рори зажали меня между собой, и каждый раз, когда я пытаюсь выстрелить, Рори

прижимает мою голову обратно.

— Ты взял меня с собой, теперь дай мне, блядь, помочь, — рычу я.

Он игнорирует меня, поэтому я прибегаю к тому, чтобы лечь на землю и прицелиться в ноги, которые передвигаются в поле моего зрения.

Это меньшая цель, здесь темно, и они движутся. Так что я не рассчитываю попасть в кого-нибудь из них, но стараюсь изо всех сил.

И после хреновой тонны выстрелов один из них падает. Рори приканчивает его, затем смотрит на меня.

Я улыбаюсь ему и протягиваю руку за патронами.

Рори дает их мне.

Мы планируем здесь заночевать. В отличие от боевиков, это не закончится быстро. Мы наступали упорно, но осталось еще много ребят. Я не знаю, где Сторм, пока не вижу ее платиновые волосы, высунувшиеся из-за заднего сиденья машины.

Она ищет свободный путь к отступлению, но его нет.

Если только я не проложу его для нее.

Рори занят, и я использую это в своих интересах. Я тянусь к кейсу и хватаю АК. А затем я ползу вокруг парня, напрямиком к задней части машины, совершая побег.

— Скарлетт, — зовет Рори. — Тащи свою задницу сюда, блядь, сейчас же.

Я дарю ему воздушный поцелуй и продолжаю идти.

С такими темпами это продлится всю ночь.

И я рассчитываю на одну простую лазейку. Я абсолютно уверена, что у этих засранцев есть приказ не убивать меня.

Это риск, но я готова на него пойти. Я высовываю голову, и один из охранников видит меня. И, как я и думала, он поднимает руку на парней рядом с ним и подает сигнал в мою сторону.

Правильно, парни. Я вне зоны доступа.

Потому что Куинн и Дюк, вероятно, сами хотят сделать это.

Рори уже пробирается ко мне, а у меня мало времени. Поэтому я бегу к другой машине на другой стороне лужайки. Мне осталось преодолеть еще одну, прежде чем я доберусь до Сторм.

В этот момент Конору прилетает пуля в лобовое стекло.

— Черт, — рычит Кроу. — Не высовывайся, парень.

И тут недалеко позади меня раздается хрюканье. И тут я вижу.

В Рори попали. В плечо.

У него идет кровь. Из-за меня.

— Ты в порядке? — кричу я.

Он зажимает рану и озирается.

— Тащи свою задницу сюда, сейчас же.

Он притаился за багажником, выжидает. Истекает кровью. И я хочу сказать ему все то, чего никогда не говорила.

Я зля, я чертовски устала, и теперь Рори страдает из — за меня.

— Нет. К черту это, — говорю я ему, вставая и начиная отстреливаться. — И пошли они. На хуй всех этих ублюдков.

Кроу и Жнец тоже укрываются, и кто-то говорит охранникам не стрелять.

Они пытаются спрятаться за столбами, дверями, шинами и деревянными поддонами.

Я иду и стреляю.

И они падают.

Один за другим, они падают.

Я скорее слышу их, чем вижу.

Удар. Удар. Удар.

Их тела падают в такт моему сердцу.

А потом один из охранников не подчиняется приказу и стреляет мне в ебаную ногу. Больно, блядь, гребаный хуесос.

Но я продолжаю идти вперед.

Хромая, я иду к Сторм. Рори присоединяется ко мне, а через минуту к нему присоединяются остальные парни.

— Господи, — бросает Кроу, глядя на меня как на умалишенную.

— Да, — соглашается Рори. — А ты думал, что только твоя женщина съехала с катушек. Только посмотрите на маленького монстра, которого я создал.

— Действительно, ты ее создал, Франкенштейн. Погладь себя по головушке.

Мы прячемся за машиной, и Сторм выползает к нам. У нее в руке окровавленный нож, и мне не нужно спрашивать, использовала ли она его.

— Это не то, на что я подписывалась, — говорит она.

— Ты в порядке?

Я осматриваю ее рану, и она кивает.

— Что такое, еще один боевой шрам?

— Навылет, — говорит Кроу, осмотрев ее руку. — Просто сдавливай ее руку.

Из дома все еще летит несколько шальных пуль, но Рори и ребята расправляются с врагами в течение нескольких минут.

И на этот раз у них все по делу.

Кроу бросает каждому по АК из чемодана.

— Полагаю, это один из чертовых способов сделать это, — говорит Дом. — Теперь, когда мы знаем, что Сторм в безопасности.

— Это единственный способ, — говорю я им. — Эти трусы сами не выйдут.

И вот мы образуем цепь. Пять мужчин и две женщины.

— Умеешь стрелять из этих штуковин? — спрашивает Конор Сторм.

— Ни хрена не умею, парень, — отвечает она, забирая у него пистолет.

На счет «три» изрешечиваем дом пулями. Дом разлетается на кусочки, как будто сейчас чертов День Независимости. Стекло, дерево и обломки разлетаются по двору и попадают в гравий.

— Надеюсь, у них нет соседей, — кричит Кроу, перекрывая шум.

— Нет, — заверяю я его. — Здесь как на кладбище. Никто не слышит их криков.

Он смотрит на меня, но не задает лишних вопросов.

Мы расстреляли все до последнего патрона, прежде чем в помещении снова стало тихо.

— Жди здесь, пока мы не зачистим территорию, — говорит мне Рори.

Я, конечно, не слушаю и следую за ними, как только парни оказываются внутри. Оставшиеся охранники все мертвы, разбросаны по гостиной и кухне.

А парни находят Куина и Дюка наверху.

Рори и Кроу связывают их и усаживают в машину, прежде чем я успеваю причинить им какой-либо вред. А потом они обливают дом жидкостью для заправки зажигалок. Кроу

оставляет след на крыльце, а Рори протягивает мне пачку спичек.

— Поджигай и сжигай, детка.

Я поджигаю.

И сжигаю все до тла.

ГЛАВА

Рори

Алексей предоставляет нам убежище в своем доме.

У него есть дежурный хирург и куча медицинского оборудования, не говоря уже о собственной оборудованной пыточной в доме.

Алексей — честный человек, и не смешивает кровавый бизнес с делами семейными.

Его жена Талия и их маленький сын Франко остаются на главном уровне дома, а мы размещаемся на третьем.

— Доктор скоро будет здесь, — говорит он нам. — Магда пока окажет первую помощь.

Его домработница кивает, неся охапку средств первой помощи, и я поручаю ей сначала помочь Сторм, пока Дом будет заниматься Конором.

Моя рана может подождать, и я хочу осмотреть Скарлетт.

Но Магда вскрикивает в другом конце комнаты, привлекая наше внимание к себе. Она отрезала рукав платья Сторм, обнажив глубокие шрамы по всей длине ее руки. Ее лицо тоже покрыто шрамами, и хотя она хорошо постаралась скрыть их под макияжем, они никогда не исчезнут полностью.

Скарлетт прочищает горло и тычет меня в руку. Ее взгляд говорит мне то, что не стоит произносить. Сторм не любит, когда люди пялятся, и я не могу винить девушку.

Но Конору, как всегда, требуется больше времени, чем остальным, чтобы понять это. Он все еще тарашится. А Сторм испепеляет его взглядом.

— Спроси меня, что случилось, и я проткну тебя здоровой рукой, которая у меня еще осталась.

Мы с Домом смеемся, а Конор стыдливо отворачивается.

Когда все закончилось, я поворачиваюсь к Скарлетт и проверяю ее взглядом. Она держит полотенце над моей раной, беспокоясь обо мне, что на нее не похоже. И она кажется вполне здоровой. Безопасной и немного вменяемой, хотя и немного грязной с безумными дикими волосами.

Все хорошо, пока я не замечаю багровые потеки с ее пятки. И конечно, когда я осматриваю Скарлетт, ее нога распухла и окровавлена.

— Господи, куколка, ты должна была мне сказать.

— Я в порядке, — говорит она.

— Ты не в порядке.

Но она не дает мне суетиться по этому поводу.

— Это просто царапина, пуля даже не попала мне в ногу. Спасибо, Обсидиан.

— Ты единственная, кто действительно ранен. А не добрая половина из нас.

Когда Скарлетт отворачивается, ее глаза слезятся. Я хватаю ее за лицо и притягиваю к себе.

— Дело не в тебе. Мы все знали, на что шли. И мы пошли, потому что хотели этого.

— Только не я, — ворчит Конор. — Я пошел, потому что ты сказал мне, что после я смогу взять выходной.

— И теперь ты, блядь, и правда можешь его взять, — говорю я.

— Можем ли мы все просто взять паузу, чтобы оценить, какая чертовски сумасшедшая твоя зазноба? — говорит Дом.

Скарлетт улыбается, но улыбка не касается ее глаз. И на этот раз, когда я притягиваю ее к своему израненному боку, она позволяет мне это сделать.

— Когда я смогу отыметь этих парней? — спрашивает Сторм.

Я смотрю на Скарлетт, и она пожимает плечами.

— Я обещала ей, что сначала она немного поиграет с ними.

— Да, конечно, обещала.

С приходом врача разговор сходит на нет. К счастью, никто из нас не пострадал, поэтому врач использует местные анестетики, чтобы извлечь пули и обработать раны.

Кроу проверяет нас и убеждается, что все в порядке, прежде чем он и остальные уходят и возвращаются в Бостон.

Остались только Скарлетт, Сторм и я. Благодаря щедрости Алексея у нас есть комната на ночь.

Скарлетт убеждается, что Сторм хорошо устроилась, прежде чем вернуться ко мне.

Она выглядит смертельно уставшей и гораздо меньше, чем обычно, когда задерживается в дверях. Я понятия не имею, что творится в ее голове.

Теперь все кончено. Скарлетт свободна.

Мужчины внизу будут мертвы завтра утром, и она уйдет отсюда без всякого груза на плечах.

Но я не знаю, понимает ли она это. Я не знаю, сколько времени это займет. Я не знаю ничего, кроме того, что когда она бросается в мои объятия, я позволяю ей это. Скарлетт ползает по мне, рвет на мне одежду и целует так, будто хочет убить. Она жестокая, нуждающаяся и безумная.

— Боже, ты такой чертовски сексуальный, — бормочет она мне в шею. — Ты мне нужен, Рори. Ты нужен мне прямо сейчас.

У меня болит плечо, а ее нога поджата, но это неважно. Я хватаю ее и бросаю на кровать, в грязной окровавленной одежде, но я принимаюсь за дело.

Я раздеваю Скарлетт догола и трахаю так, как никогда не трахал ее раньше.

Полное подчинение с ее стороны.

Я шлепаю ее по заднице, потому что я все еще зол на нее, и моя девочка позволяет мне. Конечно, маленькой дьяволице это нравится, и она умоляет меня о большем.

Весь остаточный адреналин, который еще оставался в моем теле, извергается в нее, когда я кончаю так сильно, что почти теряю сознание.

Скарлетт тоже кончает, оставляя следы царапин на моей спине.

Ни у кого из нас нет сил на душ. Поэтому я обнимаю ее, целую в макушку и уже наполовину засыпаю, когда она целует мою грудь и бормочет мне что-то.

Ее единственная неоспоримая истина.

— Мой.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Рори

В свете раннего утра в Скарлетт что-то изменилось.

Я не знаю, что именно. Просто ее глаза стали мягче. Теплые, как мед, и незащищенные.

Пряди золотисто-каштановых волос щекочут мою грудь, когда она прижимается ко мне губами, а ее пальцы впиваются в мою спину.

— Все еще ненавидишь меня? — спрашивает она.

Это грубый вопрос, если я когда-либо слышал такой. Она хочет поговорить, и я тоже хочу, но только после того, как все действительно закончится.

Пока ее прошлое не будет стерто.

Сторм спасает меня от ответа, когда врывается без стука и прислоняется к дверной раме.

— О, ну разве это не самое милое, что я когда-либо видела.

Она явно пошла на поправку и снова чувствует себя самой собой, так как ее глаза блуждают по моей обнаженной груди, прежде чем она подмигивает Скарлетт.

— Тебе что-то нужно? — огрызается Скарлетт.

— Хочу поиграть со своими игрушками.

— Хорошо, — простонала Скарлетт, а затем посмотрела на меня. — Она может пойти поиграть?

— Тебе придется найти Алексея, — говорю я ей. — Он впустит тебя. И присмотрит за тобой.

— Мне не нужен надсмотрщик, — насмехается Сторм.

Я не пытаюсь спорить с ней, потому что я уже рассказал Алексею все, и он знает, что делать. Он проследит, чтобы они были живы, когда Скарлетт будет готова заняться ими.

— Никаких меток, тату, — говорит ей Скарлетт, прежде чем выскользнуть за дверь.

— Татуировки — для живых.

Сторм подмигивает и исчезает в коридоре, напевая веселую мелодию.

— А хочу ли я вообще знать, где ты ее нашла? — интересуюсь я у Скарлетт.

— Зачем? — огрызается она. — Ты хочешь спасти еще одну душевнобольную, раз уж с этой у тебя ничего не получилось?

Я целую ее, потому что она чертовски сексуальна, когда так заводится.

— Ты ревнуешь? — пробормотал я ей в губы. — Мой маленький зеленоглазый монстр.

— Она продолжает смотреть на тебя, и я знаю, что ты это знаешь.

— Так что бы ты хотела, чтобы я сделал?

Я смеюсь.

— Вырезать ей глаза?

Скарлетт не отвечает, и я вижу, как она борется с этими новыми чувствами. Ревность, вероятно, так же чужда ей, как и вопрос доверия.

— Сатана. — Я хватаю ее за плечи и тащу к себе. — Тащи свою задницу сюда.

Она прижимается головой к моей груди и вздыхает. Когда мои пальцы запутываются в волосах Скарлетт, ее глаза закрываются, и через несколько мгновений она снова засыпает.

Мы лежим так до полудня, когда откладывать больше некуда.

Мне нужно вернуться в Бостон, и нет причин откладывать неизбежное.

— Ты готова? — спрашиваю я, когда она выходит из ванной, одетая в кое-что из одежды Талии.

— Как никогда, — отвечает она.

Голос у нее деревянный, а на лице маска. Она крепко заперлась, моя маленькая воительница. Я все еще не знаю, что произойдет, когда она увидит их. И действительно ли она пойдет на это.

Но выбор должна сделать Скарлетт. И что бы она ни решила, я буду рядом с ней.

Мы идем рука об руку к подвалу, и она не отпускает меня.

Сторм ждет в коридоре, счастливая и беззаботная, посасывая очередной леденец.

— Моя работа здесь закончена, — говорит она. — И русский парень организовал для меня поездку, так что я собираюсь сбежать.

Скарлетт протягивает руку и берет ее за плечо, и Сторм вздрагивает от человеческого прикосновения.

— Прости, — Скарлетт отпускает ее, — просто хотела сказать тебе спасибо. За все.

— Нет проблем, — Сторм пожимает плечами. — Было весело. Нам стоит все повторить как-нибудь.

Скарлетт смотрит на меня, а потом качает головой.

— Теперь я вне игры, — говорит она. — Навсегда.

Сторм ухмыляется, а затем вздыхает.

— Я так и думала.

— Но есть еще одна последняя вещь. — Скарлетт достает из кармана карточку и возится с ней. — Я не упомянула об этом раньше.

Сторм разминает часть леденца между зубами, разглядывая карточку.

— Что это?

— Есть один федерал. И у него на тебя виды.

— Ах да, тот парень, — Сторм кивает. — Он тут всех расспрашивал.

— Я ничего ему не сказала, — говорит ей Скарлетт. — И не скажу. Но он хотел, чтобы у тебя было это. На случай, если тебе когда-нибудь понадобится помощь, я думаю.

Сторм берет карточку и бросает на нее любопытный взгляд, прежде чем засунуть ее в карман.

— Спасибо. С ним может быть весело поиграть.

— Нет, — говорит Скарлетт. — Не с ним. Он один из хороших парней.

Сторм смотрит на меня, и я киваю. Но она не верит.

— Ладно, — вздыхает она. — Оставлю бедного маленького федерального агента в покое. Ты никогда не давала мне хорошенько повеселиться.

— Наверное, это к лучшему, — соглашается Скарлетт. — Но что ты хочешь, чтобы я ему сказала?

Сторм проводит языком по зубам в игривом жесте.

— Просто скажи ему, чтобы он поймал меня... если сможет.

СТОРМ УШЛА НАВСЕГДА, но она определенно оставила свой след.

Двое парней, привязанных к столу, были изрезаны, порезаны на мелкие кусочки, сожжены и бог знает что еще. Потому что их глаза в этот момент практически молят о смерти.

Скарлетт не знает, что у Алексея есть свой способ справляться с мужчинами, нападающими на женщин. И прежде чем Сторм приложила к ним свою руку, Куинн и Дюк наслаждались долгой, полной страсти ночью с Борисом.

Борис — более двухсот фунтов чистой мускулатуры, и ему нравятся покорные и закованные в кожу мужчины.

Наверное, это объясняет, валяющиеся на полу трусы без задней части. А также пустой флакон из-под смазки.

Скарлетт, конечно, не упускает их из виду, но и не спрашивает о них.

Она смотрит на первого парня. Куинн.

И он тоже смотрит на нее.

Он знает, что его ждет.

— Мне жаль, — говорит он Скарлетт. Это мольба о пощаде, но они ее здесь не найдут.

Будь моя воля, я бы сам сказал ему об этом. Пока он истекал кровью, я бы смотрел ему в глаза и говорил, что он никогда не должен был прикасаться к моей сатане.

И если бы я мог убить его тысячей разных способов, я бы это сделал.

Но это то, чего хотела Скарлетт.

То, о чем она просила.

И даже если я не согласен с этим, я должен уважать ее за это.

Вчера Скарлетт показала мне, какая она на самом деле свирепая. Она была бесстрашной, сумасшедшей и сексуальной, как черт, с АК-47 в руках, взрывая все вокруг.

Но сегодня она спокойна.

Мягкая и... уязвимая.

Она красива в любом случае, но я никогда не видел ее такой.

Она слишком крепко сжимает нож в руке, костяшки пальцев побелели, и она не двигается. Я даже не знаю, дышит ли она, настолько она неподвижна.

Мы стоим так долгое время, и я не говорю ни слова.

Это путь, который она должна пройти сама. Решение, к которому она должна прийти сама.

Я не хочу, чтобы у нее осталась обида. И я не хочу давить на нее.

Но, как оказалось, мне это и не нужно.

Нож в руке Скарлетт падает на пол, и она поворачивается в моих руках в то же время, когда я притягиваю ее к себе.

— Я не могу этого сделать, — шепчет она мне в грудь. — Я не хочу этого делать.

— Все в порядке, куколка, — заверяю я мою девочку. — Я сделаю.

Скарлетт кивает мне, но ни один из нас не двигается в течение долгого времени. Потом постепенно она отстраняется, наклоняется, притягивает мое лицо к своему и целует меня.

Этот поцелуй передает слова, которые она не может сказать мне сама.

Спасибо.

Какая-то часть меня всегда знала, что до этого дойдет.

Я не чувствую вины за то, что сейчас произойдет в этой комнате, и не буду чувствовать вины после. Я бы убил тысячу человек ради Скарлетт. Я бы пытал их и заставил истекать кровью, если бы это принесло ей покой.

— Иди наверх, — инструктирую Скарлетт. — Прими ванну. А когда я закончу, мы поедем домой.

— Хорошо.

Она поворачивается, и я останавливаю ее.

Отстегиваю часы, которые тяготили меня все эти годы. Постоянное напоминание о том, что я не стану таким, как мой отец.

Мне они больше не нужны. Потому что я знаю, что никогда не стану таким, как он.

Я защищаю людей, которых люблю.

И иногда это означает быть запятнанным чужой кровью ради тех, кого любишь.

— Возьми их, — говорю я ей. — И избавься от них.

Скарлетт не знает. Она не может знать, но каким-то образом она все понимает. Скарлетт а тянется вверх, чтобы еще раз коснуться моего лица.

— Ты хороший человек, Рори.

Она бросает последний взгляд на обоих парней, а затем кивает, оставляя меня.

Скарлетт

Все мои вчерашние дни ничего не значат, если мое завтра не с тобой.

УМИРОТВОРЕНИЕ — ЧУЖДОЕ МНЕ ЧУВСТВО.

Чувство, которое я не могу припомнить, чтобы когда-либо знала.

Но это единственное слово, которое я могу подобрать, чтобы описать спокойствие, которое овладело мной с тех пор, как мы вернулись в Бостон.

Рори был занят, разгребая последствия того беспорядка, который мы устроили. Мне хотелось бы верить, что именно поэтому он так часто пропадает, пробираясь ко мне поздно ночью, когда думает, что я сплю.

Он дает мне свободу, и поначалу я была благодарна за это.

Но теперь я готова к разговору.

Мне подали большой старый кусок пирога смирения, и, в конце концов, я поняла, что меня действительно нужно спасать. Хотя бы раз.

И Рори единственный, кому я когда-либо позволила бы это сделать.

Он — моя опора.

То, к чему я всегда возвращалась, когда чувствовала себя неустойчивой в этом мире. Я использовала его как убежище от бури, как мишень для моего неуместного гнева и как бальзам для хаоса в моей душе. Я причиняла Рори боль, любила его, ненавидела и хотела его. Я безжалостно отталкивала Рорио, и у меня нет права просить его о втором шансе.

Но я хочу большего.

Я готова к большему.

Когда внутри тебя царит мир, все остальное становится понятным.

Я все еще его сатана. В своей основе я, вероятно, всегда буду немного злой. Но версия Скарлетт 2.0 покончила с играми и ложью. И я хочу доказать Рори, что мы хорошая команда.

Лучшая команда. И что мы должны до конца наших дней вместе разгребать дерьмо.

Но поскольку он улизнул от меня сегодня утром, я сижу одна в его доме с Виски. Опять. А этот маленький рыжий ублюдок смотрит на меня своими мерзкими глазенками, и я напоминаю ему, что это я привела его сюда.

Я немного схожу с ума.

Поэтому я решаю навестить Мак.

Это неожиданно для нас обеих.

Мак открывает дверь, у нее буквально челюсть отвисает, когда я спрашиваю позволения войти.

— Конечно.

Она быстро провожает меня внутрь, как будто я могу передумать.

Я не была у нее дома с тех пор, как она родила ребенка. А теперь она почти готова родить второго.

Признаться, я была не очень хорошей подругой.

Но я хочу попробовать.

Попробовать стать лучше.

— Как ты? — спрашивает Мак. — Теперь, когда пыль улеглась?

— Я в порядке.

На этот раз это не ложь.

Ребенок плачет из манежа посреди гостиной, и Мак идет за ней. Как только она берет Киву на руки, плач прекращается, и ее маленькие голубые глазки смотрят на меня.

Она улыбается, и я пытаюсь улыбнуться в ответ, но Мак смеется над выражением моего лица.

— Ты выглядишь испуганной.

Я сглатываю и прочищаю горло, прежде чем протянуть руки.

— Можно?

Теперь настает уже очередь Мак выглядеть испуганной.

— Ты хочешь подержать ее? — спрашивает она.

— Да. Разве это не то, что обычно делают с детьми?

— Ага... — соглашается она.

Мы зашли в тупик. И я думаю, что она все еще осознает, что это происходит. Но, в конце концов, Мак передает Киву мне, и она оказывается тяжелее, чем я ожидала. Кива выглядит такой маленькой, особенно когда Рори держит ее на руках и подпрыгивает.

Ее крошечные пальчики тянутся вверх и хватают меня за нос, а затем шлепают меня по лицу и издают какой-то нечленораздельный звук.

— Ты ей нравишься, — говорит Мак.

Еще один шлепок по лицу.

— Думаю, да.

— Ты хорошо смотришься с ребенком на руках, — говорит Мак, и я быстро отдаю Киву обратно.

Детские шаги, в конце концов.

— Хочешь пойти купить пончиков? — спрашиваю я ее.

— Конечно.

Ее лицо светится, потому что Мак никогда не отказывается от пончиков и кофе.

— Только позволь мне сначала позвонить Конору.

За то время, которое требуется Мак, чтобы подготовиться к нашей прогулке, она набирает около пятисот фунтов необходимых вещей для поездки. Кива закреплена в коляске, а Мак передает сумку с подгузниками и игрушки Конору, который следует за нами по пятам.

— Кроу говорит, что можно только без кофеина, — говорит ей Конор.

— Ну, это будет наш маленький секрет, — говорит ему Мак. — Не забывай, что у меня на тебя немало компромата.

— Тебе это никогда не надоедает? — спрашиваю я. — Когда эти парни все время рядом?

— Нет, — Мак оглядывается на Конора и улыбается. — Поначалу это немного раздражало. Но сейчас мне это нравится. Лишняя пара рук и глаз — это чистое золото, когда у тебя есть ребенок.

Мы сидим в «Данкис» и едим пончики, пока Конор пишет СМС на своем телефоне.

— У него есть девушка, — шепчет Мак. — Он просто еще не знает об этом. Это так чертовски мило.

— Он не знает, что у него есть девушка?

— Я тебя слышу, — сухо говорит Конор.

— Конор и Айви сидят на ветке, — напевает Мак. — На ветке целуются детки.

Конор закатывает глаза, но на его лице появляется глупая улыбка. И я помню, как он рассказывал мне, как Рори спас его от самого себя. Несмотря на то, что он был маленьким сукиным сыном для меня, я знаю, что он сделал это из любви к своему брату и его семье.

Синдикат.

Это действительно семья, понимаю я, наблюдая за тем, как они переговариваются между собой, как брат и сестра.

— Она танцовщица, — говорит Мак.

— Была танцовщицей, — поправляет Конор.

— Верно. Пока ты не сделал Ронана.

— Не делал я Ронана ни разу.

— Томат, Томахто, — говорит Мак.

После еще одного часа безжалостного поддразнивания Конора по поводу его новой девушки, мы возвращаемся в дом.

Я улыбаюсь и чувствую себя легче, и Мак тоже это видит.

— Тебе стоит приходить почаще, — говорит она.

В ее голосе звучат неподдельные эмоции. Не много, но достаточно, чтобы дать мне понять, что ей не все равно. Похоже, материнство немного смягчило Мак, но, как ни странно, ей это идет.

— Обязательно, — говорю я ей, и я серьезно.

— И Рори тоже, — говорит она.

— Кстати говоря, — вклинивается Конор. — С ним случился припадок, потому что он не знал, где ты. Он будет здесь, чтобы забрать тебя через несколько минут.

Мак закатывает глаза и обнимает меня.

И, как и обещал Конор, через несколько минут я снова сижу в машине Рори.

Скарлетт

Сомневайся в том, что звезды — огонь. Сомневайся в том, что солнце движется. Сомневайся в том, где правда, где ложь. Но не ставь под сомнение мою любовь.

Шекспир.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ просто убежать, не сказав мне, куда ты намылилась, — говорит Рори.

— Какая разница? — спрашиваю я. — Тебя здесь не было.

В машине становится тихо, и он не говорит больше ни слова, даже когда мы возвращаемся в дом. Между нами все еще так много напряжения, и на этот раз не я убегаю от него.

Рори пытается уйти от меня почти сразу же, как только мы возвращаемся в дом и я оказываюсь в безопасности.

— Останься, — говорю я ему, когда он подходит к двери.

Его спина выпрямляется, а рука ложится на ручку, но он задерживается там. Борюсь с самим собой.

— Я приготовлю блинчики.

Я не знаю, почему я это говорю, просто мне кажется, что так и надо поступить. Потому что кто может устоять перед блинами?

— Сейчас не время завтрака, — говорит он.

— Это блюдо на все времена, правда.

У меня странный голос. И его тоже, когда он произносит:

— Хорошо.

Рори садится за кухонный стол, а я приступаю к работе. Кухня Рори хорошо укомплектована. Он может быть вечным холостяком, но он умеет готовить.

Что, как оказалось, очень кстати, потому что я понятия не имею, что делаю.

После того, как я размазала тесто по лицу и подгорели первые два блина, он встает, чтобы помочь мне. И у него это выглядит так легко. Его блины золотисто-коричневые и идеальные.

Прямо как и он.

— Как ты научился это делать? — спрашиваю я.

— Подрабатываю поваром по приготовлению блинов, — поддразнивает он.

Но когда мы садимся за стол, он рассказывает мне настоящую причину.

— Моя мама хорошо готовит. Мне нравилось помогать ей.

В его голосе звучит благоговение, и хотел бы я сказать то же самое о своей матери. Моя мама не готовила ни дня в своей жизни.

Мы продолжаем говорить о блинах, потому что это просто, и это не дает никому из нас затронуть тему слона в комнате. Он рассказывает мне о других блюдах, которые готовила его мама. Тушеное мясо и традиционные ирландские завтраки.

А потом мы оба заканчиваем есть, и снова между нами повисает неловкое молчание.

Он снова готовится уйти, но я не могу ему этого позволить.

Один из нас просто должен взять себя в руки и поговорить об этом.

— Я все еще в процессе, — промурлыкала я. Рори смотрит на меня, и я изо всех сил пытаюсь объяснить. — Мне кажется, я знаю, почему ты избегаешь меня.

Рори пытается возразить, но я не даю ему этого сделать.

— У тебя есть полное право не доверять мне, — говорю я. — Все, что я когда-либо делала, это лгала тебе. И я не стану отрицать, что хотела причинить тебе боль. Что я хотела заставить тебя заплатить за то, что ты испортил мои планы. — Рори скрещивает руки и откидывается на спинку стула, спокойно слушая, как я продолжаю свою отповедь. — Я бы хотела сказать, что я больше не та девушка. Но мы оба знаем, что это было бы очередной ложью. Я все еще нахожусь в процессе работы над собой. Но теперь все иначе. Я другая. И я не могу придумать никого другого на этой земле, с кем бы я хотела быть другой, чем с тобой.

Он вздыхает и проводит рукой по волосам, глядя куда угодно, только не на меня.

Я все еще не убедила его в этом, но я и не ожидала, что это будет легко.

— Мне нужно многое исправить, — говорю я. — Но все, о чем я прошу, это шанс. Чтобы показать тебе, что я меняюсь. Я развиваюсь. И что я могу быть не только занозой в твоей заднице. — Это заставляет его улыбнуться, но он пытается скрыть это кашлем. — Мне нравится издеваться над тобой, — говорю Рори. — Но мне нравится и это. Сидеть здесь за столом, вот так по-домашнему и все в таком духе. А ночью лежать с тобой в твоей постели. Боже, я бы убила прежнюю себя за признание этого, но это лучшее, что когда-либо со мной случилось.

— Скарлетт... — его голос хриплый, и я боюсь, что Рорисобирается сказать мне «нет», поэтому я продолжаю тараторить.

— И я не даю никаких обещаний, но сегодня я держала на руках ребенка, и она даже не плакала. Так что, может быть, я не такая уж и злая. Ведь Сатана тоже когда-то был ангелом. Значит, в нем должно было быть и хорошее, и плохое. Я думаю, в каждом из нас есть хорошее и плохое...

Рори встает и переходит на мою сторону стола, фактически прерывая мою тираду, выдергивая меня из-за стола и целуя меня. Крепко.

— Черт, — простонал Рори, притягивая мое тело к своему. — Ты самая сексуальная

маленькая психопатка, с которой я когда — либо сталкивался, куколка. И даже если бы ты вела меня прямо к гибели, я сомневаюсь, что смог бы тебе отказать.

— Но хочешь ли ты этого? — спрашиваю я, и он хватается меня за задницу и сжимает.

— Нет, — ворчит он.

Он целует мою шею, всю челюсть до самого уха.

В этот момент с моих губ срывается еще больше слов.

— Женись на мне.

Все его тело выпрямляется, он отступает назад и смотрит на меня так, будто я действительно сошла с ума.

— Я не прошу американских горок в отношениях, милая, — говорит он. — Маленькие шаги — это прекрасно.

И это видно по глазам Рори. Он не верит, что я пережила то, что случилось. Что я знаю, о чем прошу. И, несмотря на то, что он говорит, Рори все еще не доверяет мне.

Но это нормально.

Потому что я всегда получаю то, что хочу.

И этот случай не исключение.

Я не думала, что есть что-то, чего я могу хотеть больше, чем моей мести, но я ошибалась.

Это.

Это то, чего я хочу.

Я готова приложить все усилия, чтобы доказать, что я права насчет нас. Чтобы показать Рори, что я больше, чем просто соучастница по преступлению. Что он может доверять мне, и что я буду лучшей женой мафиози, о которой он когда-либо мог бы просить.

Начиная прямо сейчас.

Я опускаюсь перед ним на колени и хватаюсь за пряжку, расстегиваю брюки и целую всю длину его члена, скрытую в трусах.

Он пахнет так чертовски хорошо. И он становится еще вкуснее, когда я сосу его через ткань.

Рори — животное.

Пещерный человек.

И он мой.

Скарлетт

Они быстро погрузились в близость, от которой так и не оправились.

Ф. Скотт Фицджеральд

Я и не думала, что Рори может стать еще сексуальнее.

Увидеть его на ринге было для меня верхом совершенства. Нет ничего более примитивного, чем мужчина, который знает, как драться.

Видеть его с оружием, наблюдать за тем, как он учил меня им пользоваться, — это тоже было очень круто.

Видеть его в роли моего героя, когда он вышел из подвала у Алексея, сделав то, что я не смогла... это было то, что я никогда не забуду.

Но видеть его сегодня, в одних рваных джинсах и с ремнем для инструментов на талии... я беру назад все слова, которые говорила о нем ранее.

Он самый сексуальный.

И самый лучший, настолько хорош, что музыка играет так громко, что он даже не услышал, как я вошла. Так что я могу просто постоять здесь минутку, чтобы оценить его во всей красе, когда он бьет молотком и использует инструменты, как босс.

Я откладываю продукты и подхожу к Рори сзади, скольжу руками по его талии и обнимаю сзади.

— Я могу лишиться пальца, если ты снова будешь так подкрадываться ко мне, — говорит мне Рори, когда убавляет звук.

— Женись на мне.

Я не вижу его лица, но знаю, что он улыбается.

В течение последнего месяца мы постоянно шутили друг с другом. Я прошу его об этом по крайней мере три раза в день. Но его единственный ответ — поцелуй.

Но сегодня он повернулся в моих руках и поднял меня за талию, целуя в шею.

— У меня есть кое-то для тебя, — говорит он.

Должно быть, у меня более грязные мысли, чем у него, потому что я разочарована, когда

Рори идет по коридору, а моего подарка нет.

Он показывает жестом на кучу коробок, когда усаживает меня на свою кровать.

— Ребята привезли твои вещи сегодня.

— Мои вещи? — спрашиваю я. — Из моей квартиры?

— Это и есть вещи.

Рори кивает.

Я смотрю на коробки и постукиваю пальцами по бедру. Рори внимательно наблюдает за мной, вероятно, готовясь к эпической истерике, поскольку он знает, как я трепетно отношусь к этим вещам.

Но, честно говоря, я совсем забыла об этом. Я не возвращалась туда с тех пор, как там был Александр.

Я не хотела возвращаться.

Я покупала новую одежду, потому что так было проще. Но это был хороший жест, и я рада, что у меня есть некоторые из моих книг и обуви.

— Мне пришлось избавиться от нескольких книг.

Рори подходит к этой теме так, будто обезвреживает бомбу.

— Они были... ну...

— Покрыты кровью.

— Да.

— Значит, ты трогал все мои вещи, — говорю я. — Ты их передвигал, упаковывал и приводил в порядок.

— Виноват, — говорит Рори. А потом, немного тише: — Так насколько все плохо?

Он все еще мысленно готовится к тому, что я выйду из себя.

— Тебе лучше построить убежище.

Я встаю и иду к Рори, а он отступает. Пока я не схватилась за петли его джинсов и не дернула.

— Значит, это значит, что я буду жить с тобой?

— Наверное. Мне нужно, чтобы ты была рядом, чтобы я мог присматривать за тобой.

Он целует меня слишком коротким поцелуем и снова пытается уйти.

— Оставайся и целуйся со мной.

— Нет, я так не думаю, — говорит он. — У меня есть работа, и у тебя тоже. Пора распаковываться, сатана. А потом тебе лучше быть готовой, потому что сегодня вечером я приглашаю тебя на свидание.

— Ты бы видел, что я сейчас делаю с тобой в моей голове, — говорю я, но Рори уже ушел и скрылся за углом.

Так что, к моему большому разочарованию, я провожу остаток дня, распаковывая вещи, вместо того, чтобы воплощать свои фантазии о горячем плотнике.

Запланированный вечер РОРИ состоит из встречи в доме Найла Маккенны.

Теперь уже ушедшего на покой бывшего босса Синдиката.

Для него это большое дело — привести меня сюда, и я знаю это, как только мы входим в дверь.

Несмотря на то, что я притворялась, будто меня не беспокоит, что он не совершит

преступления, этот маленький поступок подтверждает все, что мне нужно знать о наших отношениях.

Теперь я в этом мире навсегда.

Вы не ходите ужинать в дом Найла Маккенны, если только вы не давняя подружка или жена одного из этих парней.

Рори прекрасно знает, что я тоже это знаю, потому что он смотрит на меня прямо сейчас, оценивая мою реакцию.

Я сжимаю его руку, чтобы передать слова, которые не хочу произносить вслух.

Я никуда не денусь.

Мак здесь, и Саша тоже, и я оказываюсь под прицелом их пристальных взглядов через несколько мгновений после того, как вхожу в комнату. Они пытаются оттащить меня от Рори, что, видимо, и нужно сделать, чтобы ребята могли поболтать о делах, покурить сигары или что-то еще в этом духе.

Рори шлепает меня по заднице, прежде чем я уйду, и наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Веди себя хорошо, сатана.

Я целую его в щеку.

— Лучше я буду плохой девочкой для тебя.

На его лице появляются ямочки, а Мак издает тихий рвотный звук позади меня, когда она наконец разнимает нас и тащит меня прочь.

— Что с тобой случилось? — спрашивает она. — Ты размякла.

— Говори за себя, — говорю я ей.

Мак смотрит через всю комнату на Кроу, в то время как Саша ищет глазами Жнеца, и оба они все еще так же пьяны от любви, как в день их свадьбы.

Наглядный пример.

Мы только собираемся сесть, как с другого конца комнаты раздается шум. Женский крик, за которым быстро следуют смех и хлопки.

— Что там происходит? — спрашивает Саша.

Я не уверена, так как ничего не вижу. Все ребята стоят в кругу, и только когда Конор чуть отодвигается с обозрения, я вижу все своими глазами.

Невысокая женщина с такими же пепельными светлыми волосами и зелеными глазами, как у Рори. Она обнимает его так, будто от этого зависит ее жизнь, и осыпает его лицо поцелуями.

Его мама здесь.

Судя по выражению лица Рори, он ничего не подозревает. Но через несколько мгновений его глаза находят мои в другом конце комнаты, и он тянет ее ко мне.

— Вот дерьмо.

— Ты справишься, — шепчет Мак рядом со мной, прежде чем исчезнуть из поля зрения.

Я не очень хорошо отношусь к матерям.

Моя собственная мать ненавидит меня, так как же, черт возьми, я должна завоевать доверие его матери?

Я не готова к этому морально. Когда Рори представляет нас, я на грани паники. Я не знаю, что сказать, или сделать, или...

Она наклоняется ко мне, чтобы обнять, и выжимает из меня всю жизнь. Для такого крошечного существа, она агрессивная обнимательница.

— Я же говорил, — говорит Рори, и он сияет от гордости.

— Да.

Она одобрительно кивает, пока ее взгляд перемещается по мне.

— Да. Она красавица, сын.

Я краснею, думаю я, потому что мои щеки горят, поскольку я не в курсе, что Рори наплел обо мне своей матери. И правда, что?

— Как надолго вы здесь...

Я понятия не имею, как ее называть.

— Зови меня просто мамулей. — Она игриво подмигивает мне, и я понимаю, откуда это у Рори. — Все так называют. И я здесь на две недели.

— И все? — спрашивает Рори.

— О, тише ты, — говорит она ему. — Вы двое можете навестить меня после, — уточняет она.

Но Найл зовет всех на ужин, поэтому я иду рядом с Рори и его мамой и сажусь, куда мне говорят.

Это большой ужин. С традиционными ирландскими блюдами. На столе тушеное мясо и пироги, хлеб и колбасы. Картофельные блюда и блюда из капусты. Всего понемногу.

И я узнаю, почему это так чертовски вкусно, когда мама Рори с гордостью говорит нам, что большую часть всего этого она приготовила сама.

Когда мы заканчиваем и убираем тарелки, Найл поднимается и приказывает всем перейти в гостиную, где он должен сделать особое объявление.

Именно на этом этапе Рори отходит от меня, целуя в щеку и меня, и свою маму. Затем он поднимается и встает рядом с Найлом, который обнимает его, как подобает отцу.

И я вижу это сейчас. Найл для него как отец.

— Хотел бы поблагодарить всех вас за то, что вы присоединились к нам сегодня вечером, — начинает Найл. — Не передать словами, как я горжусь тем, каким молодым человеком стал Рори. С тех пор как он был совсем маленьким мальчиком, развозя продукты для моего магазина в Ирландии, я знал, что он особенный.

Мужчины поднимают бокалы и скандируют в знак согласия с ним, и тогда Найл продолжает свою речь.

— Поэтому, когда он пришел ко мне на прошлой неделе, чтобы задать очень важный вопрос, вопрос, который, если задать его правильно... должен быть задан только один раз в жизни, я сказал ему, что должен подумать. Понимаете, его мамочка попросила меня позаботиться о его интересах, и я эгоистично согласился, но только потому, что мне это было приятно. Честно говоря, я был не совсем готов делить его с кем-то.

Раздается тихий смех, а затем Найл жестом показывает мне на другой конец комнаты.

— Скарлетт, не могла бы ты подняться сюда на минутку?

Мама Рори похлопывает меня по спине, когда я замираю на месте, а затем слегка подталкивает меня, когда это не срабатывает.

Я, спотыкаясь, иду вперед и подхожу к передней части толпы, где все взгляды устремлены на меня.

В этот момент Рори берет слово.

— Он явно дал мне свое благословение, — говорит Рори толпе, беря мои руки в свои и становясь передо мной на колени.

Раздается смех, а я в шоке.

— Скарлетт, мой прекрасный маленький дьявол, не окажешь ли ты мне честь всколыхнуть ад вместе со мной.... — Он морщится и смотрит в толпу: — Прости, мамочка. Я хочу сказать, что хочу, чтобы ты была рядом со мной. Готов делать с тобой приятные вещи. По крайней мере, в течение следующих двух недель, а потом мы сможем всколыхнуть ад, когда мамочка уедет. — Снова смех из толпы, и я тоже смеюсь. — Сатана, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

В комнате становится тихо и спокойно, пока все ждут моего согласия.

Я сосредотачиваюсь на Рори.

На моем непоколебимом, красивом, озорном и смертельно опасном Рори.

Он действительно святой. А я — дьявол.

Но вместе мы — пара, созданная на небесах.

— Да, — говорю я. — На самом деле, это чертовское «да».

Зал раздражается смехом, хлопаньем, хаосом и несколькими язвительными насмешками, когда Рори надевает мне на палец кольцо с бульжником, а не камешком, а затем поднимает меня на руки.

Он целует меня на глазах у всех, а затем Найл поднимает свой бокал.

— Как я на это смотрю, — говорит Найл. — Я не теряю сына, но приобретаю дочь.

Тосты продолжаются в течение следующих десяти минут, и, в истинно ирландской моде, они смешные и продуманные.

Все счастливы. Но больше всех счастлива мама Рори, она не перестает плакать и суесться вокруг нас двоих.

— Внуки, — говорит она. — Я хочу внуков.

— Да, — Рори ухмыляется мне. — Мы уже работаем над этим.

А потом он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Как только ты подпишешь свидетельство о браке, ты перестанешь принимать таблетки.

Рори

Мамуля вся в слезах.

Бегает по церкви и старается, чтобы все было идеально. Я не могу вырваться из ее рук даже на минуту, и мне будто снова пять лет.

Она не выпускает меня из виду, потому что до сих пор верит в это глупое суеверие о встрече с невестой перед свадьбой.

Вот почему я придумал план.

Конор сидит в углу, обнимается со своей подружкой, которая теперь крайне редко отлепляется от его лица, когда я щелкаю пальцами.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал.

Он издает стон, и Айви улыбается ему, искренне привязавшись к бедному парню. Я рад, что он наконец-то нашел кого-то, кто заставит его отрастить пару яиц.

— Я вернусь после, — говорит он ей, прежде чем подойти ко мне.

— Что тебе нужно?

— Ну, во-первых, ты мог бы стереть эту дерьмовую ухмылку со своего лица, — говорю я ему. — Это день моей свадьбы, и мне сегодня обещан классный трах.

Он ухмыляется, и это действительно не помогает.

— Да у тебя, парень, недотрах, как я погляжу, а?

— Ты и представить себе не можешь, — говорю я. — Мамочка не отпускала всю

неделю. Скарлетт не ложилась в мою постель уже семь дней.

— Ну, сегодня она в нее ляжет, — уверяет меня Конор.

— Нет, это не может ждать, приятель. Я качаю головой. — Мне нужно отвлечься.

— Чего задумал? — спрашивает он.

— Может, что-нибудь может произойти с цветами. Заставить букет исчезнуть на некоторое время. Оставить записку с выкупом. Мне, черт возьми, все равно, просто сделай так, чтобы это произошло.

— Сделаем, — говорит он и насвистывает, уходя.

Затем я подсылаю Кроу, потому что я знаю свою мамочку, и одного отвлечения будет недостаточно.

— Уже сделано, — говорит мне Кроу, прежде чем я успеваю что-либо сказать. — Мак сейчас потребуются срочный ремонт платья. Это даст тебе двадцать минут, по крайней мере.

— Спасибо, приятель.

Я хлопаю его по спине, а затем закатываю глаза, когда вижу его взъерошенную рубашку.

— Дай угадаю, ты помог ей с платьем?

Он пожимает плечами, а я качаю головой.

Все трахаются, кроме меня.

Как только Мак попадает в поле зрения мамочки, я выбегаю оттуда, как будто мои туфли горят. Скарлетт в примерке, когда я нахожу ее, и она ухмыляется, когда видит, как я пробираюсь внутрь.

Она просто великолепна.

Моя мамочка убедила ее надеть белое. Какое-то принцессино пуховое платье и все такое. И одна мысль о том, что я понимаю, насколько плохо ощущает себя мой дьяволенок в наряде столь невинного цвета, заставляет меня буквально выпрыгнуть из штанов от возбуждения при мысли об этом.

— Давно пора, — говорит она.

— Как ты вообще узнала, что я приду? — спрашиваю я.

— Прошло семь дней, — говорит она. — Я знала, что ты просто не сможешь не прийти.

На прошлой неделе Скарлетт рассказала мне о том, что всегда мечтала о дне своей свадьбы. В то время как большинство девушек мечтают о цветах, торте и украшениях, Скарлетт думала о том, как было бы здорово, если бы жених прокрался и грязно отымел ее перед тем, как она пойдет к алтарю.

Именно это я и собираюсь сделать.

— Пойдем.

Я хватаю ее за руку и тащу в чулан, который запирается изнутри.

— У нас мало времени.

— Ты действительно боишься своей мамы, — смеется она. — Не так ли?

— Ты, черт возьми, видела эту женщину?

— Почему ты думаешь, что я одета в белое? — отвечает она.

— Ммм...

Я прижимаюсь к шее Скарлетт и любовно покусываю ее.

— Но ты так хорошо в нем выглядишь.

— Просто подожди, пока ты меня разденешь, — шепчет мне на ухо Скарлетт.

Конечно, ее слова вызывают во мне адское любопытство. Поэтому я раздвигаю ткань ее платья, чтобы найти кружевную пару красных трусиков.

Идеально.

Дьявол, облаченный в наряд ангела.

Я зарываюсь лицом меж ее бедер и вдыхаю ее, трусь об нее, как собака. Прошло слишком много времени с тех пор, как я трахался с моей девочкой, и я говорю ей об этом, втягивая ткань ее трусиков в рот.

— Не-а.

Она хватает меня за волосы и откидывает мою голову назад.

— У нас в запасе только немного времени. Так что сделай со мной что-нибудь очень грязное.

Стук в дверь прерывает нас.

— Черт.

— Это я, — шепчет Конор. — Она будет здесь примерно через две минуты.

Я встаю, быстро целую Скарлетт в губы и рассказываю ей о плане «Б».

— Встретимся в кабинке для исповеди через пять минут.

— Ты серьезно? — смеется она.

— Как если бы у меня был сердечный приступ, детка.

Я хватаю руку Скарлетт и обхватываю ею твердый член в моих брюках. Она дважды нажимает на него, и я откидываю голову назад со стоном.

— Пять минут, — говорю я ей хрипло. — Не опаздывай.

И затем я выхожу за дверь, таща за собой Конора. К счастью, эта часть церкви на данном этапе пуста, пока все готовятся к свадьбе.

— Тебе придется стать моими глазами, — говорю я Конору.

Он кивает.

Я забегаю в исповедальню. Она меньше, чем я помню. Но сойдет. Я бы трахнул Скарлетт в консервной банке прямо сейчас, будь у меня такая возможность.

Моя маленькая дьяволица пришла на минуту раньше.

И я вознаграждаю ее, распаковывая Скарлетт и просовывая руку внутрь ее трусиков.

— Конор снаружи, — говорит она.

— Тебе не все равно? — спрашиваю я, прекрасно зная, что он может слышать все, что мы здесь делаем.

— Нет, блядь.

Она прижимается ко мне своей задницей.

— Давай покажем ему, как это делается.

И мы показываем.

Я задираю ее платье и хватаю за волосы, наклоняю и трахаю Скарлетт прямо здесь, в исповедальне.

Ничто и никогда не чувствовалось так хорошо.

Или неправильным, когда я думаю о своих собственных детских признаниях в одной из этих кабинок.

Это быстро забывается, когда Скарлетт кончает на меня за две секунды. Я просто хочу трахать ее вечно.

Я никогда не хочу покидать эту кабинку или тепло ее тела.

Но Скарлетт заканчивает все одним предложением, когда тянется назад, чтобы провести пальцами по моей шее.

— Я больше не принимаю таблетки.

Я кончаю так сильно, что почти теряю сознание. Даже одна мысль о том, что она может кончить, заставляет меня снова напрячься внутри нее.

— Это было не очень грязно, — извиняюсь я.

Я не в своей тарелке.

Но все же.

Семь дней.

— Нет, — соглашается она. — Но будет.

И затем она опускается на колени в своем белом платье, обхватывая ртом мой член, чтобы очистить меня.

КАК ОКАЗАЛОСЬ, Конор был не очень хорошим шпионом.

Я подавил смешок и изо всех сил старался выглядеть раскаявшимся, пока мама ругала нас. Но, в конце концов, она просто сдается и вскидывает руки вверх. Она забирает у меня Скарлетт, чтобы та снова стала похожа на невесту, а не на язычницу, которая только что позволила мне кончить на ее сиськи.

Перед началом свадьбы мужчины занимаются своими мужскими делами. В основном пьют и издеваются надо мной. Говоря мне, что жизнь, как я ее знал, закончилась.

Но говорят все это в хорошем настроении.

И, честно говоря, я не могу быть счастливее от того, что ношу кольцо.

Потому что оно не просто для кого-то. Оно для Скарлетт.

— Когда ты собираешься осчастливить ее по-семейному? — поддразнивает меня Дом.

— Минут пять назад, — замечаю я.

Они все снова поздравляют меня... потому что мы мужчины, и это та фигня, которой мы занимаемся.

Все парни здесь. Их жены и подруги тоже.

И гость, которого я не ожидал.

Букер.

Он пожимает мне руку, когда входит, и взглядом осматривает комнату. Для него рискованно находиться здесь, вот так, в открытую. Чтобы его связали с нами.

Но я полагаю, что он готов рискнуть.

— Ее здесь нет, — говорю я ему. — Не видел ее с тех пор, как она ушла от Алексея.

— Естественно, — кивает он разочарованно. — Просто пришел поздравить тебя.

Несколько минут мы болтаем о том о сем и пьем, пока что-то через мое плечо не привлекает его внимание.

Девушка.

В синем парике.

Она повернута к нам спиной, и я не думаю, что это она, но Букер уже идет за ней. Он идет за ней по проходу и хлопает ее по плечу.

Когда она оборачивается, она подмигивает и улыбается.

Это не Сторм, но она протягивает ему сложенную квадратом записку. Букер разворачивает бумажку, читает, а девушка тем временем исчезает.

— Что это? — спрашиваю я, когда он возвращается.

Он протягивает мне записку.

ДУМАЛА, ЧТО ТЫ оттаиваешь, БИ.

Но теперь ты настоящая ледышка.

Приходи и отыщи меня уже.

Я жду...

Чмоки в обе щеки

Сторм

Я качаю головой и передаю ему записку обратно.

— Удачи тебе, приятель.

Букер кивает и произносит последний тост, прежде чем уйти, а мама говорит нам, что пора занять свои места у входа в церковь.

И тогда я жду. Когда моя прекрасная маленькая чертовка пойдет к алтарю.

Она выглядит как ангел, когда идет по направлению ко мне.

А я тверже, чем ад, понимая, что она могла забеременеть от меня. И скоро она будет носить мое кольцо на своем пальце навсегда.

Я ничего не могу с этим поделать.

Когда Скарлетт доходит до конца прохода, и Найл передает ее мне в руки, я целую ее на глазах у всех. Прежде чем священник прочищает горло и прерывает нас.

— Мы еще не дошли до этой части.

— Верно. — Я целую ее снова. — Простите за это.

Скарлетт улыбается мне, а затем отстраняется, чтобы мы могли продолжить церемонию. Все традиционно.

Мы со Скарлетт поговорили об этом, и мы оба согласились, что будем более чем счастливы просто сделать это в «Слейнте» без всяких там украшательств. Но это для мамы.

И когда я смотрю и вижу, как она заливается счастливыми слезами, я как никогда благодарен Скарлетт за то, что она ей потекает.

Когда священник переходит к части слов клятвы, я вслушиваюсь в каждое слово и тщательно повторяю их, делая на них как можно больше ударений.

Мне важно, чтобы Скарлетт знала, что хоть я могу шутить, и мы только что по-своему осквернили церковь, я отношусь к этому серьезно.

Это клятвы, которые нельзя нарушить.

Так же, как и мои клятвы Синдикату и братьям.

До конца жизни я буду поклоняться ей и делать все, что потребует, чтобы защитить святость нашего брака. Я добавил и эту часть в свою последнюю клятву.

Священник от нас порядком подустал, поэтому он быстро закругляется. И после того, как мы обменялись кольцами, он произносит эти пять волшебных слов.

Вы можете поцеловать свою невесту.

Я целую Скарлетт до усрачки.

И так длится всю ночь напролет.

КОНЕЦ

[1] роман американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда; самое знаменитое литературное произведение «века джаза», экранизирован в 2013 году

[2] Намасте, традиционное приветствие из сложенных определенным образом рук, играет важную роль в индуистской культуре.

[3] Американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний. Одна из основных фондовых бирж США.

[4] Рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит выручка компании. Список составляется и публикуется ежегодно журналом Fortune

[5] Роберт Фрост «Два пути»

[6] У. Шекспир «Буря»

[7] Виски Jack Daniels

[8] Песня, которая первоначально была призывом к Богу, чтобы Он обратил свой взор и помог нуждающимся, стала одной из самых популярных народных песен в мире. В 90-х годах прошлого столетия фраза «пение Кумбая», вновь вошла в идиоматическое употребление в политике Соединенных Штатов. Особенно активно позже в своих речах её использовал президент Барак Обама.

[9] Бальный танец

[10] Бренд традиционного ирландского виски

[11] «Сеять хаос».

[12] Песня Fergie A Little Party Never Killed Nobody.